
СОЧИНЕНІЯ
БАТЮШКОВА
1

Возвра

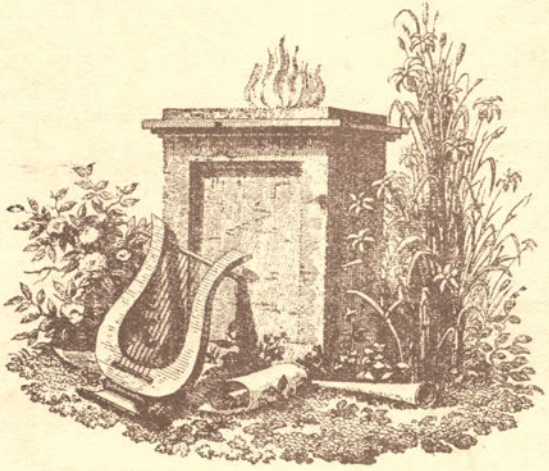
ИЗЪ КНИГЪ

П. А. ЕФРЕМОВА.

№ ШК. ПОЛ.

487/1

БИБЛІОТЕКА ПУШКИНСКАГО ДОМА.

Изъ книгъ П. А. Ефремова.

ИНЛИ 48 7/1
Возврат.

СОЧИНЕНІЯ

БАТЮШКОВА.

Константинъ Николаевичъ
Батюшковъ.

СОЧИНЕНІЯ
КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1834.

СОЧИНЕНІЯ

ВЪ

ПРОЗѢ и СТИХАХЪ,

Константина Батюшкова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Et quand personne ne me lira, ay ie perdu mon temps, de m'estre entretenu tant d'heures oysifves à penſemens utiles ou agréables?

MONTAIGNE.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА.

1834.

—15—

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Санктпетербургъ, 19 Октября, 1833 года.

Цензоръ А. Никитенко.

Пушкинский Дом
Библиотека
Академия Наук СССР
159002

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Нѣчто о Морали, основанной на Философіи и Религіи . . 1

II. О лучшихъ свойствахъ сердца 23

III. Рѣчь о вліяніи легкой Поэзіи на языкъ 32

Примѣчанія 47

IV. Нѣчто о Поэтѣ и Поэзіи 50

V. О характерѣ Ломоносова 63

VI. Вечеръ у Кантемира 71

VII. Письмо къ И. М. М. А. о сочиненіяхъ Г. Муравьева 96

VIII. Прогулка въ Академію Художествъ 123

IX. Отрывокъ изъ писемъ Русскаго Офицера о Финляндіи 158

X. Путешествіе въ Замокъ Сирей 170

XI. Двѣ Аллегоріи 187

XII. Похвальное слово сну 193

XIII. Аріостъ и Тассъ 216

XIV. Петрарка 230

XV. Гризельда, повѣсть изъ Боккачьо 251

XVI. Предслава и Добрыня, старинная повѣсть . . . 268

ПИСЬМА и ОТРЫВКИ:

I. Къ Д. В. Д. 296

II. Къ С. 305

III. Къ В. Л. Пушкину 318

БИБЛІОТЕКА

Стр.

IV. Къ А. И. Т. 323

V. Къ А. И. Т. 324

VI. Къ А. И. Т. 327

VII. Къ С. С. У. 332

VIII. Къ В. А. Ж. 335

ПРОЗА.

ПРОЗА

I.

НѢЧТО О МОРАЛИ,

ОСНОВАННОЙ НА ФИЛОСОФІИ И РЕЛИГІИ.

Есть необыкновенная эпоха въ жизни; иные ранѣе, другіе позже испытали мученіе и сладость, ей особенно свойственныя. Я хочу говорить о томъ времени, въ которое человѣкъ, посредствомъ опыта и страстей, получаетъ новое нравственное существованіе; когда, разодравъ завѣсу сомнѣній, онъ открываетъ новое поприще, становится на новый рубежъ, озираетъ съ него протекшее и будущее, сравниваетъ одно съ другимъ и рѣшается пройти остальное поприще жизни съ свѣтильникомъ Вѣры или мудрости, оставляя за собою предразсудки легкомыслія, суетныя надежды и толпу блестящихъ призраковъ юности.

Скоро и невозвратно исчезаетъ юность, это время, въ которое человѣкъ, по щастливому выраженію Кантемира, *еще новый житель міра сего,*

съ любопытствомъ обращаетъ взоры на Природу, на общество и требуетъ однихъ сильныхъ ощущеній; онъ съ жаждою пьетъ тогда въ источникѣ жизни, и ничто не можетъ уполить сей жажды: нѣтъ границы наслажденіямъ, нѣтъ мѣры требованіямъ души, новой, исполненной силы и неослабленной ни опытностію, ни трудами жизни. Тогда все дѣлается страстію, и самое чтеніе. Щастливъ тотъ, кто найдетъ наставника опытнаго въ оное опасное время, наставника, коего попечительная рука отклонитъ отъ порочнаго и суетнаго; щастливъ тотъ еще болѣе, кого сердце спасетъ отъ заблужденій разсудка: ибо въ юности сердце есть лучшая порука за разсудокъ. Одна опытность даетъ разсудку и силу и дѣятельность. Во время юности и огненныхъ страстей каждая книга увлекаетъ, каждая система принимается за истину, и читатель, неруководимый разумомъ, подобно гражданину въ бурныя времена безначалія, переходитъ то на одну, то на другую сторону. — Сомнѣніе не существуетъ и не можетъ существовать: ибо оно уже есть слѣдствіе сравненія, для котораго нужны понятія, цѣлый запасъ воспоминаній. Тѣ моралисты, которые говорятъ сердцу, одному сердцу, тѣ политики, которые нападаютъ софизмами на всѣ предразсудки безъ изъятія и поражаютъ зло

стрѣлами сапиры или палицею желѣзнаго человѣка (*), не взирая ни на лица, ни на условія и законы общества, суть самые опаснѣйшіе. Блескъ остроумія исчезаетъ; одно убѣдительное краснорѣчіе страстей, или возбуждающее ихъ, оставляетъ въ сердцѣ сіи глубокіе слѣды, часто не изгладимые (**).

Но время чтенія исчезаетъ: ибо пресыщенное любопытство утомляется. За симъ слѣдуетъ непосредственно эпоха сомнѣній. Сомнѣніе мучительно; оно есть необыкновенное состояніе души, и продолжительно не бываетъ. Надобно рѣшиться мыслящему человѣку принять свѣтильникъ мудрости (той или другой школы); надобно запастись мудростію человѣческою или небесными утѣшеніями: ибо онъ видитъ, онъ чувствуетъ, что для самой ограниченной дѣятель-

---

(*) Смотри мечтанія Мерсье подъ названіемъ: l'An 2440.

(**) Вотъ почему чтеніе Вольтера менѣе развратило умовъ, нежели пламенныя мечтанія и блестящіе софизмы Руссо: одинъ говоритъ безпрестанно уму, другой сердцу; одинъ угождаетъ суетности и скоро утомляетъ остроуміемъ; другой никогда не можетъ наскучить, ибо всегда плѣняетъ, всегда убѣждаетъ или трогаетъ: онъ во сто разъ опаснѣе.

ности въ обществѣ, надлежитъ имѣть нѣсколько постоянныхъ нравственныхъ истинъ въ опору своей слабости. Къ несчастію, — или къ счастію можетъ быть, ибо кто извѣдалъ всѣ пути Промысла? — мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, въ которомъ человѣческая мудрость недостаточна для обыкновеннаго круга дѣятельности самаго простаго гражданина: ибо какая мудрость можетъ утѣшить несчастнаго въ сіи плачевныя времена, и какое благородное сердце, чувствительное и доброе, станетъ довольствоваться сухими правилами Философіи, или захочетъ искать грубыхъ земныхъ наслажденій посреди ужасныхъ развалинъ столицъ, посреди развалинъ еще ужаснѣйшихъ — всеобщаго порядка, и посреди страданій всего человѣчества, во всемъ просвѣщенномъ мірѣ? Какая мудрость въ силахъ дать постоянныя мысли гражданину, когда зло торжествуетъ надъ невинностію и правотою? Какъ мудрости не обмануться въ своихъ математическихъ расчетахъ (ибо всякая мудрость человѣческая основана на расчетахъ), когда всѣ ея замыслы сами себя уничтожаютъ? Къ чему прибѣгаетъ умъ, требующій опоры? Къ какимъ постояннымъ правиламъ, или расколамъ древней или новой Философіи, по какой системѣ расположитъ свои поступки, связанные столь тѣсно съ ходомъ идей

политическихъ, превратныхъ и шаткихъ? и что успокоитъ его? Какіе свѣтскіе моралисты внушатъ сію надежду, сіе мужество и постоянство для настоящаго времени столь печальнаго, для будущаго столь грознаго? Ни одинъ, смѣло отвѣчаю: ибо вся мудрость человѣческая принадлежитъ вѣку, обстоятельствамъ. Она подобна нѣмъ нѣжнымъ растѣніямъ, которыя прозябаютъ, цвѣтутъ и украшаются плодами подъ природнымъ небомъ, но въ землѣ чуждой; окруженныя несвойственными растѣніями, при вѣяніи малѣйшаго вѣтерка, скудѣютъ листьями и вянутъ безпрестанно. Слабость человѣческая неизлечима, вопреки Стоикамъ, и всѣ произведенія ума его носятъ отпечатокъ оной. Признаемся, что смертному нужна мораль, основанная на небесномъ Откровеніи: ибо она единственно можетъ быть полезна во всѣ времена и при всѣхъ случаяхъ: *она есть щитъ и копье* добраго человѣка, которыя не ржавѣютъ отъ времени.

И къ чему всѣ опыты мудрости человѣческой? Къ чему совѣты и наблюденія зоркаго разума? Достаточны ли они для человѣчества вообще и для человѣка частно во время его странствованія по бурному морю жизни? Къ чему, напримѣръ, сельскому жителю вся мудрость и опытность Дюкло? Къ чему тонкія замѣчанія Ларош-

фуко, котораго книга, по словамъ и самихъ свѣтскихъ людей, сушитъ сердце? Къ чему всѣ эти испины, основанныя на ложныхъ понятіяхъ? Ибо для мудрецовъ сихъ и дружба, и любовь, и чувство сына къ отцу, и нѣжнѣйшее чувство матери къ своему рожденію, однимъ словомъ, благодарность, безкорыстіе и все, что человѣчество имѣетъ драгоцѣннаго, прекраснаго, великаго, всѣ позывы великой души, всѣ невольныя движенія и тайныя пожертвованія благороднаго сердца — все есть слѣдствіе *корысти.*

Другіе свѣтскіе моралисты повторяли однѣ и тѣ же мысли, или (напр. Гельвецій) давали имъ обширнѣйшее распространеніе, но вѣчно ложное (*). Они опечалили человѣчество, они ограбили его, сіи дерзкіе и суетные умы: ибо что говорили они? *Будь щастливъ по нашимъ правиламъ.* — Согласенъ, слѣдую имъ слѣпо; но я все не доволенъ ни судьбою, ни сердцемъ своимъ. Что же мнѣ остается? — Терпѣніе, отвѣчали они, и отсылали насъ къ Стоикамъ.

(*) Число понятій моральныхъ и политическихъ — говоритъ Ансильонъ — весьма ограничено; вообще мало понятій въ обращеніи. Каждое поколѣніе выбиваетъ монету, или, лучше сказать, перемѣняетъ только штемпель, а металлъ все тотъ же. —

Вотъ, въ чемъ совершенно заключается вся нравственная теорія новѣйшихъ мечтателей, которую опровергъ другой мечтатель (*), отступникъ отъ Вѣры, отступникъ отъ Философіи. Ни слова въ утѣшеніе: ибо гдѣ обрѣсти его? Въ совѣсти! кричали они. — Согласенъ; но кто утѣшитъ эту мать, прижавшую къ груди своей трепетнаго младенца, бѣгущую изъ столицы, объятой пламенемъ? Кто утѣшитъ этого отца, супруга, который подъ развалинами дома своего оставляетъ все, что имѣлъ: и дѣтей, и жену, и всѣ блага жизни, всѣ надежды свои? Здѣсь совѣсть будетъ существо отрицательное. Она будетъ спокойна у невиннаго страдальца, но слезы его прольются на прахъ разрушеннаго щастія.... взоры его обратятся къ небу; тамъ найдетъ онъ отвѣтъ на вопросы отчаяннаго сердца, или оно погибнетъ: здѣсь нѣтъ середины.

Стоическая система ложна, ибо мораль ея основана на одномъ умствованіи, одномъ отрицаніи; она ложна потому, что безпрестанно враждуетъ съ нѣжнѣйшими обязанностями семейственными, которыя основаны на любви, на благоволеніи. Пусть будетъ она лучшая изъ древнѣйшихъ системъ: ибо она внушаетъ человѣку пред-

(*) Руссо.

досшь, мужесшво, носпоянсшво, безъ коморыхъ нѣшъ добродѣшели; ибо она указуешъ смершному высокую цѣль и Бога на концѣ поприща жизни, проведенной въ правдѣ, въ шрудахъ, въ оприцаніи самого себя; но сердцу — она ничего не сказываешъ. Всѣ моральныя исшины должны менѣе или болѣе къ нему оношишься, какъ радіусы къ своему цеширу: ибо сердце есшь исшочникъ спрасшей, пружина морального движенія. Умъ долженъ имъ управлящь; но и самый умъ (у людей щасшливорожденныхъ) любишъ оддавашь ему ошчешъ, и сей ошчешъ ума сердцу есшь шо, чшо мы осмѣлимся назвашь лучшимъ и нѣжнѣйшимъ цвѣшомъ совѣсши (*). Есшь другой родъ моралисшовъ: они принадлежашъ къ школѣ Эпикуровой (Новѣйшіе

(*) Вошъ въ чемъ заключали все ученіе Сшоики: „Есшь Богъ, слѣдсшвенно Онъ создалъ человѣка. Онъ создалъ его для себя, создалъ шаковымъ, чшобы онъ содѣлался *правосудными и щасшливымъ* на землѣ; слѣдсшвенно человѣкъ можешъ познашь исшину и можешъ посредсшвомъ *мудрости своей* возвысишься до Бога, коморый есшь верховное благо.“ — Мы приглашаемъ прочишашь опроверженіе Моншаня сисшемы Эпикшешовой, и Паскалево опроверженіе Моншаня и Эпикшеша. Христіанскій мудрецъ сравниваешъ обѣ сисшемы; заспавляешъ бороться Моншаня съ Эпикшешомъ и обоихъ поражаешъ необоримыми доводами. —

нѣ, которые не руководствовались истинами Откровенія и повторяли только сказанія Древнихъ (*). Французскіе Писатели осьмагонадесять вѣка большею частію расположили мораль свою по ученію сего мудреца; они желали распространить ея вліяніе на всѣ состоянія, на всѣ случаи жизни, могущіе поспигнуть человѣка въ обществѣ. Система Эпикурова заключается въ слѣдующемъ предложеніи: »Человѣкъ не можетъ возвыситься до Существа Верховнаго; его наклонности безпрестанно противорѣчатъ закону: онъ влечется невольно къ видимымъ благамъ и ищетъ въ нихъ благополучія, даже въ вещахъ самыхъ гнуснѣйшихъ. И такъ, все не вѣрно: истинное благо подлежитъ сомнѣнію, и это ведетъ насъ къ познанію, что не можно имѣть постояннаго правила для нравовъ, ни точности въ Наукахъ.« Монтань, великій защитникъ сего, представляетъ намъ Стоическую добродѣтель въ видѣ ужаснаго пугалища; а *свою* науку называетъ игривою, чистосердечною, простою и проч. Слѣдуя тому, что ей нравит-

(*) Во всемъ, говоритъ Монтань (если не ошибаюсь), мы влечемся по слѣдамъ Древнихъ, какъ малыя дѣти за школьнымъ учителемъ на гуляньѣ. Въ недавнемъ времени въ Германіи воскресили всю мечтательную Философію Платона подъ другимъ именемъ.

ся, говоритъ онъ, играетъ она небрежно съ дурными и щастливыми случайностями жизни, покоится сладостно на лонѣ праздности, откуда показываетъ людямъ путь къ истинному на землѣ благополучію. Невѣдѣніе и нелюбопытство, восклицаетъ онъ, — вотъ два мягкія изголовья для головы щастливо образованной!

Убѣжденная въ сей *истинѣ* толпа Философовъ Эпикурейцовъ, отъ Монтаня до самыхъ бурныхъ дней революціи, повторяла человѣку: Наслаждайся! Вся Природа твоя: она предлагаетъ тебѣ всѣ сладости свои, всѣ упоенія уму, сердцу, воображенію, чувствамъ; все, кромѣ надежды будущаго, все твое, минутное, но вѣрное. — Но гдѣ же сіи сладости, сіи наслажденія безпрерывныя, сіи дни безоблачные, сіи часы и минуты, сотканные усердною Паркою изъ нѣжнѣйшаго шелка, изъ злата и розъ сладострастія? гдѣ они, спрашиваетъ сластолюбивый въ тинѣ страстей своихъ. Гдѣ и что такое эти наслажденія, убѣгающія, обманчивыя, непостоянныя, отравленныя слабостію души и тѣла, помраченныя воспоминаніемъ, или грустнымъ предвидѣніемъ будущаго? Къ чему ведутъ эти суетныя познанія ума, Науки и опытность, трудомъ пріобрѣтенныя? — Нѣтъ отвѣта, и не можетъ быть!

Заглянемъ въ самое сердце человѣка просвѣ-

щеннаго и щастливаго по понятіямъ міра. Напримѣръ: кто былъ просвѣщеннѣе и щастливѣе Горація, и кто страдалъ подобно ему? Природа лелѣяла его, какъ любимое дитя свое. Мы знаемъ его жизнь. Судьба, испышавшая его въ юности, осыпала всѣми дарами и славы и богатства въ зрѣлыя лѣта. Дружество Августа и Мецената, наслажденія роскошнаго двора, общее уваженіе къ великому таланту, здоровье неизмѣняющее, друзья любезные сердцу и уму, и въ вѣрности подобные благосклонной фортунѣ, прелестныя женщины, готовыя увѣнчать миртами любимца Монарха и Музъ, и что всего лучше, мудрость, удовлетворительная для всѣхъ случайностей щастія, мудрость, которая открыла золотую середину во всѣхъ вещахъ, истинный Философскій камень: чего бы не доставало? Но щастливецъ, при всѣхъ дарахъ фортуны, при всей Философіи, скучалъ: ибо сердце человѣческое имѣетъ нѣкоторый избытокъ чувствъ, который не рѣдко бываетъ источникомъ живѣйшихъ терзаній. Наслажденіе насъ съѣдаетъ, говоритъ Монтань; сердце скоро пресыщается. »Юноша, наливающій Фалернское, дай горькаго!« восклицаетъ Капуллъ, увѣнчанный розами, пресыщенный на пиршествѣ:

Minister vetuli, puer, Falerni
Inger'mi calices amariores.

Такъ создано сердце человѣческое, и не безъ причины: въ самомъ высочайшемъ блаженствѣ, у источника наслажденій, оно обрѣтаетъ горечь. И это испыталъ Горацій. Нигдѣ не могъ онъ найти спокойствія: ни въ влажномъ Тибурѣ, ни въ цвѣтущемъ убѣжищѣ Мецената, ни въ градѣ; ни въ объятіяхъ любовницы, ни въ самыхъ наслажденіяхъ ума и той Философіи, которую украсилъ онъ неувядаемыми цвѣтами своего воображенія: ибо если Науки и Поэзія услаждаютъ нѣсколько часовъ въ жизни, то не оставляютъ ли онѣ въ душѣ какой-то пустоты, которая охлаждаетъ насъ къ видимымъ предметамъ и набрасываетъ на Природу и общество печальную тѣнь (*)?

(*) „Въ Египтѣ я зналъ жреца, который, истощивъ всю жизнь свою на познаніе начала и конца вещей міра сего, сказалъ мнѣ съ глубокимъ вздохомъ: горе тому, кто захочетъ снять покрывало съ лица Природы! горе тому, для кого уже не существуетъ то очарованіе, которое предразсудки и нужды навели на предметы міра! Вскорѣ душа его, поблеклая и темная, въ самой жизни найдетъ ничтожество, ужаснѣйшее изъ всѣхъ наказаній... При сихъ словахъ слезы навернулись на глазахъ, и онъ сокрылся въ густотѣ лѣса.“ — *Путешествіе Младшаго Анахарсиса.*

Это тягостное состояніе души нерѣдко бываетъ извѣстно людямъ добрымъ и образованнымъ. Что избавитъ ихъ отъ сего мученія? — Религія.

Гдѣ же истинное блаженство? Увидимъ далѣе. — Мы испытали, что Эпикурейцы не обрѣли его за чашею наслажденія, ни Стоики въ безстрастіи и въ непреклонной суровости нравовъ (ибо человѣкъ созданъ любить). Никто не нашелъ блаженства: ни умный, ни сильный, ни богатый въ чертогахъ, ни бѣдный въ хижинѣ своей: ибо и тотъ, кто блистаетъ въ пурпурѣ, и тотъ, кто палъ всю жизнь свою въ убогомъ шалашѣ, говоритъ Горацій, не могутъ назваться щастливыми.

Гдѣ же это совершенное благополучіе, котораго требуетъ сердце, какъ пѣло пищи? Оно нигдѣ не находится вполнѣ, отвѣчаетъ опытность всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Человѣкъ есть странникъ на землѣ, говоритъ святый Мужъ: чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и дубравы: гробъ его жилище во вѣкъ. — Вотъ почему всѣ системы и Древнихъ и Новѣйшихъ недостаточны! Онѣ ведутъ человѣка къ блаженству земнымъ путемъ и никогда не доводятъ; Систематики забываютъ, что человѣкъ, сей царь лишенный вѣнца, брошенъ сюда не для щастія минутнаго; они забываютъ о его высокомъ назначеніи, о которомъ Вѣра, одна святая Вѣра ему напоминаетъ. Она подаетъ ему руку въ самыхъ пропастяхъ, изрытыхъ страстями или непріяз-

неннымъ рокомъ; она изводитъ его невредимо изъ превольненій жизни, и никогда не обманываетъ: ибо она переноситъ въ вѣчность всѣ надежды и все блаженство человѣка. Лучшіе изъ древнѣйшихъ Писателей приближились къ симъ вѣчнымъ истинамъ, которыя святое Откровеніе явило намъ въ полномъ сіяніи. —

И горе тому, кто отвращаетъ взоры свои! Собственное сердце его накажетъ: чѣмъ оно чувствительнѣе, чѣмъ благороднѣе, тѣмъ болѣе и сильнѣе будутъ его терзанія: ибо ни дары щастія, ни блескъ славы, ни любовь, ни дружество, ничто не удовлетворитъ его вполнѣ. Въ новѣйшія времена Руссо, одаренный великимъ геніемъ, тому явный и краснорѣчивый примѣръ. Онъ нигдѣ не обрѣталъ благополучія: ибо всю жизнь искалъ его не тамъ, гдѣ надлежало. Слава учинилась ему бременемъ, люди и общество ненавистными: ибо онъ оскорбилъ ихъ неограниченною гордостію. Любовь земная не могла насытить его жаднаго сердца; самая дружба его терзала. Оскорбленный, растерзанный всѣми страстями, онъ покидалъ общество, требовалъ щастія въ объятіяхъ Природы, вопрошалъ безмолвные лѣса, скитался при шумѣ клубящихся водопадовъ, въ часы румянаго утра и прохладнаго вечера; но не могъ успокоить своего сердца. Въ обществѣ на-

прасно облекается онъ въ мантію Стоиковъ, напрасно подражаетъ имъ въ твердости; собственное сердце ему измѣняетъ. Одна Религія могла утѣшить и успокоить страдальца; онъ зналъ, онъ чувствовалъ эту истину и, жертва неизлечимой гордости, преклонялъ безпрестанно главу свою подъ легкаго и спасительнаго ярма. Краснорѣчивый защитникъ истины (когда истина не противорѣчила его страстямъ), пламенный обожатель и жрецъ добродѣтели, посреди величайшихъ заблужденій своихъ, какъ часто измѣнялъ онъ и добродѣтели и истинѣ! Кто соорудилъ имъ великолѣпнѣйшіе алтари, и кто оскорбилъ ихъ болѣе въ теченіе жизни своей и дѣломъ и словомъ? Кто заблуждался болѣе въ лабиринтѣ жизни, неся свѣтильникъ мудрости человѣческой въ рукѣ своей? Ибо свѣтильникъ сей недостаточенъ; одинъ лучь Вѣры, слабый лучь, но постоянный, показываетъ намъ вѣрнѣе путь къ истинной цѣли, нежели полное сіяніе ума и воображенія.

Покланяться добродѣтели и измѣнять ей, быть почитателемъ истины и не обрѣтать ее, — вотъ плачевный удѣлъ нравственности, которая не опирается на якорь Вѣры. Одно заблужденіе раждаетъ другое. Руссо началъ софизмами, кончилъ ужасною книгою; — онъ пожелалъ оправ-

дашься передъ людьми, какъ передъ Богомъ, со всею искренностію человѣка глубоко распроганнаго, но гордаго въ самомъ униженіи, тогда, когда надлежало исповѣдывать тайны единому Верховному Существу, не съ гордостію мудреца, который укоряетъ Природу въ своихъ слабостяхъ, но съ смиреніемъ Христіанина. Одинъ Богъ можетъ требовать отъ насъ подобной исповѣди; люди не достойны оной. И что же? Оправдывая себя, онъ оскорбилъ и дружество, и любовь, и родство, и все, что человѣчество имѣетъ священнаго, завѣтнаго для души благородной; онъ оскорбилъ тѣни своихъ друзей, давно забытыхъ согражданами, оскорбилъ ихъ самымъ несправедливымъ приговоромъ по невѣдѣнію: ибо истина на землѣ одному Богу извѣстна. Кто требовалъ у него сихъ признаній, сей страшной повѣсти цѣлой жизни? Не люди, а гордость его. Какое право имѣлъ онъ повѣдать міру о слабостяхъ женщины, которой дружество, столь нѣжное, столь безкорыстное, усладило юность и успокоило превожимое сердце мечтателя? Такъ! человѣкъ, рожденный для добродѣтели, учинилъ страшное преступленіе, неслыханное доселѣ, и это преступленіе родила мудрость человѣческая... Десятилѣтній отрокъ, который помнитъ свой Катихизисъ, можетъ уличить его въ этомъ преступленіи. Бо-

же великій! что же такое умъ человѣческій въ полной силѣ, въ совершенномъ сіяніи, исполненный опытности и науки? Что такое всѣ наши познанія, опытность и самыя правила нравственности безъ Вѣры, безъ сего путеводителя и зоркаго, и строгаго, и снисходительнаго (*)?

(*) Безъ смѣха и жалости нельзя читать признаній Женевскаго мечтателя. Я не стану выписывать тѣхъ мѣстъ изъ книги его, которыя могутъ оскорбить нравственность самую свѣтскую, самую снисходительную: ихъ множество. Но одно мѣсто меня забавляетъ болѣе другихъ, когда я воображаю себѣ защитника правъ человѣчества и Философіи, столь лакомаго въ молодости своей. У Г. Мабли, въЛіонѣ, если не ошибаюсь, исправляя должность учителя и наставника, онъ любилъ отдыхать въ своей комнатѣ и пить вино, заѣдая пирожками: тутъ нѣтъ еще большаго зла; но вино было краденое... Дѣло сдѣлано! говоритъ Философъ: malheureusement je n'ai jamais pu boire sans manger... mais aussi quand j'avais ma petite brioche, et que bien enfermé dans ma chambre, j'allais trouver ma bouteille au fond de l'armoire; quelles bonnes petites buvettes je faisais là tout seul en lisant quelques pages de roman! Можно ли удержаться отъ смѣха? Гдѣ тутъ достоинство человѣка и мудреца? О слогѣ ни слова. Въ такомъ случаѣ слогъ есть вѣрное выраженіе души. И этотъ человѣкъ имѣлъ столько любезныхъ качествъ, столько небесныхъ дарованій! И этотъ человѣкъ чувствовалъ всю прелесть Религіи, и благодѣтельное вліяніе

Пушкинский Дом
159002
-15-
Библиотека

Вѣра и нравственность, на ней основанная, всего нужнѣе Писателю. Закаленныя въ ея свѣтильникѣ мысли его становятся постояннѣе, важнѣе, сильнѣе, краснорѣчіе убѣдительнѣе; воображеніе при свѣтѣ ея не заблуждается въ лабиринтѣ созданія; любовь и нѣжное благоволеніе къ человѣчеству дадутъ прелесть его малѣйшему выраженію, и Писатель поддержитъ достоинство человѣка на высочайшей степени. Какое бы поприще онъ ни прошекалъ съ своею Музою, онъ не унизитъ ее, не оскорбитъ ея стыдливости, и въ памяти людей оставитъ пріятныя воспоминія, благословенія и слезы благодарности: лучшая награда таланту.

Невѣріе само себя разрушаетъ, говоритъ краснорѣчивый Квинтиліанъ нашихъ временъ, который зналъ всю слабость гордыхъ вольнодумцевъ: *ибо онъ всю молодость свою провелъ въ станѣ непріятельскомъ.* Одна Вѣра *созидаетъ* мораль незыблемую. Священное Писаніе, продолжаетъ онъ, есть хранилище всѣхъ истинъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія. Вѣра имѣетъ ключь отъ сего хранилища, замкнутаго для коварнаго любопытства;

опой на общество и на человѣка частнаго!—Чего недоставало ему? Постояннаго убѣжденія, менѣе гордости и страстей, болѣе разсудительности и смиренія.

Вѣра обрѣтаетъ въ немъ свѣтъ спасительный. Невѣріе приноситъ въ него собственные мраки, которые бываютъ тѣмъ гуще, чѣмъ они произвольнѣе. Чтобъ быть выше другихъ людей, оно становится на высоты, окруженныя пропастями. Оттуда взоръ его, смутный и блуждающій, смѣшиваетъ всѣ предметы. Невѣріе мыслитъ обладать орлинымъ окомъ, и ничего не различаетъ. Не случалось ли вамъ путешествовать при первыхъ лучахъ денницы пѣшемъ, проложеннымъ по высокимъ горамъ, когда пары, отъ земли восходящіе, простираютъ со всѣхъ сторонъ туманную завѣсу, скрывающую горизонтъ, гдѣ изображается множество мечтательныхъ предметовъ, отъ смѣшенія свѣта со тьмою происходящихъ? По мѣрѣ того, какъ вы сходите съ высотъ, сіе облако земное рѣдѣетъ, разсѣвается; вы проникаете чрезъ него и находите на себѣ малые слѣды влаги, скоро изсыхающей. Тогда открывается и расширяется предъ вами необъемлемый горизонтъ: вы видите близъ лежащія горы, жатвы и стада ихъ покрывающія, селенія человѣческія и холмы надъ ними возвышенные; вся Природа вамъ отдана снова: вотъ эмблема невѣрія и Вѣры. — Сойдите съ сихъ высотъ невѣрія, гдѣ вы ходите около пропастей неизмѣримыхъ, гдѣ взоръ вашъ встрѣчаетъ одни призраки; сойдите, говорю

вамъ; призванные и поддержанные смиренной Вѣрою, идите прямо къ симъ облакамъ, обманчивымъ, восходящимъ отъ земли (они скрываютъ отъ васъ истину и являютъ одни обманчивые образы); сойдите и пройдите сквозь сію ничтожную преграду паровъ и призраковъ; она уступитъ вамъ безъ сопротивленія; она исчезнетъ — и ваши взоры обрѣтутъ необъемлемую перспективу истинъ, всѣ утѣшенія сего земнаго жилища и горѣ лазурь небесную. —

Но для насъ исчезли всѣ призраки мудрости человѣческой. Къ щастію нашему мы живемъ въ такія времена, въ которыя невозможно колебаться человѣку мыслящему; стоитъ только взглянуть на происшествія міра и потомъ углубиться въ собственное сердце, что бы твердо убѣдиться во всѣхъ истинахъ Вѣры. Весь запасъ остроумія, всѣ доводы ума, логики и учености книжной истощены передъ нами; мы видѣли зло, созданное надменными мудрецами, добра не видали. Щастливые обитатели обширнѣйшаго края, мы не участвовали въ заблужденіяхъ племенъ просвѣщенныхъ: мы издали взирали на громы и молніи невѣрія, раздробляющіе и тронъ Царя и алтарь истиннаго Бога; мы взирали съ ужасомъ на плоды нечестиваго вольнодумства, на вольность, водрузившую свое знамя посреди окровавленныхъ

труповъ, на человѣчество униженное и оскорбленное въ священнѣйшихъ правахъ своихъ; съ ужасомъ и съ горестію мы взирали на успѣхи нечестивыхъ легіоновъ, на Москву дымящуюся въ развалинахъ своихъ; но мы не теряли надежды на Бога, и ѳиміамъ усердія курился не тщетно въ кадильницѣ Вѣры, и слезы и моленія не тщетно проливались передъ Небомъ: мы восторжествовали. Оборотъ единственный, безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра! Легіоны *непобѣдимыхъ* запрепятали въ свою очередь. Копье и сабля, окропленныя святою водою на берегахъ тихаго Дона, засверкали въ обители нечестія, въ виду храмовъ *разсудка, братства и вольности*, безбожіемъ сооруженныхъ: и знамя Москвы, Вѣры и чести водружено на мѣстѣ величайшаго преступленія противъ Бога и человѣчества (*).

Faut-il encore, faut-il vous rappeller le cours
Des prodiges sans nombre accomplis en nos jours?

(*) Назадъ тому нѣсколько лѣтъ Шатобріанъ сказалъ: „храбрость безъ Вѣры ничтожна. — Посмотримъ, что сдѣлаютъ наши вольнодумцы противъ Казаковъ грубыхъ, непросвѣщенныхъ, но сильныхъ Вѣрою въ Бога?“ .... Всѣ журналисты вступились за честь оскорбленной великой націи (la grande nation); но предсказаніе сбылось.

Должно ли приводить на память послѣднія чудеса, новыя покушенія злобы и невѣрія, и сіяющее торжество невинности, человѣколюбія и Религіи? Сколько уроковъ уму! Сердце въ нихъ нужды не имѣетъ.

Съ зарею наступающаго мира, котораго мы видимъ сладостное мерцаніе на горизонтѣ политическомъ, просвѣщеніе сдѣлаетъ новые шаги въ Отечествѣ нашемъ: снова процвѣтутъ промышленость, Искусства и Науки, и всѣ сладостныя надежды сбудутся; у насъ, можетъ быть, родятся Философы, Политики и Моралисты, и, подобно свѣтильникамъ Эдимбургскимъ, долгомъ поставятъ основать ученіе на истинахъ Евангелія, кротких, постоянныхъ и незыблемыхъ, достойныхъ великаго народа, населяющаго страну необозримую; достойныхъ Великаго человѣка, имъ управляющаго!

Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна,
Гдѣ-бъ можно столь добра творить (*)!

(*) Державин, в отв. на посл. Кн. Гагарина

С. Отеч. 1816, ч. 28, № 9, с. 81–105

II.

О ЛУЧШИХЪ СВОЙСТВАХЪ СЕРДЦА.

Масье, воспитанникъ Сикаровъ, на вопросъ: что есть благодарность? отвѣчалъ: память сердца. Прекрасный отвѣтъ, который еще болѣе дѣлаетъ чести сердцу, нежели уму глухонѣмаго Философа. Эта память сердца есть лучшая добродѣтель человѣка, и не столь рѣдка, какъ полагаютъ нѣкоторые строгіе наблюдатели. Человѣкъ добръ по природѣ, кричалъ Женевскій мизантропъ, и клеветалъ общество: слѣдственно клеветалъ человѣка: ибо онъ созданъ жить въ обществѣ, какъ муравей, какъ пчела: всѣ его добродѣтели относительны къ ближнему, и отвлеченно отъ онаго существовать не могутъ, какъ рука, отдѣленная отъ тѣла. Человѣкъ есть созданіе злое, говорятъ другіе моралисты, и приводятъ множество свидѣтельствъ о развратѣ и злобѣ сердца нашего; но я не вѣрю имъ и не мо-

гу вѣритъ, чтобы общество походило на скопище свирѣпыхъ звѣрей. Живутъ ли тигры вмѣстѣ? строятъ ли города?—Нѣтъ. Ясное доказательство, что злоба не связываетъ, но разлучаетъ. Кто живетъ въ обществѣ? Незлобныя созданія: голубь, муравей, бобръ, умный слонъ, и каждое изъ сихъ созданій имѣетъ какое нибудь *качество*, которое украшаетъ человѣка и есть одно изъ незыблемыхъ основаній общежительности.

Первый нашъ долгъ: благодарность къ Творцу. Но для исполненія его надобно начать съ людей. Провидѣнію угодно было связать чрезъ общество всѣ наши отношенія къ Небу. Быть виновникомъ бытія не есть достоинство передъ Богомъ и людьми; но принять младенца изъ рукъ матери въ минуту его рожденія, отъ колыбели до зрѣлыхъ лѣтъ служить ему защитою и опорою, передать ему въ наслѣдіе имя, званіе, сокровища, землю праотцами воздѣланную: вотъ обязанность отца. Благодарность есть обязанность дѣтей. На подобныхъ взаимныхъ обязанностяхъ основано все благосостояніе общества. Всѣ основанія его суть *добро*, и чѣмъ болѣе добра, тѣмъ тверже его основаніе: ибо одно добро имѣетъ здѣсь прочность и постоянность. Зло есть насильственное состояніе. Подъ шумомъ ли бури или при сладостномъ сіяніи солнца зрѣютъ

нивы? Какъ сила плодородія имѣетъ свое основаніе въ теплотѣ, такъ сила гражданственности основана на добрѣ.

Многіе умы наблюдали человѣка въ одномъ тѣсномъ кругу, въ которомъ дѣйствовали сами. Ларошфуко, остроумнѣйшій изъ Писателей остроумнаго вѣка, основалъ мораль свою на подобныхъ наблюденіяхъ. Но я спрашиваю: если бы Натуроиспытатель глядѣлъ на муравья, во время его странствованія за былинкою или за зерномъ, наблюдалъ его ссоры съ товарищами, а забылъ заглянуть въ огромное гнѣздо, гдѣ все имѣетъ видъ порядка, стройности, гдѣ всѣ части относятся совершенно одна къ другой и составляютъ прекрасное цѣлое: то какое произнесъ бы онъ сужденіе о трудолюбивомъ насѣкомомъ? Вотъ, что сдѣлалъ Ларошфуко, говоря о человѣкѣ и наблюдая за нимъ въ прихожей Тюльерійскаго замка. Но прихожая не есть вселенная, и человѣкъ придворный не есть лучшій изъ людей.

Впрочемъ, меня никто не увѣритъ, чтобы чувство благодарности было слѣдствіемъ нашего эгоизма, и я не могу постигнуть добродѣтели, основанной на исключительной любви къ самому себѣ. Напротивъ того, добродѣтель есть пожертвованіе добровольное какой нибудь выгоды; она есть отреченіе отъ самаго себя. Есть добродѣ-

шели уму принадлежащія, другія сердцу; благодарность, лучшая изъ нашихъ добродѣтелей, или вѣрнѣе, отголосокъ многихъ душевныхъ качествъ, принадлежитъ сердцу. »Ты мнѣ сдѣлалъ добро: слѣдовательно я тебя люблю,« такъ говоритъ благородное сердце. Эгоистъ иначе: »ты мнѣ сдѣлалъ добро; но будешь ли мнѣ дѣлать добро и впредь? добро, тобою сдѣланное, не требуетъ ли пожертвованій съ моей стороны?« Вотъ слова эгоиста; они совершенно противны благодарности, которая тѣмъ прелестнѣе, тѣмъ святѣе, чѣмъ менѣе разсуждаетъ, чѣмъ менѣе торгуется съ пользою личною и болѣе предается одному сердечному движенію.

Сердца, одаренныя глубокою или раздражительною чувствительностію, часто не знаютъ средины; для нихъ все есть зло или добро: видятъ совершенный порядокъ въ обществѣ, или отсутствіе онаго — скорѣе послѣднее. Чувствительный человѣкъ, страдавшій въ теченіе всей жизни, дѣлается наконецъ мизантропомъ, и убѣгаетъ въ дремучіе лѣса отъ взоровъ людей неблагодарныхъ. Тамъ возноситъ онъ клевету на все человѣчество, оскорбившее его сердце, и въ гнѣвѣ своемъ забываетъ, что онъ самъ есть человѣкъ, то есть, созданіе слабое, доброе, злое и

неразсудительное; лучь Божества, заключенный въ прахѣ; существо, порабощенное всѣмъ стихіямъ, всѣмъ измѣненіямъ нравственнымъ и физическимъ. Но пусть мизантропъ приведетъ себѣ на память всю жизнь свою отъ колыбельныхъ дней до той страшной эпохи, когда сердце его воскликнуло въ гнѣвѣ: »человѣкъ золъ и люди подобны шиграмъ!« пусть приведетъ онъ на память и младенчество, и юношество, и зрѣлый возрастъ, въ которомъ воля и разсудокъ начинали заглушать голосъ страстей; пусть онъ спроситъ себя: или я не нашелъ добрыхъ и честныхъ людей, въ теченіе цѣлой жизни? или я лучше и добрѣе всѣхъ людей, имѣю всѣ добродѣтели и всѣ качества, и чуждъ страстей, и чуждъ всего низкаго и порочнаго? Нѣтъ, скажетъ ему разсудокъ и опытъ: и ты человѣкъ, и ты запачкалъ человѣчеству дань пороковъ, слабости и страстей; ты не ангелъ, ты и не чудовище. Опытъ и разсудокъ показываютъ намъ рѣдкія добродѣтели, и часто въ сердцѣ порочномъ наблюдатель чудесъ нравственныхъ съ неизъяснимою радостію открываетъ яркіе лучи душевной доблести: великодушіе, состраданіе, презрѣніе къ корысти и тысячу прелестныхъ качествъ, которыя примиряютъ его съ порочнымъ и съ Небомъ, создавшимъ человѣка не для однихъ преступленій.

Кто изъ насъ, отложа всѣ предразсудки и всѣ предубѣжденія, не сощитаетъ нѣсколько примѣрныхъ людей, ушѣшившихъ собою человѣчество? Не станемъ искать героевъ добродѣтели въ Исторіи; поищемъ ихъ вокругъ себя — и найдемъ конечно! — Курцій бросился въ пропасть; но Римъ на него смотрѣлъ. Леонидъ обрекаетъ себя смерти; но все Отечество (и какое Отечество? Спарта!) объ немъ въ страхѣ и надеждѣ. Долгорукій раздираетъ роковую бумагу въ присутствіи разгнѣваннаго Монарха; но онъ совершаетъ подвигъ свой въ Сенатѣ, окруженный великими людьми, достойными его и перваго Владыки въ мірѣ. Прекрасные подвиги, достойные подражанія и слезъ удивленія — недокупныхъ, сладостныхъ, божественныхъ слезъ! — Теперь спрашиваю: если мы удивляемся великимъ дѣламъ на великомъ поприщѣ, — если вѣруемъ добродѣтели, твердости душевной, безкорыстію въ великихъ обстоятельствахъ, то по чему не вѣровать имъ въ малыхъ? Добродѣтель подъ спудомъ не есть ли добродѣтель? Бѣдный, который дѣлится послѣдними крохами съ нищимъ, сестра милосердія, въ душной больницѣ стоящая съ сосудомъ врачеванія при ложѣ врага ея Отечества; смѣлый и человѣколюбивый врачь, испытующій свое искусство и терпѣніе въ дальней хижинѣ дровосѣка, безъ свидѣ-

шелей своего добраго дѣла, кромѣ одного въ небесахъ и другаго въ груди своей: всѣ эти люди, обреченные забвенію, не суть ли добродѣтельные люди? И тотъ, кто безпристрастною рукою начертываетъ имена ихъ въ книгѣ судебъ, не напишетъ ли ихъ на ряду съ именами Говарда, Ласъ-Казаса, Еропкина и другихъ людей, которыхъ добродѣтель и человѣчество называютъ *своими*. Монтань замѣтилъ справедливо, что лучшіе подвиги храбрости теряются въ неизвѣстности; одинъ похищаетъ знамя: имя его гремитъ въ рядахъ, но сотни неустрашимыхъ погибли передъ нимъ и кругомъ его.... Перенесите сей порядокъ въ міръ нравственный. Ласъ-Казасъ спасаетъ любезныхъ своихъ Американцевъ отъ рабства: онъ безсмертенъ; бѣдный Миссіонеръ въ снѣгахъ Канадскихъ бродитъ изъ шалаша въ шалашъ, изъ степи въ степь; окруженный смертію, проповѣдуетъ Бога и утѣшаетъ страждущихъ: какихъ? семью дикаго или изгнанника, живущаго на неизвѣстномъ берегу безъимянной рѣки или озера: сей смиренный воинъ Христа не есть ли великій человѣкъ въ полномъ нравственномъ смыслѣ? Но къ чему намъ переноситься въ дальныя страны? Здѣсь, кругомъ насъ, кто не испыталъ, что есть добрые люди, что въ обществѣ есть добродѣтели рѣдкія, посреди страстей, посреди

разврата и роскоши: одно злое сердце можетъ въ нихъ сомнѣваться; одно жестокое сердце не находило сердецъ нѣжныхъ.

И въ странахъ отдаленныхъ и въ дебряхъ, незнакомыхъ взорамъ человѣка, родятся цвѣты: на дикихъ берегахъ Амура, среди мховъ и болотъ выходитъ прелестный цвѣтокъ, до сихъ поръ неизвѣстный любопытному испытателю Природы; медленно распускается онъ подъ кротkимъ вѣяніемъ лѣтняго вѣтерка; наконецъ, украшеніе пустыни, цвѣтокъ увядаетъ, —

Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!

Но сѣмена его, падая на землю, расцвѣтаютъ съ первою весною въ новой красотѣ, въ новомъ убранствѣ. Вотъ истинная эмблема сей добродѣтели, неизвѣстной человѣкамъ, но не потерянной для человѣчества: ибо ничто доброе здѣсь не теряется, подобно какъ ни одна былинка въ Природѣ: все имѣетъ свою цѣль, свое назначеніе; все принадлежитъ къ вѣчному и пространному чертежу, и входитъ въ составъ цѣлаго въ нравственномъ мірѣ. Въ роскошномъ Парижѣ, въ многолюдномъ Лондонѣ и Пекинѣ та же самая сумма, или то же количество добра и зла, по мѣрѣ пространства, какое и въ юртахъ кочующихъ народовъ Сибири, или въ землянкахъ Лапландцевъ. До-

бродѣтельный старецъ (Мальзербъ) защищаетъ Монарха, покинутаго друзьями, родственниками, дворянствомъ, цѣлымъ народомъ; онъ защищаетъ его подъ лезвеемъ мечей, при проклятѝи озлобленныхъ тирановъ (но въ виду вселенной и, такъ сказать, въ присутствіи потомства): въ ту же самую минуту, сдѣлаемъ сіе предположеніе, Лапландецъ пробѣгаетъ на лыжахъ необъятное пространство, въ трескучій морозъ, посреди ужасной вьюги: зачѣмъ? Чтобы принести нѣсколько пищи бѣдному семейству друга своего, утѣшить больную вдовицу и спасти отъ явной смерти груднаго младенца. Мальзербъ и Лапландецъ равны передъ тѣмъ, кто ихъ создалъ, равны передъ лицемъ Добродѣтели и Правосудія небеснаго: оба жертвуютъ жизнію для добраго дѣла.

N.N.

С. От. 1816 г. 29 № 16, с. 41–51.

III.

РѢЧЬ

О ВЛІЯНІИ ЛЕГКОЙ ПОЭЗІИ НА ЯЗЫКЪ,

ЧИТАННАЯ ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ МОСКВѢ. ІЮЛЯ ... 1816.

Избраніе меня въ Сочлены ваши есть новое свидѣтельство, Мм. Гг., вашей снисходительности. Вы обращаете внимательные взоры не на одно дарованіе; вы награждаете слабые труды и малѣйшіе успѣхи: ибо имѣете въ виду важную цѣль: будущее богатство языка, столь тѣсно сопряженное съ образованностію гражданскою, съ просвѣщеніемъ, и слѣдственно — съ благоденствіемъ страны славнѣйшей и обширнѣйшей въ мірѣ. По заслугамъ моимъ я не имѣю права засѣдать съ вами; но если усердіе къ Словесности есть достоинство, то по пламенному желанію усовершенствованія языка нашего, единственно по любви моей къ Поэзіи, я могу смѣло сказать, что выборъ вашъ соотвѣтствуетъ цѣли Обще-

ства. Занятія мои были маловажны, но безпрерывны. Они были предъ вами краснорѣчивыми свидѣтелями моего усердія, и доставили мнѣ щастіе засѣдать въ древнѣйшемъ святилищѣ Музъ отечественныхъ, которое возраждается изъ пепла вмѣстѣ съ Столицею Царства Русскаго, и со временемъ будетъ достойно ея древняго величія.

Обозрѣвая мысленно обширное поле Словесности, необъятные труды и подвиги ума человѣческаго, драгоцѣнныя сокровища Краснорѣчія и Стихотворства, я съ горестію познаю и чувствую слабость силъ и маловажность занятій моихъ; но утѣшаюсь мыслію, что успѣхи и въ малѣйшей отрасли Словесности могутъ быть полезны языку нашему. Эпопея, Драматическое Искусство, Лирическая Поэзія, Исторія, Краснорѣчіе духовное и гражданское требуютъ великихъ усилій ума, высокаго и пламеннаго воображенія. Щастливы тѣ, которые похищаютъ пальму первенства въ сихъ родахъ: имена ихъ становятся безсмертными: ибо щастливыя произведенія творческаго ума не принадлежатъ одному народу исключительно, но дѣлаются достояніемъ всего человѣчества. Особенно великія произведенія Музъ имѣютъ вліяніе на языкъ новый и необработанный. Ломоносовъ тому явный примѣръ. Онъ преобразовалъ языкъ нашъ, созидая образцы во всѣхъ

родахъ. Онъ то же учинилъ на трудномъ поприщѣ Словесности, что Петръ Великій на поприщѣ гражданскомъ. Петръ Великій пробудилъ народъ усыпленный въ оковахъ невѣжества; Онъ создалъ для него законы, силу военную и славу: Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленнаго народа; онъ создалъ ему Краснорѣчіе и Стихотворство, онъ испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ. Онъ возвелъ въ свое время языкъ Русской до возможной степени совершенства — возможной, говорю, ибо языкъ идетъ всегда наравнѣ съ успѣхами оружія и славы народной, съ просвѣщеніемъ, съ нуждами общества, съ гражданскою образованностію и людкостію. Но Ломоносовъ, сей исполинъ въ Наукахъ и въ искусствѣ писать, испытуя Русской языкъ въ важныхъ родахъ, желалъ обогатить его нѣжнѣйшими выраженіями Анакреоновой Музы. Сей великій образователь нашей Словесности, зналъ и чувствовалъ, что языкъ просвѣщеннаго народа долженъ удовлетворять всѣмъ его требованіямъ, и составлять не изъ однихъ высокопарныхъ словъ и выраженій. Онъ зналъ, что у всѣхъ народовъ, и древнихъ и новѣйшихъ, легкая Поэзія, которую можно назвать прелестною роскошью Словесности, имѣла отличное мѣсто на Парнассѣ и да-

вала новую пищу языку стихотворному. Греки восхищались Омеромъ и тремя Трагиками, велерѣчіемъ Историковъ своихъ, убѣдительнымъ и стремительнымъ краснорѣчіемъ Демосѳена; но Віонъ, Мосхъ, Симонидъ, Ѳеокритъ, мудрецъ Ѳеосскій и пламенная Сафо были увѣнчаны современниками. Римляне, побѣдители Грековъ оружіемъ, не талантомъ, подражали имъ во всѣхъ родахъ: Цицеронъ, Виргилій, Горацій, Титъ-Ливій и другіе состязались съ Греками. Важные Римляне, потомки суровыхъ Коріолановъ, внимали имъ съ удивленіемъ; но Эротическую Музу Катулла, Тибулла и Проперція не отвергали. По возрожденіи Музъ, Петрарка, одинъ изъ ученѣйшихъ мужей своего вѣка, свѣтильникъ Богословіи и Политики, одинъ изъ первыхъ создателей славы возраждающейся Италіи изъ развалинъ классическаго Рима, Петрарка, немедленно шествуя за суровымъ Дантомъ, довершилъ образованіе великолѣпнаго нарѣчія Тосканскаго, подражая Тибуллу, Овидію и Поэзіи Мавровъ, исполненный воображенія и нѣги. Маро, Царедворецъ Франциска I, извѣстный по Эротическимъ стихотвореніямъ, былъ одинъ изъ первыхъ образователей языка Французскаго, котораго владычество, почти пагубное, распространилось на всѣ народы, не достигшіе высокой степени просвѣщенія. Въ Англіи Валлеръ, пѣвецъ

Захариссы, въ Германіи Гагедорнъ, и другіе Писатели, предшественники Творца Мессіады и великаго Шиллера, спѣшили жертвовать Граціямъ и говорить языкомъ страсти и любви, любимѣйшимъ языкомъ Музъ, по словамъ глубокомысленнаго Монтаня. У насъ, преемникъ лиры Ломоносова, Державинъ—котораго одно имя истинный талантъ произноситъ съ благоговѣніемъ, — Державинъ, вдохновенный Пѣвецъ высокихъ истинъ, и въ зиму дней своихъ любилъ отдыхать со старцемъ Ѳеосскимъ. По слѣдамъ сихъ Поэтовъ, множество Писателей отличились въ этомъ родѣ, по видимому столь легкомъ, но въ самомъ дѣлѣ имѣющемъ великія трудности и препятствія, особенно у насъ: ибо языкъ Русской, громкій, сильный и выразительный, сохранилъ еще нѣкоторую суровость и упрямство, несовершенно исчезающія даже подъ перомъ опытнаго таланта, поддержаннаго наукою и терпѣніемъ.

Главныя достоинства стихотворнаго слога суть: движеніе, сила, ясность. Въ большихъ родахъ, читатель, увлеченный описаніемъ страстей, ослѣпленный живѣйшими красками Поэзіи, можетъ забыть недостатки и неровности слога, и съ жадностію внимаетъ вдохновенному Поэту, или дѣйствующему лицу, имъ созданному. Во время представленія, какой холодный зритель бу-

день искать ошибокъ въ слогѣ, когда Полиникъ, лишенный вѣнца и внутренняго спокойствія, въ слезахъ, въ отчаяніи бросается къ стопамъ разгнѣваннаго Эдипа? Но сіи ошибки, поучительныя для дарованія, замѣчаетъ просвѣщенный Критикъ въ тишинѣ своей учебной храмины: каждое слово, каждое выраженіе онъ взвѣшиваетъ на вѣсахъ строгаго вкуса; отвергаетъ слабое, ложно блестящее, невѣрное, и научаетъ наслаждаться истинно прекраснымъ. — Въ легкомъ родѣ Поэзіи, читатель требуетъ возможнаго совершенства, чистоты выраженія, стройности въ слогѣ, гибкости, плавности; онъ требуетъ истины въ чувствахъ и сохраненія строжайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ; онъ тотчасъ дѣлается строгимъ судьею, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не развлекается. Красивость въ слогѣ здѣсь нужна необходимо и ничѣмъ замѣнишься не можетъ. Она есть тайна, извѣстная одному дарованію и особенно постоянному напряженію вниманія къ одному предмету: ибо Поэзія и въ малыхъ родахъ, есть Искусство трудное и требующее всей жизни и всѣхъ усилій душевныхъ; надобно родиться для Поэзіи; этого мало: родясь надобно сдѣлаться Поэтомъ, въ какомъ бы то ни было родѣ.

Такъ называемый Эротической и вообще легкой родъ Поэзіи воспріялъ у насъ начало со вре-

менъ Ломоносова и Сумарокова. Опыты ихъ предшественниковъ были маловажны: языкъ и общество еще не были образованы. Мы не будемъ исчислять всѣхъ видовъ, раздѣленій и измѣненій легкой Поэзіи, которая менѣе или болѣе принадлежитъ къ важнымъ родамъ: но замѣтимъ, что на поприщѣ Изящныхъ Искусствъ, подобно какъ и въ нравственномъ мірѣ, ничто прекрасное и доброе не теряется, приноситъ со временемъ пользу и дѣйствуетъ непосредственно на весь составъ языка. Стихотворная повѣсть Богдановича, первый и прелестный цвѣточекъ легкой Поэзіи на языкѣ нашемъ, ознаменованный истиннымъ и великимъ талантомъ; остроумныя, неподражаемыя сказки Дмитріева, въ которыхъ Поэзія въ первый разъ украсила разговоръ лучшаго общества; посланія и другія произведенія сего стихотворца, въ которыхъ Философія оживилась неувядающими цвѣтами выраженія; басни его, въ которыхъ онъ боролся съ Лафонтеномъ и часто побѣждалъ его; басни Хемницера, и оригинальныя басни Крылова, которыхъ остроумные, щастливые стихи сдѣлались пословицами, ибо въ нихъ видѣнъ и тонкій умъ наблюдателя свѣта и рѣдкой талантъ; стихотворенія Карамзина, исполненныя чувства, образецъ ясности и стройности мыслей; Горацiанскія оды Капниста; вдохновенныя страстію пѣ-

сни Нелединскаго; прекрасныя подражанія Древнимъ Мерзлякова; баллады Жуковскаго, сіяющія воображеніемъ, часто своенравнымъ, но всегда пламеннымъ, всегда сильнымъ; спихотворенія Воспокова, въ которыхъ видно отличное дарованіе Поэта, напитаннаго чтеніемъ древнихъ и Германскихъ Писателей; наконецъ спихотворенія Муравьева, гдѣ изображается, какъ въ зеркалѣ, прекрасная душа его; посланія К. Долгорукова, исполненныя живости; нѣкоторыя посланія Воейкова, Пушкина и другихъ новѣйшихъ Спихотворцевъ, писанныя слогомъ чистымъ и всегда благороднымъ (*): всѣ сіи блестящія произведенія дарованія и остроумія, менѣе или болѣе приближились къ желанному совершенству, и всѣ — нѣтъ сомнѣнія — принесли пользу языку спихотворному, образовали его, очистили, утвердили. Такъ свѣтлые ручьи, текущіе разными излучинами по одному постоянному наклоненію, соединяясь въ долинѣ, образуютъ глубокія и обширныя озера: благодѣтельныя воды сіи не изсякаютъ отъ времени; напротивъ того, онѣ возрастаютъ и увеличиваются съ вѣками, и вѣчно существуютъ для блага земли, ими орошаемой!

Въ первомъ періодѣ Словесности нашей со временъ Ломоносова, у насъ много написано въ

(*) Смотри примѣчаніе А.

легкомъ родѣ; но малое число стиховъ спаслось отъ общаго забвенія. Главною тому причиною можно положить не одинъ недостатокъ таланта или измѣненіе языка, но измѣненіе самаго общества, большую его образованность и, можетъ быть, большее просвѣщеніе, требующія отъ языка и Писателей большаго знанія свѣта и сохраненія его приличій: ибо сей родъ Словесности безпрестанно напоминаетъ объ обществѣ; онъ образованъ изъ его явленій, странностей, предразсудковъ, и долженъ быть яснымъ и вѣрнымъ его зеркаломъ. Большая часть Писателей, мною названныхъ, провели жизнь свою посреди общества Екатеринина вѣка, столь благопріятнаго Наукамъ и Словесности; тамъ заимствовали они эту людкость и вѣжливость, это благородство, которыхъ оттѣнковъ мы видимъ въ ихъ твореніяхъ: въ лучшемъ обществѣ научились они угадывать тайную игру страстей, наблюдать нравы, сохранять всѣ условія и отношенія свѣтскія и говорить ясно, легко и пріятно. Этого мало: всѣ сіи Писатели обогатились мыслями въ прилѣжномъ чтеніи иностранныхъ Авторовъ, иные древнихъ, другіе новѣйшихъ, и запаслись обильною жатвою словъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ. Всѣ сіи Писатели имѣютъ истинный талантъ, испытанный временемъ; истинную любовь

къ лучшему, благороднѣйшему изъ Искусствъ, къ Поэзіи, и уважаютъ, смѣю сказать, боготворятъ свое Искусство, какъ лучшее достояніе человѣка образованнаго, истинный даръ Неба, который доставляетъ намъ чистѣйшія наслажденія посреди заботъ и терній жизни, который даетъ намъ то, что мы называемъ безсмертіемъ на землѣ — мечту прелестную для душъ возвышенныхъ!

Всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго. Въ Словесности всѣ роды приносятъ пользу языку и образованности. Одно невѣжественное упрямство любитъ и спарается ограничить наслажденія ума. Истинная, просвѣщенная любовь къ Искусствамъ снисходительна, и, такъ сказать, жадна къ новымъ духовнымъ наслажденіямъ. Она ничѣмъ не ограничивается, ничего не желаетъ исключить и никакой отрасли Словесности не презираетъ. Шекспиръ и Расинъ, драма и комедія, древній экзаметръ и ямбъ, давно присвоенный нами, Пиндарическая ода и новая баллада, эпопея Омера, Аріоста и Клопштока, столь различныя по изобрѣтенію и формамъ, ей равно извѣстны, равно драгоцѣнны. Она съ любопытствомъ замѣчаетъ успѣхи языка во всѣхъ родахъ, ничего не чуждается, кромѣ того, что можетъ вредить нравамъ, успѣхамъ просвѣщенія и здравому вкусу (я беру сіе слово въ обширномъ значеніи). Она съ удоволь-

спѣемъ замѣчаетъ дарованіе въ полѣ Писателей и гонова ему подаетъ полезные совѣты: она, какъ говоритъ Поэтъ, гонова обнялъ

Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго Поэта!

Ни расколы, ни зависть, ни пристрастіе, никакіе предразсудки ей неизвѣстны. Польза языка, слава Отечества: вотъ благородная ея цѣль! Вы, Мм. Гг., являете прекрасный примѣръ, созывая дарованія со всѣхъ сторонъ, безъ лицепріятія, безъ пристрастія. Вы говорите каждому изъ нихъ: несите, несите свои сокровища въ обитель Музъ, отверзтую каждому талангу, каждому успѣху; совершите прекрасное, великое, святое дѣло: обогатите, образуйте языкъ славнѣйшаго народа, населяющаго почти половину міра; поравняйте славу языка его со славою военною, успѣхи ума съ успѣхами оружія. Важныя Музы подаютъ здѣсь дружественно руку младшимъ сестрамъ своимъ, и олтарь вкуса обогащается ихъ взаимными дарами.

И когда удобнѣе совершить желаемый подвигъ? въ какомъ мѣстѣ приличнѣе? Въ Москвѣ, столь краснорѣчивой и въ развалинахъ своихъ, близъ полей, ознаменованныхъ неслыханными доселѣ побѣдами, въ древнемъ отечествѣ славы и новаго величія народнаго!

Такъ! съ давняго времени все благопріятствовало дарованію въ Университетѣ Московскомъ, въ старшемъ святилищѣ Музъ отечественныхъ. Здѣсь пламенный ихъ любитель съ радостію созерцаетъ слѣды просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ покровителей. Имя Шувалова, перваго Мецената Русскаго, сливается здѣсь съ громкимъ именемъ Ломоносова. Между знаменитыми Покровителями Наукъ мы обрѣтаемъ Хераскова: Творецъ Россіяды посѣщалъ сіи мирныя убѣжища; онъ покровительствовалъ сему разсаднику Наукъ; онъ первый ободрялъ возникающій талантъ, и славу Писателя соединилъ съ другою славою, не менѣе лестною для души благородной, не менѣе прочною, со славою покровителя Наукъ. Муравьевъ, какъ человѣкъ Государственный, какъ Попечитель, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ Университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ (*). Подъ руководствомъ славнѣйшихъ Профессоровъ Московскихъ, въ нѣдрахъ своего Отечества, онъ пріобрѣлъ сіи обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ ума человѣческаго, которымъ нерѣдко удивлялись ученые иностранцы: за благодѣянія наставниковъ онъ платилъ благодѣяніями сему Святилищу Наукъ: имя его

(*) Смотри примѣчаніе В.

будетъ любезно сердцамъ добрымъ и чувствительнымъ: имя его напоминаетъ всѣ заслуги, всѣ добродѣтели. Ученость обширную, утвержденную на прочномъ основаніи, на знаніи языковъ древнихъ; рѣдкое искусство писать онъ умѣлъ соединить съ искреннею кротостію, съ снисходительностію великому уму и добрѣйшему сердцу свойственною. Казалось, въ его видѣ посѣтилъ землю одинъ изъ сихъ Геніевъ, изъ сихъ свѣтильниковъ Философіи, которые нѣкогда раждались подъ щастливымъ небомъ Аттики, для разлитія практической и умозрительной мудрости, для утѣшенія и назиданія человѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ. Вы наслаждались его бесѣдою; вы читали въ глазахъ его живое участіе, которое онъ принималъ въ успѣхахъ и славѣ вашей; вы знаете всѣ заслуги сего рѣдкаго человѣка.... и — простите мнѣ нѣсколько словъ, въ его воспоминаніе чистѣйшею благодарностію исторгнутыхъ! — я ему обязанъ моимъ образованіемъ и щастіемъ засѣдать съ вами, которое умѣю цѣнить, которымъ умѣю гордиться. —

И этотъ человѣкъ столь рано похищенъ смертію съ поприща Наукъ и добродѣтели! И онъ не былъ свидѣтелемъ великихъ подвиговъ боготворимаго имъ Монарха и славы народной! Онъ

не будетъ свидѣтелемъ новыхъ успѣховъ Словесности въ щастливѣйшія времена для Наукъ и просвѣщенія: ибо никогда, ни въ какое время обстоятельства не были имъ столько благопріятны. Храмъ Януса закрытъ рукою Побѣды, неразлучной сопутницы Монарха. Великая душа Его услаждается успѣхами ума въ странѣ, ввѣренной Ему святымъ Провидѣніемъ, и каждый трудъ, каждый полезный подвигъ щедро Имъ награждается. Въ недавнемъ времени, въ лицѣ славнаго Писателя Онъ ободрилъ всѣ отечественные таланты: и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ благородныя сердца, всѣ Патріоты съ признательностію благословляютъ руку, которая столь щедро награждаетъ полезные труды, постоянство и чистую славу Писателя, извѣстнаго и въ странахъ отдаленныхъ, и которымъ должно гордиться Отечество. Правительство благодѣтельное и прозорливое, пользуясь щастливѣйшими обстоятельствами: тишиною внѣшнею и внутреннею Государства, отверзаетъ снова всѣ пути къ просвѣщенію. Подъ его руководствомъ процвѣтутъ Науки, Художества и Словесность, коснѣющія посреди шума военнаго; процвѣтутъ всѣ отрасли, всѣ способности ума человѣческаго, которыя только въ неразрывномъ и тѣсномъ союзѣ ведутъ народы къ истинному благоденствію, и славу его

дѣлаютъ прочною и незыблемою. — Самая Поэзія, которая питается ученіемъ, возрастаетъ и мужаетъ наравнѣ съ образованіемъ общества, Поэзія принесетъ зрѣлые плоды и доставитъ новыя наслажденія душамъ возвышеннымъ, рожденнымъ любить и чувствовать изящное. Общество приметъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ ума: и тогда имя Писателя, Ученаго и опытнаго Стихотворца не будетъ дико для слуха: оно будетъ возбуждать въ умахъ всѣ понятія о славѣ Отечества, о достоинствѣ полезнаго гражданина. Въ ожиданіи сего щастливаго времени, мы совершимъ все, что въ силахъ совершить. Дѣятельное покровительство блюстителей просвѣщенія, которымъ сіе Общество обязано существованіемъ; рвеніе, съ которымъ мы приступаемъ къ важнѣйшимъ трудамъ въ Словесности; безпристрастіе, которое мы желаемъ сохранить посреди разногласныхъ мнѣній, еще не просвѣщенныхъ здравою Критикою: все обѣщаетъ намъ вѣрные успѣхи; и мы достигнемъ, по крайней мѣрѣ приближимся къ желаемой цѣли, одушевленные именами *пользы и славы*, руководимые безпристрастіемъ и Критикою.

ПРИМѢЧАНІЯ.

А.) Похвала или порицаніе частнаго человѣка не есть приговоръ общественнаго вкуса. Исчисляя Стихотворцевъ, отличившихся въ легкомъ родѣ Поэзіи, я старался сообразоваться со вкусомъ общественнымъ. Можетъ быть я во многомъ и ошибся; но мнѣніе мое сказалъ чистосердечно, и читатель скорѣе обличитъ меня въ невѣжествѣ, нежели въ пристрастіи. Надобно имѣть нѣкоторую смѣлость, чтобы порицать дурное въ Словесности; но едва ли не потребно еще болѣе храбрости тому, кто вздумаетъ хвалить то, что истинно достойно похвалы.

В.) *Добро никогда не теряется*, особливо добро, сдѣланное Музамъ: онѣ чувствительны и благодарны. Онѣ записали въ скрижаляхъ славы имена Шувалова, Г. Строгонова, и Гр. Н. П. Румянцева, который и понынѣ удостоиваетъ ихъ своего покровительства. Какое доброе сердце не за-

мѣшшпъ съ чистѣйшею радостію, что онѣ осыпали цвѣтами гробницу Муравьева? Ученый Рихтеръ, почтенный Сочинитель Исторіи Медицины въ Россіи, въ прекрасной рѣчи своей, говоренной имъ въ Московской Медикохирургической Академіи, и Г. Мерзляковъ, извѣстный Профессоръ Московскаго Университета, въ предисловіи къ Виргиліевымъ Эклогамъ, упоминали о немъ съ чувствомъ, съ жаромъ. Нѣкоторые Стихотворцы, изъ числа ихъ Г. Воейковъ въ посланіи къ Эмилію, и Г. Буринскій, слишкомъ рано похищенный смертію съ поприща Словесности, говорили о немъ въ стихахъ своихъ. Послѣдній, оплакавъ кончину храбраго Генерала Глѣбова, продолжаетъ:

О Провидѣніе! роптать я не дерзаю!...
Но — слабый — не могу не плакать предъ тобой:
Тамъ въ славѣ, въ щастіи злодѣя созерцаю,
Здѣсь вянетъ, какъ трава, мужъ кроткій и благой!
Слезъ горестныхъ потокъ еще не осушился,
Еще мы... Злобный рокъ навѣки насъ лишилъ
Того, кто щастіемъ Парнасса веселился.

. . . . . .

Гдѣ ты, о Муравьевъ! прямое украшенье,
Парнасса Русскаго любитель, нѣжный другъ?
Увы! за чѣмъ среди стези благотворенья,
Какъ въ добродѣтеляхъ мужалъ твой кроткій духъ,
Ты рано похищенъ отъ нашихъ ожиданій?
Гдѣ страсть твоя къ добру? сей душъ избранныхъ даръ?

Гдѣ рано собранно сокровище познаній?
Гдѣ, гдѣ усердія въ груди горѣвшій жаръ,
Служить Отечеству, сіяя средь немногихъ,
Прямыхъ его сыновъ, творившихъ честь ему?
Любезность разума и прелесть нравовъ кротких —
Исчезло все!.. Увы!.. честь праху твоему!

IV.

НѢЧТО О ПОЭТѢ И ПОЭЗІИ.

Поэзія — сей пламень небесный, который менѣе или болѣе входитъ въ составъ души человѣческой, — сіе сочетаніе воображенія, чувствительности, мечтательности, — Поэзія, не рѣдко составляетъ и муку и услажденіе людей, единственно для нее созданныхъ. *Вдохновеніемъ генія тревожится Поэтъ*, сказалъ извѣстный Стихотворецъ. Это совершенно справедливо. Есть минуты дѣятельной чувствительности: ихъ испытали люди съ истиннымъ дарованіемъ; ихъ-то должно ловить на лету Живописцу, Музыканту, и болѣе всѣхъ, Поэту: ибо онѣ рѣдки, преходящи и зависятъ часто отъ здоровья, отъ времени, отъ вліянія внѣшнихъ предметовъ, которыми по произволу мы управлять не въ силахъ. Но, въ минуту вдохновенія, въ сладостную минуту очарованія поэтическаго, я никогда не взялъ бы

пера моего, если бы нашелъ сердце способное чувствовать вполнѣ то, что я чувствую; если бы могъ передать ему всѣ тайныя помышленія, всю свѣжесть моего мечтанія и заставить въ немъ трепетать тѣ же струны, которыя издали голосъ въ моемъ сердцѣ. Гдѣ сыскать сердце, готовое раздѣлять съ нами всѣ чувства и ощущенія наши? Нѣтъ его съ нами — и мы прибѣгаемъ къ искусству выражать мысли свои, въ сладостной надеждѣ, что есть на землѣ сердца добрыя, умы образованные, для которыхъ сильное и благородное чувство, щастливое выраженіе, прекрасный стихъ и страница живой, краснорѣчивой прозы — суть сокровища истинныя... »Они не могутъ читать въ моемъ сердцѣ, но прочитаютъ книгу мою« — говорилъ Монтань, и въ самыя бурныя времена Франціи, при звукѣ оружія, при заревѣ костровъ, зажженныхъ суевѣріемъ, писалъ Опыты свои, и бесѣдуя съ добрыми сердцами всѣхъ вѣковъ, забывалъ недостойныхъ современниковъ.

Нѣкто сравнивалъ душу Поэта въ минуту вдохновенія съ растопленнымъ въ горнилѣ металломъ: въ сильномъ и постоянномъ пламени, онъ долго остается въ первобытномъ положеніи, долго недвижимъ; но раскаленный — рдѣется, закипаетъ и клокочетъ: снятый съ огня, въ одну

минуту успокоиваешся и упадаешъ. Вотъ прекрасное изображеніе Поэта, котораго вся жизнь должна пригоповлять нѣсколько плодотворныхъ минутъ: всѣ предметы, всѣ чувства, все зримое и незримое должно распалять его душу и медленно приближать сіи ясныя минуты дѣятельности, въ которыя столь легко изображать всю исторію нашихъ впечатлѣній, чувствъ и страстей. Плодотворная минута Поэзіи! ты быстро исчезаешь, но оставляешь вѣчные слѣды у людей, владѣющихъ языкомъ боговъ.

Люди, щастливо рожденные, которыхъ Природа щедро надѣлила памятію, воображеніемъ, огненнымъ сердцемъ и великимъ разсудкомъ, умѣющимъ давать вѣрное направленіе и памяти и воображенію, — сіи люди имѣютъ безъ сомнѣнія даръ выражаться, прелестный даръ, лучшее достояніе человѣка: ибо посредствомъ его онъ оставляетъ вѣрнѣйшіе слѣды въ обществѣ и имѣетъ на него сильное вліяніе. Безъ него не было бы ничего продолжительнаго, вѣрнаго, опредѣленнаго, и то, что мы называемъ безсмертіемъ на землѣ, не могло бы существовать. Вѣки мелькаютъ, памятники рукъ человѣческихъ разрушаются, изустныя преданія измѣняются, исчезаютъ: но Омеръ и книги священныя говорятъ о протекшемъ. На нихъ основана опытность чело-

вѣческая. Вѣчные кладези, откуда мы почерпаемъ истины утѣшительныя или печальныя! что даетъ вамъ сію прочность? Искусство письма, и другое, важнѣйшее — искусство выраженія.

Сей даръ выражать и чувства и мысли свои давно подчиненъ строгой Наукѣ. Онъ подлежитъ постояннымъ правиламъ, происшекшимъ отъ опытности и наблюденія. Но самое изученіе правилъ, безпрестанное и упорное наблюденіе изящныхъ образцовъ — недостаточны. Надобно, чтобы вся жизнь, всѣ тайныя помышленія, всѣ пристрастія клонились къ одному предмету, и сей предметъ долженъ быть Искусство. Поэзія, осмѣлюсь сказать, требуетъ *всего человѣка.*

Я желаю — (пускай назовутъ страннымъ мое желаніе!) — желаю, чтобы Поэту предписали особенный образъ жизни, піитическую *Діэтику;* однимъ словомъ, чтобы сдѣлали Науку изъ жизни Стихотворца. Эта Наука была бы для многихъ сдва ли не полезнѣе всѣхъ Аристотелевыхъ правилъ, по которымъ научаемся избѣгать ошибокъ, но какъ творить изящное — никогда не научимся!—

Первое правило сей Науки должно быть: живи какъ пишешь, и пиши какъ живешь. Talis hominibus fuit oratio, qualis vita. — Иначе всѣ отголоски лиры твоей будутъ фальшивы. Къ чему произвела тебя Природа? что вложила въ сердце

твое? Чѣмъ плѣняется воображеніе, часто противъ воли твоей? При чтеніи какого Писателя трепеталъ твой геній съ неизъяснимою радостію, и гласъ, громкій гласъ твоей піитической совѣсти восклицалъ: проснись, и ты Поэтъ! — При чтеніи творцовъ Эпическихъ? И такъ, удались отъ общества, окружи себя Природою: въ тишинѣ сельской, посреди грубыхъ, не испорченныхъ нравовъ читай Исторію временъ протекшихъ, поучайся въ печальныхъ лѣтописяхъ міра, узнавай человѣка и страсти его, но исполнись любви и благоволенія ко всему человѣчеству: да будутъ мысли твои важны и величественны, движенія души твоей нѣжны и страстны, но всегда покорены разсудку, спокойному властелину ихъ. Этого мало! Эпическому Стихотворцу надобно все испытать, *объ фортуны.* Подобно Тассу любить и страдать всѣмъ сердцемъ; подобно Камоэнеу сражаться за Отечество, обтекать всѣ страны, вопрошать всѣ народы, дикіе и просвѣщенные, вопрошать всѣ памятники Искусства, всю Природу, которая говоритъ всегда краснорѣчиво и внятно уму возвышенному, обогащенному опытами, воспоминаніями. Однимъ словомъ, надобно, забывъ всѣ ничтожныя выгоды жизни и самолюбія, пожертвовать всѣмъ — славѣ; и тогда только погрузиться (не съ дерзостію кичливаго ума,

но съ рѣшимостію человѣка, носящаго въ груди своей внутреннее сознаніе собственной силы), тогда только погрузишься въ бурное и пространное море Эпопеи....

Живешь въ обществѣ, носишь на себѣ тяжелое ярмо должностей, часто ничтожныхъ и суетныхъ, и хочешь согласовать выгоды самолюбія съ желаніемъ славы — есть требованіе истинно суетное. Что образъ жизни дѣйствуетъ сильно и постоянно на талантъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Примѣръ тому Французы: ихъ Словесность, сколь богатая во всѣхъ родахъ, не имѣетъ ни Эпопеи, ни Исторіи. Ихъ Писатели по большей части жили посреди шумнаго города, посреди всѣхъ обольщеній Двора и праздности; а Исторія и Эпопея требуютъ вниманія постояннаго, и сей важности, и сей душевной силы, которую общество не только что отнимаетъ у человѣка разсѣяннаго, но уничтожаетъ совершенно. »Хотите ли быть краснорѣчивыми Писателями? говоритъ краснорѣчивая женщина нашего времени: будьте добродѣтельны и свободны, почитайте предметъ любви вашей, ищите безсмертія въ любви, Божества въ Природѣ; освятите душу, какъ освящаютъ храмъ, и Ангелъ возвышенныхъ мыслей предстанетъ вамъ во всемъ великолѣпіи!« Прелестныя строки, исполненныя истины! васъ

разсѣянные умы или не поймутъ или прочитаютъ съ гордымъ презрѣніемъ.

Взглянемъ на жизнь нѣкоторыхъ Стихотворцевъ, которыхъ имена столь любезны сердцу нашему. Горацій, Катуллъ и Овидій такъ жили, какъ писали. Тибуллъ не обманывалъ ни себя, ни другихъ, говоря покровителю своему, Мессалѣ, что его не обрадуютъ ни тріумфы, ни пышный Римъ, но спокойствіе полей, здоровый воздухъ лѣсовъ, мягкіе луга, родимый ручеекъ и эта хижина съ простымъ, соломеннымъ кровомъ — вотъ хижина, въ которой Делія ожидаетъ его съ распущенными власами по высокой груди. Петрарка точно стоялъ опершись на скалу Воклюзскую, погруженный въ глубокую задумчивость, когда вылетали изъ устъ его гармоническіе стихи:

Sott' un gran sasso
In una chiusa valle, ond' esse Sorga
Si stà: ne chi lo scorga
V'è, se no amor, che mai no'l lascia un passo
E l'imagine d'una che lo strugge.

Щастливый Шолье мечталъ подъ вѣтвистыми и пѣнистыми древами Фонтенейскаго убѣжища; тамъ сожалѣлъ онъ объ утратѣ юности, объ утратѣ невѣрныхъ наслажденій любви. Богдановичь жилъ въ мірѣ фантазіи, имъ созданномъ,

когда рука его рисовала плѣнительное изображеніе Душеньки (*). Державинъ на дикихъ берегахъ Суны, орошенный кипящею ея пѣною, воспѣвалъ Водопадъ и Бога въ пророческомъ исступленіи. И въ наши времена, болѣе обильныя славою, нежели благопріятныя Музамъ, Жуковскій, опорванный Беллоною отъ милыхъ полей своихъ, Жуковскій, одаренный пламеннымъ воображеніемъ и рѣдкою способностію передавать другимъ глубокія ощущенія души сильной и благородной, — въ станѣ воиновъ, при громѣ пушекъ, при заревѣ пылающей Столицы, писалъ вдохновенные стихи, исполненные огня, движенія и силы.

Если образъ жизни имѣетъ столь сильное вліяніе на произведенія Поэта, то воспитаніе дѣйствуетъ на него еще сильнѣе. Ничто не можетъ изгладить изъ памяти сердца нашего первыхъ, сладостныхъ впечатлѣній юности! Время украшаетъ ихъ и даетъ имъ восхитительную прелесть. Въ среднемъ возрастѣ зримые предметы слабо врѣзываются въ памяти, и душа, утом-

(*) Богдановичь жилъ въ совершенномъ уединеніи. У него были два товарища, достойные добродушнаго Лафонтена: котъ и пѣтухъ. Объ нихъ онъ говорилъ, какъ о друзьяхъ своихъ, разсказывалъ чудеса, безпокоился объ ихъ здоровьѣ и долго оплакивалъ ихъ кончину.

ленная ощущеніями, пренебрегаетъ ими: ее занимаютъ однѣ страсти; въ преклонныхъ лѣтахъ человѣкъ не пріобрѣтаетъ, и послѣднимъ его сокровищемъ остается то единственно, чѣмъ онъ запасъ себя въ молодости. Такимъ образомъ Природа соединяетъ вечеръ съ утромъ жизни, какъ вечерняя заря сливается съ утреннею въ долгіе дни лѣта подъ нашимъ сѣвернымъ небомъ.

Если первыя впечатлѣнія столь сильны въ сердцѣ каждаго человѣка, если не изглаживаются во все теченіе его жизни: то тѣмъ болѣе они должны быть сильны и сохранять неувядаемую свѣжесть въ душѣ Писателя, одареннаго глубокою чувствительностію.

Утѣшно вспоминать подъ старость дѣтски лѣты,
Забавы, рѣзвости, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!

Если бы мы знали подробно обстоятельства жизни великихъ Писателей, то безъ сомнѣнія могли бы найти въ ихъ твореніяхъ слѣды первыхъ, всегда сильныхъ ощущеній. Сердце имѣетъ свою особенную память. Руссо помнилъ начало пѣсни, которую ему напѣвала его добродушная тетка. Молодый Аріостъ, въ бытность свою во Флоренціи, влюбился въ прелестную женщину. Онъ часто посѣщалъ ее; цѣлые часы въ глубо-

комъ безмолвіи просиживалъ, любуясь красавицею, которая вышивала по серебру пурпурнымъ шелкомъ. Впечатлѣніе прелестныхъ рукъ навсегда осталось въ памяти любовника, и столь сильно, что въ послѣдствіи времени, разсказывая бипву Мандрикала съ злополучнымъ Сербиномъ, онъ сравниваетъ алую кровь, текущую изъ глубокой раны юноши, съ пурпурными начертаніями, которыя вышивала по серебру бѣлоснѣжная рука незабвенной Флоренпинки. Нѣжныя сердца помнятъ тѣ мѣста въ Виргиліи, гдѣ Поэтъ говоритъ о своей милой Манпуѣ: стихи Римскаго Омера исполнены воспоминаній о юности; они исполнены сихъ глубокихъ, неизгладимыхъ впечатлѣній, которыя, погружаютъ читателя въ сладкую задумчивость, напоминая ему его собственную жизнь и ясную зарю молодости.

Климатъ, видъ неба, воды и земли — все дѣйствуетъ на душу Поэта, отверзтую для впечатлѣній. Мы видимъ въ пѣсняхъ сѣверныхъ Скальдовъ и Эрскихъ Бардовъ нѣчто суровое, мрачное, дикое и всегда мечтательное, напоминающее и пасмурное небо Сѣвера и туманы морскіе и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную и въ ужасахъ. Мы видимъ неизгладимый отпечатокъ климата въ Стихотворцахъ полуденныхъ: нѣкоторую нѣгу, рос-

конь воображенія, свѣжесть чувствъ и ясность мыслей, напоминающихъ и небо и всю благотворную природу странъ южныхъ, гдѣ человѣкъ наслаждается двойною жизнію въ сравненіи съ нами, гдѣ все питаетъ и нѣжитъ его чувства, гдѣ все говоритъ его воображенію. Напрасно уроженецъ Сициліи или Неаполя желалъ бы состязаться въ пѣсняхъ своихъ съ Бардомъ Морвена и описывать, подобно ему, мрачную природу Сѣвера: напрасно сѣверный Поэтъ желалъ бы изображать роскошныя долины, прохладныя пещеры, плодоносныя рощи, тихіе заливы и небо Сициліи, высокое, прозрачное и вѣчно ясное. Одинъ Тассъ, рожденный подъ раскаленнымъ солнцемъ Неаполя, могъ описать столь вѣрными и свѣжими красками ужасную засуху, гибельную для Крестовыхъ воиновъ. По сему описанію, говоритъ ученый Женгене, можно узнать полуденнаго жителя, который неоднократно подвергался смертному вліянію вѣтровъ Африканскихъ, неоднократно изнемогалъ подъ бременемъ зноя. — У насъ Ломоносовъ, рожденный на берегу шумнаго моря, воспитанный въ трудахъ промысла, сопряженнаго съ опасностію, сей удивительный человѣкъ въ первыхъ лѣтахъ юношества былъ сильно пораженъ явленіями Природы: солнцемъ, которое въ долгайшіе дни лѣта, дошедъ до края горизонта, снова возстаетъ и

снова шечешъ по шверди небесной; сѣвернымъ сіяніемъ, которое въ полуночномъ краю замѣняешъ солнце и проливаешъ холодный и дрожащій свѣтъ на Природу, спящую подъ глубокими снѣгами: Ломоносовъ съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ описываешъ сіи явленія Природы, величественныя и прекрасныя, и повторяешъ ихъ въ великолѣпныхъ стихахъ своихъ:

Закрылись крайніе съ пучиною лѣса
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса.
. . . . . .
. . . Сквозь воздухъ въ югѣ чистый
Открылись два холма и берега лѣсисты.
Межь ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ въ влажныхъ берегахъ крутясь печальна Уна
Медлительно шечешъ въ объятія Нептуна.....
Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;
Какъ пламенна гора казалось средь валовъ
И простирало блескъ багровый изъ-за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.

Мы не остановимся на красотѣ стиховъ. Здѣсь всѣ выраженія великолѣпны: горящее лице солнца, противоположенное хладнымъ водамъ океана; солнце, остановившееся на горизонтѣ, и подобно пламенной горѣ простирающее блескъ

изъ-за льдовъ, суть первокласныя красоты описательной Поэзіи. Два послѣдніе стиха, заключающіе картину, восхитительны:

Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.

Но мы замѣтимъ, что Поэтъ не могъ бы написать ихъ, если бы онъ не былъ свидѣтелемъ сего чудеснаго явленія, которое поразило огненное воображеніе вдохновеннаго отрока и оставило въ немъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

Б.

К. Евр. 1826 № 10 Май, с. 97—104

V.

О ХАРАКТЕРѢ ЛОМОНОСОВА.

По слогу можно узнать человѣка, сказалъ Бюффонъ: характеръ Писателя весь въ его твореніяхъ. Это съ одной стороны справедливо. — Безъ сомнѣнія, по стихамъ и прозѣ Ломоносова мы можемъ заключить, что онъ имѣлъ возвышенную душу, ясный и проницательный умъ, характеръ необыкновенно предпріимчивый и сильный. Но любителю Словесности, скажу болѣе, наблюдателю-Философу пріятно было бы узнать нѣкоторыя подробности частной жизни великаго человѣка; познакомиться съ нимъ, узнать его страсти, его заботы, его печали, наслажденія, привычки, странности, слабости и самые пороки, неразлучные спутники человѣка. »Разумъ, услаждавшійся величественными понятіями всеобщаго порядка, не можетъ быть соединенъ съ сердцемъ холоднымъ«, говорилъ о Ломоносовѣ Писатель, котораго имя равно любезно Музамъ и добродѣ-

пели. Сія истина утверждена жизнію Ломоносова. Воображеніе и сердце часто увлекали его въ молодости: они были источниками его наслажденій и мученій, неизвѣстныхъ, неизъяснимыхъ обыкновеннымъ людямъ. — Конечно не одна страсть къ ученію, которая не могла еще вполнѣ овладѣть душею отрока, воспитаннаго среди болотъ Холмогорскихъ, не одна сія страсть, столь благородная и безкорыстная, принудила его оставить родину. Семейственныя огорченія и нѣкоторое тайное безпокойство души — было къ тому важнѣйшимъ побужденіемъ. Но сіе безпокойство, сіе пусклое желаніе чего-то новаго и лучшаго, сія предпріимчивость, удивительная въ столь нѣжномъ возрастѣ, не означали ли великую душу, и нѣчто необыкновенное?

Пламенное рвеніе къ ученію, неутомимая жажда познаній, постоянство въ преодолѣніи преградъ, поставленныхъ непріязненнымъ рокомъ, дерзость въ предпріятіяхъ, увѣнчанная сіяющимъ успѣхомъ: всѣ сіи качества соединены были съ сильными страстями, съ пламеннымъ сердцемъ; или, лучше сказать, проистекали изъ оныхъ, и потому должно ли удивляться, что Ломоносовъ въ молодости своей пожертвовалъ всѣми выгодами любви? Въ Марбургѣ онъ женился тайно на дочери бѣднаго ремесленника и въ скоромъ времени

обстоятельства принудили его разлучиться съ супругою. Музы любятъ провождать любимцевъ своихъ по тернистой тропѣ нещастія въ храмъ славы и успѣховъ. Бѣдствія не всегда убиваютъ талантъ: напротивъ того, они пробуждаютъ въ душѣ множество прекрасныхъ свойствъ, и знакомятъ ее съ собственными силами. Ломоносовъ, гонимый судьбою, скитался по Германіи, переходилъ изъ земли въ землю, безъ пристанища, часто безъ насущнаго хлѣба: онъ боролся со всѣми нуждами и горестями, и никогда, нигдѣ не преступилъ законовъ чести, никогда не забывалъ оставленной супруги. Съ какою чувствительностію (возвратясь въ Петербургъ), прочиталъ онъ письмо ея и воскликнулъ предъ посланнымъ отъ Г. Бестужева: »Боже мой! могу ли ее оставить!« — Слезы прерывали безпрестанно слова его. Сладостно видѣть наблюдателю человѣчества соединеніе столь глубокой чувствительности съ умомъ обширнымъ, вѣрнымъ и прозорливымъ! Чувствительность и сильное, пламенное воображеніе часто владѣли нашимъ Поэтомъ, конечно противъ воли его. На возвратномъ пути изъ Амстердама по морю Ломоносовъ, сидя на палубѣ, при шумѣ волнъ погружался въ сладкую задумчивость. Открытое море, шумъ вѣтра и безпрерывное колебаніе корабля напоминали ему

первыя лѣта юности, проведенныя посреди непостоянной стихіи: они напоминали приморскую его родину и все, что ни есть сладостнаго для сердца нѣжнаго и добраго. Исполненному воспоминаній, однажды во снѣ ему привидѣлась страшная буря на волнахъ Ледовитаго моря, кораблекрушеніе и хладный трупъ отца его, выброшенный на тотъ самый островъ, куда Ломоносовъ въ молодости своей приставалъ съ нимъ для совершенія рыбной ловли. Онъ въ ужасѣ проснулся. Напрасно призываетъ на помощь разсудокъ свой, напрасно желаетъ разсѣять мрачные слѣды сновидѣнія: мечта остается въ глубинѣ сердца и ничто не въ силахъ изгладить ее. Снова засыпаетъ и снова видитъ шумное море, необитаемый островъ и блѣдный трупъ родителя. Такъ! мы не рѣдко увѣряемся опытомъ, что Провидѣніе влагаетъ въ насъ какія-то тайныя мысли, какое-то неизъяснимое предчувствіе будущихъ злополучій, и событіе часто подтверждаетъ предсказаніе таинственнаго сна — къ удивленію, къ смиренію слабаго и гордаго разсудка. Ломоносовъ это испыталъ въ жизни своей. Отецъ его погибъ въ волнахъ и тѣло его найдено рыбаками на томъ необитаемомъ островѣ, который назначилъ имъ печальный сынъ, по внушенію пророческаго сновидѣнія.

По краткой біографіи, напечатанной при сочиненіяхъ Ломоносова, мы тѣснѣе знакомимся съ Поэтомъ, когда онъ покидаетъ родину свою. Самое юношество необыкновеннаго человѣка любопытно; каждое обстоятельство, каждая подробность драгоцѣнны. Конечно Ломоносовъ, въ откровенной бесѣдѣ ближнихъ и друзей, любилъ разсказывать имъ первыя свои печали и наслажденія; съ какимъ восхищеніемъ онъ пѣвалъ на крилосѣ священныя пѣсни и пожиралъ духовныя книги! Съ какимъ усиліемъ онъ промыслилъ Славенскую Граммапику и Ариѳметику: *врата учености своей!* Какъ сердце его унывало, покидая отца, родину, ближнихъ! какъ трепетало отъ радости, вступая въ обширную Москву!... Къ сожалѣнію, немного подробностей дошло до насъ, и почти всѣ исчезли съ холодными слушателями. Однѣ великія души чувствуютъ всю важность дружескихъ повѣреній знаменитаго человѣка, ихъ современника. Ломоносовъ — нѣтъ сомнѣнія — казался обыкновеннымъ человѣкомъ въ кругу пріятелей своихъ, людей весьма обыкновенныхъ. И могъ ли Тредіяковской съ *братіею* быть цѣнителемъ величайшаго ума своего времени, цѣнителемъ Ломоносова?

Но къ щастію нашему, Россія имѣла въ молодомъ Вельможѣ покровителя дарованій. Мы забудемъ со временемъ однофамильца Шувалова, ко-

порый писалъ остроумные стихи на Французскомъ языкѣ, который удивлялъ Парни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольтера, ученыхъ и неученыхъ Парижанъ любезностію, веселостію и учтивостію, достойною временъ Лудовика XIV; но того Шувалова, который покровительствовалъ Ломоносова, никогда не забудемъ. Имя его навсегда останется драгоцѣнно Музамъ отечественнымъ. Онъ былъ все для нашего Лирика: дѣятельный и просвѣщенный покровитель, попечительный другъ, часто снисходительный, и всегда постоянный. Безъ него — Ломоносовъ не могъ бы предпринять сихъ великихъ трудовъ, требующихъ издержекъ и безпрестанныхъ пособій. Скажемъ болѣе: какъ Ученый, какъ Стихотворецъ, Ломоносовъ обязанъ ему всѣмъ, даже постоянствомъ въ любви ко славѣ. Прозорливый Шуваловъ въ уроженцѣ Холмогоръ угадалъ великаго человѣка: щастливый Поэтъ нашелъ въ Вельможѣ истинный патріотизмъ, обширныя свѣдѣнія, вкусъ образованный и, что всего лучше — благородную, дѣятельную душу! Однимъ словомъ (рѣдкое явленіе!): Вельможа и Поэтъ понимали другъ друга. Письма Ломоносова къ Шувалову суть безцѣнный памятникъ Словесности Русской: въ нихъ виденъ и Стихотворецъ и покровитель его. Они заключаютъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей, анекдотовъ и нако-

нецъ извѣстіе о кончинѣ Профессора Рихмана, достойнаго товарища Ломоносова. Рихманъ *умеръ прекрасною смертію* (*), и Ломоносовъ съ убѣдительнымъ, сердечнымъ краснорѣчіемъ ходатайствуетъ за осиротѣвшее семейство, спрашась, чтобы сей случай *не былъ перетолкованъ противу Наукъ*, вѣчно ему любезныхъ! Часто въ письмахъ своихъ онъ жалуется на Тредіяковскаго и Сумарокова. Если сіи строки доказываютъ печальную истину, что дарованія, во всѣ времена, даже при самой колыбели Словесности, имѣютъ враговъ и завистниковъ: то онѣ же, къ радости нашей, открываютъ прекрасную душу великаго Писателя: »Никакого не желаю мщенія«, говоритъ онъ, »но способовъ продолжить труды мои для славы, для пользы Отечества. Мои Зоилы хваляtъ меня своею хулою, называя мои изображенія надутыми; нападая на меня, они нападаютъ на Древнихъ«... До послѣдней минуты жизни своей Ломоносовъ не измѣнилъ себѣ, и прелестная мысль о славѣ его не покидала. На одрѣ мученій и смерти Рафаель соболѣзновалъ о недокончанныхъ картинахъ: нашъ сѣверный Геній о не совершенныхъ трудахъ своихъ. »Я умираю«, говорилъ онъ Шпелину, »я умираю, пріятель! На смерть взираю равнодуш-

(*) Это собственное выраженіе Ломоносова.

но: сожалѣю о томъ, чего не успѣлъ довершить для пользы Наукъ, для славы Отечества и Академіи нашей. Къ сожалѣнію вижу, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною...«

Тѣнь великаго Стихотворца упѣшилась. Труды его не потеряны. Имя его безсмертно.

VI.

ВЕЧЕРЪ У КАНТЕМИРА.

Антіохъ Кантемиръ, Посланникъ Русской при Дворѣ Лудовика XV, предпочиталъ уединеніе шуму и разсѣянію блестящаго Двора. Свободное время отъ должности онъ посвящалъ Наукамъ и Поэзіи. Въ мирномъ кабинетѣ, окруженный любимыми книгами, онъ часто восклицалъ, перечитывая Плутарха, Горація и Виргилія: »Щастливъ, кто, довольствуясь малымъ, свободенъ, чуждъ зависти и предразсудковъ, имѣетъ совѣсть чистую и провождаетъ время съ вами, наставники человѣчества, мудрецы всѣхъ вѣковъ и народовъ: —

..... съ вами, Греки и Латины...
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.“

Умъ его имѣлъ свойства, рѣдко соединяемыя: основательность, точность и воображеніе. Часто, углубленный въ исчисленія алгебраическія,

Кантемиръ искалъ истины и, подобно мудрецу Сиракузъ, забывалъ міръ, людей и общество, безпрестанно измѣняющееся. Онъ занимался Науками не для того, чтобы щеголять знаніями въ суетномъ кругу ученыхъ женщинъ или Академиковъ: нѣтъ! онъ любилъ Науки для Наукъ, Поэзію для Поэзіи — рѣдкое качество, истинный признакъ великаго ума и прекрасной, сильной души! Въ Парижѣ, гдѣ самолюбіе знатнаго человѣка можетъ собирать безпрестанно похвалы и привѣтствія за малѣйшій успѣхъ въ Словесности, гдѣ нѣсколько небрежныхъ стиховъ, иностранцемъ написанныхъ, даютъ право гражданства въ республикѣ Словесности, Кантемиръ.... писалъ Русскіе стихи! И въ какое время? Когда языкъ нашъ едва становился способнымъ выражать мысли просвѣщеннаго человѣка. Бросьте на островъ необитаемый Математика и Стихотворца, говорилъ Даламберъ: первый будетъ проводить линіи и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюденіями; второй перестанетъ сочинять стихи, ибо некому хвалить ихъ: слѣдственно Поэзія и Поэтъ, заключаетъ *разсудительный* Философъ, питаются суетностію. Парижъ былъ сей необитаемый островъ для Кантемира. Кто понималъ его? Кто восхищался его *Русскими* стихами? — Въ самой Россіи, гдѣ об-

щество, Науки и Словесность были еще въ пеленахъ, онъ, нѣтъ сомнѣнія, находилъ мало цѣнителей своего таланта. Душею и умомъ выше времени и обстоятельствъ, онъ писалъ стихи, онъ поправлялъ ихъ безпрестанно, желая достигнуть возможнаго совершенства, и, казалось, завѣщалъ благородному потомству и книгу и славу свою. Талантъ питается хвалою, но истинный, великій талантъ и безъ нее не умираетъ. Поэтъ можетъ быть суетнымъ — равно какъ и ученый; но истинный любитель всего прекраснаго не можетъ существовать безъ дѣятельности, и то, что было сказано нашимъ Капуломъ о нашемъ Бавіи:

„Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издастъ послѣдній стихъ."

почти то же можно сказать о великомъ Стихотворцѣ. На одрѣ смерти Сервантесъ не покидалъ пера своего. Камоенсъ писалъ Лузіяду посреди племенъ дикихъ. Тассъ, нещастный Тассъ, въ ужасномъ заключеніи бесѣдовалъ съ Музами. Державинъ, за часъ предъ смертію, хладѣющими перстами извлекалъ звуки изъ безсмертной лиры своей. Сихъ ли людей обвинимъ въ суетности?... Но возвратимся къ Кантемиру.

Однажды по вечеру Монтескье и Аббатъ В., извѣстный остроумецъ, навѣстили нашего Сти-

хопворца. Онъ бесѣдовалъ съ своею Музою и не примѣтилъ входящихъ друзей, которые имѣли къ нему свободный доступъ. Нѣсколько минутъ — Кантемиръ перечитывалъ начало посланія своего къ К. Никитѣ Трубецкому, и всегда съ новымъ жаромъ и удовольствіемъ. При чтеніи спокойное и даже холодное лице Кантемира примѣтнымъ образомъ измѣнялось: глаза его сверкали, какъ молніи, щеки разгорѣлись и рука его ударяла шапку по оппверзной предъ нимъ книгѣ. Монтескье взглянулъ на Аббата, кивнулъ ему головою и намѣревался удалиться. Они не хотѣли безпокоить Министра, полагая, что онъ занятъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Кантемиръ услышалъ за собою шорохъ, оглянулся — и бросился обнимать неожидаемыхъ гостей. — »Мы вамъ помѣшали: мы пришли не впору.« — Ни мало! — »Вы читали важныя бумаги?« — Я забавлялся: перечитывалъ стихи моего сочиненія. — »Но какіе? мы ни слова не поняли.« — Русскіе. — »Русскіе стихи!« восклицалъ Аббатъ, пожимая плечами отъ удивленія: »Русскіе стихи! это любопытно....«

Кантемиръ.

Слабое подражаніе Горацію, Ювеналу и Персію. Вы знаете мою страсть къ древнимъ Писателямъ: она завлекла меня далеко. Не въ силахъ

будучи сравнишься съ древними Поэтами Рима, я влачусь за ними, какъ рабъ за господиномъ, или — какъ страстный любовникъ за гордою красавицею. Вы никогда не писали стиховъ, Г. Президентъ, и не знаете сего мученія и удовольствія, которое называютъ метроманіею?

Монтескье.

Ваша правда. Я не писалъ стиховъ, но люблю стихи, когда нахожу въ нихъ столько же мыслей, сколько словъ; когда они ясны, сильны, выразительны, однимъ словомъ — хороши, какъ проза. Я всегда уважалъ Сатиры и Посланія Горація: они знакомятъ насъ съ Римомъ, со нравами, съ образомъ жизни переродившихся потомковъ Брутовъ, Коріолановъ и Сципіоновъ. Ювенала перечитываю съ удовольствіемъ: прямый Римлянинъ душою! Онъ то же въ стихахъ, что Тацитъ въ прозѣ. Я люблю творенія сихъ Поэтовъ, какъ памятники языка, образованнаго цѣлыми вѣками славы народной, языка мужественнаго, обильнаго, выразительнаго: почтеннаго родителя языковъ новѣйшихъ.

Аббатъ В.

И Г. Президентъ конечно сожалѣетъ, что вы пишете Русскіе стихи. Зная совершенно языкъ

Лапинскій и нашъ Французскій, сполъ ясный, точный и красивый, вы лишаете насъ удовольствія читать ваши прелестныя произведенія.

Монтескье.

Сожалѣю и удивляюсь, какъ можно писать, скажу болѣе, какъ можно мыслить на языкѣ необразованномъ? Вы пишете по Русски, а вашъ языкъ и нація — еще въ пеленахъ.

Кантемиръ.

Справедливо: Русскій языкъ въ младенчествѣ; но онъ богатъ, выразителенъ, какъ языкъ Лапинскій, и со временемъ будетъ точенъ и ясенъ, какъ языкъ остроумнаго Фонтенеля и глубокомысленнаго Монтескье. Теперь я принужденъ бороться съ величайшими трудностями: принужденъ изобрѣтать безпрестанно новыя слова, выраженія и обороты, которыя безъ сомнѣнія обветшаютъ черезъ нѣсколько годовъ. Переводя міры Фонтенелевы, я создавалъ новыя слова: Академія Петербургская часто одобряла мои опыты. Я очищалъ путь для моихъ послѣдователей.

Аббатъ В.

Но скажите, Бога ради, какъ же вы могли присвоить всѣ тонкія выраженія и обороты пер-

ваго щеголя языка Французскаго, нашего семидесяти-лѣтняго Фонтенеля?

Кантемиръ.

Какъ умѣлъ! Я слѣдовалъ рабски по слѣдамъ его. Переводъ мой слабъ, грубъ, невѣренъ. Скиѳы заставили плѣннаго Грека изваять Венеру, и обѣщали ему свободу. Грекъ былъ дурный Ваятель; въ Скиѳіи не было ни Паросскаго мрамора, ни хорошихъ рѣзцовъ; за неимѣніемъ ихъ — соотечественникъ Праксителевъ, употребилъ грубый гранитъ, молотъ, простую пилу, и создалъ нѣчто похожее на Венеру, слѣдуя заочно образцу, сколь славному не только въ Греціи, но даже въ земляхъ варваровъ. Скиѳы были довольны, ибо не знали божественнаго подлинника, и покланялись новой богинѣ съ дѣтскимъ усердіемъ. Скиѳы — мои соотечественники; Праксителева статуя — книга безсмертнаго Фонтенеля; а я — сей Грекъ, неискусный Ваятель.

Аббатъ В.

О! вы слишкомъ скромны, почтенный Князь

Кантемиръ.

Не довольствуясь опытомъ моимъ надъ Фонтенелемъ, я принялся за Персидскія письма.

Аббатъ В.

Персидскія письма по Русски.

Монтескье.

Могъ ли я ожидать, что первое, слабое произведеніе моего пера отнимет у васъ столько драгоцѣннаго времени?

Аббатъ В.

Теперь Гиперборейцы узнаютъ, какъ вѣпрены и малодушны обитатели береговъ Сейны.

Кантемиръ.

И какъ остроумны.

Аббатъ В.

Я давно на вечерахъ Г-жи Жофрель — которая васъ превозноситъ, но въ душѣ своей ненавидитъ — давно предсказывалъ вашу славу, Г. Монтескье!

Въ землѣ своей никто Пророкомъ не бывалъ.

Но мое пророчество сбылось, какъ видите. Легко быть можетъ, что въ эту самую минуту, на берегахъ Ледовитаго моря, на берегахъ Лены или Оби, въ пустыняхъ Тартаріи — читаютъ ваши

остроумныя письма, и имя Монтескье гремитъ въ становищахъ Калмыковъ и Самоѣдовъ.

Монтескье.

Читаютъ Персидскія письма при свѣтѣ лампады, налитой рыбьимъ жиромъ...

Аббатъ В.

Или при свѣтѣ сѣвернаго сіянія.... Конечно странно, чудесно! — А мы говоримъ съ такимъ пренебреженіемъ о великой Московіи!

Кантемиръ.

Калмыки и Самоѣды не читаютъ Философическихъ книгъ, и конечно долго читать не будутъ. Но въ Москвѣ многолюдной, въ раждающейся Столицѣ Петра, въ монастыряхъ Малой и Великой Россіи, есть люди просвѣщенные и мыслящіе, которые умѣютъ наслаждаться прекрасными произведеніями Музъ.

Монтескье.

Число такихъ людей должно быть весьма ограниченно. До сихъ поръ я думалъ и думаю, что климатъ вашъ суровый и непостоянный, земля по большей части безплодная, покрытая въ зиму глубокими снѣгами, малое населеніе, труд-

ность сообщеній, образъ правленія почти Азіатскій, закоренѣлые предразсудки и рабство, утвержденныя вѣками навыка — все это вмѣстѣ надолго замедлитъ ходъ ума и просвѣщенія. Власть климата есть первая изъ властей.

Аббатъ В.

Я съ вами согласенъ; и полагаю, что всѣ усилія исполинскаго Царя, все что онъ ни сотворилъ желѣзною рукою, все — разрушится, упадетъ, исчезнетъ. Природа, обычаи древніе, суевѣріе, неисцѣлимое варварство — возмутъ верхъ надъ просвѣщеніемъ слабымъ и неосновательнымъ; и вся полудикая Московія — снова будетъ дикою Московіею, и вѣчный туманъ забвенія покроетъ дѣла и жизнь преемниковъ Петра Великаго.

Кантемиръ.

Я осмѣлюсь спорить съ великимъ творцомъ книги о существѣ законовъ, и съ вами, любезный Аббатъ. Россія пробудилась отъ глубокаго сна, подобно баснословному Эпимениду. Заря, освѣтившая нашу землю, предвѣщаетъ прекрасное утро, великолѣпный полдень и ясный вечеръ: вотъ мое пророчество!

Аббатъ В.

Но это не заря — сѣверное сіяніе. Блеску много, но безъ свѣта и безъ теплоты.

Монтескье.

Остроумный Аббатъ сказалъ великую истину. Положимъ — трудное предположеніе, едва ли сбыточное дѣло! — положимъ, что Правительство откроетъ всѣ пути къ просвѣщенію, что будетъ безпрестанно призывать иностранцевъ для воспитанія юношества, построитъ теплые домы для училищъ, и, изъ сихъ парниковъ и теплицъ просвѣщенія соберетъ нѣсколько незрѣлыхъ и несочныхъ плодовъ; положимъ, что Правительство образуетъ военныхъ людей, довольно искусныхъ, нѣсколько мореходцевъ, небольшое число Артиллеристовъ, Инженеровъ и проч. Но скажите, можетъ ли Правительство вдохнуть вкусъ къ Изящному, къ Наукамъ оживленнымъ, умозрительнымъ? Какая сила измѣнитъ климатъ? Кто можетъ вамъ даровать новое небо, новый воздухъ, новую землю?

Аббатъ В.

И новое солнце? Какъ можно сѣять Науки тамъ, гдѣ осенью серпъ земледѣльца пожинаетъ рѣдкіе класы на бороздахъ, помощь его орошенныхъ; гдѣ зимою отъ холоду чугунъ распадается и топоръ жидкости рубитъ?

Caeduntque securibus humida vina!!!

Монтескье.

Холодной воздухъ сжимаетъ желѣзо; какъ же не дѣйствовать ему на человѣка? Онъ сжимаетъ его фибры; онъ даетъ имъ силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душѣ. Она внушаетъ ей храбрость въ опасности, рѣшительность, бодрость, крѣпкую надежду на себя; она есть тайная пружина многихъ прекрасныхъ свойствъ характера; но она же лишаетъ чувствительности, необходимой для Наукъ и Искусствъ. Теплота, напротивъ того, расширяя тончайшую плену кожи, раскрываетъ оконечности нервовъ и сообщаетъ имъ чудесную раздражительность. Въ земляхъ холодныхъ наружная кожа столь сильно сжата воздухомъ, что нервы, такъ сказать, лишены жизни, и рѣдко, очень рѣдко сообщаютъ слабыя ощущенія свои мозгу. Вы знаете, что отъ безчисленнаго количества слабыхъ ощущеній зависятъ воображеніе, вкусъ, чувствительность и живость. Надобно содрать кожу съ Гиперборейца, чтобъ заставить его что нибудь почувствовать (*).

(*) Il faut écorcher un Moscovite pour lui donner du sentiment (?).

Аббатъ В.

Что можете отвѣчать на это? Вы станете защищать соотечественниковъ вашихъ, какъ Министръ, и на сильные, неопразимые силлогизмы Президента, отвѣчать дипломатическими, отклоняющими истину фразами?

Кантемиръ.

Я родился въ Константинополѣ. Праотцы мои происходятъ отъ древней фамиліи, нѣкогда обладавшей престоломъ Восточной Имперіи. Слѣдственно во мнѣ играетъ еще кровь Греческая, и я неприпворно люблю голубое небо и вѣчнозеленыя оливы странъ полуденныхъ. Въ молодости я странствовалъ съ отцомъ моимъ, неразлучнымъ сопутникомъ, искреннимъ другомъ Петра Великаго, и видѣлъ обширныя долины Россіи отъ Днѣпра до Кавказа, отъ Каспійскаго моря до береговъ величественной Москвы. Я знаю Россію и обитателей ея. Хижина земледѣльца и теремъ боярина, мнѣ равно извѣстны. Руководимый наставленіями отца моего, просвѣщеннѣйшаго человѣка въ Европѣ, съ раннихъ лѣтъ воспитанный въ училищѣ Философіи и опытности, будучи обязанъ по званію моему имѣть безпрестанныя и тѣсныя сношенія съ иностранцами всѣхъ

націй, я не могъ сохранить предразсудковъ *варварскихъ*, и привыкъ смотрѣть на новое отечество мое окомъ безпристрастнаго наблюдателя. Въ Версали, въ кабинетѣ Короля вашего, въ присутствіи Министровъ, я — представитель великаго народа и всемогущей его Монархини; но здѣсь, въ обществѣ дружескомъ, съ великимъ геніемъ Европы, поставляю обязанностію говорить откровенно; и вы, Г. Аббатъ, скорѣе обличите Каннемира въ невѣжествѣ, нежели въ пристрастіи или нечистосердечіи. Вопъ мой отвѣтъ: вы знаете, что Петръ сдѣлалъ для Россіи; онъ создалъ людей, — нѣтъ! онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя; онъ вылечилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества; и Русскіе, подъ руководствомъ великаго человѣка, доказали въ коротkое время, что таланты *свойственны всему человѣчеству*. Не прошло пятнадцати лѣтъ — и великій Монархъ наслаждался уже плодами знаній своихъ сподвижниковъ: всѣ вспомогательныя Науки военнаго дѣла процвѣли внезапно въ Государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвѣстили Европѣ, что имѣемъ артиллерію, флотъ, Инженеровъ, Ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотите отъ насъ въ столь коротkое время? Успѣховъ ума, успѣховъ въ Наукахъ отвлеченныхъ, въ Изящныхъ Искусствахъ, въ Краснорѣчіи, въ По-

эзіи? — Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ *лучшихъ* способностяхъ ума. Вы говорите, что власть климата есть первая изъ властей. Не спорю: климатъ имѣетъ вліяніе на жителей; но это вліяніе (какъ вы сами замѣтили въ безсмертной книгѣ своей), это вліяніе уменшается или смягчается образомъ правленія, нравами, общежитіемъ. Самый климатъ Россіи разнообразенъ. Иностранцы, говоря о нашемъ отечествѣ, полагаютъ вообще, что *Московія* покрыта вѣчными снѣгами, населена — дикими. Они забываютъ неизмѣримое пространство Россіи; они забываютъ, что въ то время, когда житель влажныхъ береговъ Бѣлаго моря ходитъ за куницею на быстрыхъ лыжахъ своихъ, — щастливый обитатель устьевъ Волги собираетъ пшеницу и благодатное просо. Самый Сѣверъ не столь ужасенъ взорамъ путешественника: ибо онъ даетъ все потребное воздѣлывателю полей. Плугъ есть основаніе общества, истинный узелъ гражданства, опора законовъ; а гдѣ, въ какой странѣ Россіи не оставляетъ онъ благодѣтельныхъ слѣдовъ своихъ? Съ успѣхами людкости и просвѣщенія, Сѣверъ безпрестанно измѣняется и, если смѣю сказать, прирастаетъ къ просвѣщенной Европѣ. Скажите: когда Тацитъ описывалъ Германцевъ, думалъ ли

погда Тацитъ, что въ дикихъ лѣсахъ ея возникнутъ города великолѣпные, что въ древней Паннониі и Норикѣ родятся свѣтильники ума человѣческаго? Нѣтъ конечно! Но Петръ Великій, заключивъ судьбу полуміра въ рукѣ своей, ушѣшалъ себя великою мыслію, что на берегахъ Невы, древо Наукъ будетъ процвѣтать подъ тѣнію его Державы, и рано или поздно, но дастъ новые плоды, и человѣчество обогатится ими. Вы, Г. Монтескье, наблюдаете безпрестанно міръ политическій: на развалинахъ протекшихъ вѣковъ, на прахѣ гордаго Рима и прелестной Греціи вы постигли причины настоящихъ явленій, научились пророчествовать о будущемъ. Вы знаете, что съ успѣхами просвѣщенія измѣняются явнымъ и непремѣннымъ образомъ всѣ формы правленія: вы замѣтили сіи измѣненія въ землѣ Русской. Время все разрушаетъ и созидаетъ, портитъ и усовершаетъ. Можетъ быть чрезъ два или три столѣтія, можетъ быть и ранѣе, благія небеса даруютъ намъ генія, который постигнетъ вполнѣ великую мысль Петра — и обширнѣйшая земля въ мірѣ, по творческому гласу его, учинится хранилищемъ законовъ, свободы на нихъ основанной, нравовъ, дающихъ постоянство законамъ, однимъ словомъ — хранилищемъ просвѣщенія. Лестныя надежды! вы сбудетесь конечно. Благодѣтель

семейства моего, — благодѣтель Россіи, почиваетъ во гробѣ; но духъ его, сей дѣятельный, сей великій духъ — не покидаетъ страны, ему любезной: онъ всюду присутствуетъ, все оживляетъ, всему даетъ душу, и новую жизнь и новую силу: онъ, кажется мнѣ, безпрестанно вѣщаетъ Россіи: иди впередъ! не останавливайся на поприщѣ, мною отверзтомъ, и достигнешь великой цѣли, мною назначенной!

Монтескье.

Но Искусства? Могутъ ли они процвѣтать въ туманахъ Невскихъ, или подъ суровымъ небомъ Московскимъ?

Аббатъ В.

Искусства... Ахъ! имъ-то нуженъ прозрачный воздухъ и яркое солнце Рима, древней Эллады, или умѣренный климатъ нашей Франціи.

Кантемиръ.

Полуденныя страны были родиною Искусствъ; но сіи прелестныя дѣти воображенія были часто вытѣсняемы изъ родины своей варварствомъ, суевѣріемъ, желѣзомъ завоевателей, и какъ быстрыя волны разлились по лицу земному. Музыка, Живопись и Скульптура любятъ свое древнее оте-

чество, а еще болѣе многолюдные города, роскошь, нравы изнѣженные. Но Поэзія свойственна всему человѣчеству: тамъ, гдѣ человѣкъ дышетъ воздухомъ, питается плодами земли, — тамъ, гдѣ онъ существуетъ — тамъ же онъ наслаждается и чувствуетъ добро или зло, любитъ и ненавидитъ, укоряетъ и ласкаетъ, веселится и страдаетъ. Сердце человѣческое есть лучшій источникъ Поэзіи...

Аббатъ В.

Такъ! но оно, признайтесь, не столь чувствительно на Сѣверѣ.

Монтескье.

Я видѣлъ оперу въ Англіи и въ Италіи. Онъ музыки, которую Англичане слушаютъ спокойно, Италіянцы бываютъ внѣ себя, и прыгаютъ какъ Пиѳія на пророческомъ треножникѣ.

Кантемиръ.

Что доказываетъ это? что чувствительность народовъ южныхъ раздражительнѣе, сообщительнѣе: но едва ли столь глубока, столь сильна, какъ чувствительность народовъ сѣверныхъ. Въ бытность мою въ Лондонѣ, ученый Шотландецъ Н. Н. показывалъ мнѣ пѣсни своихъ

горныхъ соотечественниковъ: онѣ напоминаютъ древняго Омера, и силою мыслей, глубиною чувствъ превосходятъ многія произведенія Музы Итальянской.

Аббатъ В.

Невѣроятно!

Кантемиръ.

Мы, Русскіе, имѣемъ народныя пѣсни: въ нихъ дышитъ нѣжность, краснорѣчіе сердца; въ нихъ видна сія задумчивость, тихая и глубокая, которая даетъ неизъяснимую прелесть и самымъ грубымъ произведеніямъ сѣверной Музы.

Аббатъ В.

Чудесно! по чести невѣроятно!

Кантемиръ.

... Скажите, если грубыя дѣти Сѣвера умѣютъ чувствовать и изъясняться столь живо и пріятно, то чего не льзя ожидать намъ отъ людей образованныхъ?

Аббатъ В.

Но ... почтенный защитникъ Сѣвера ... вы знаете, что народныя пѣсни ... лепетаніе младенцевъ!

Кантемиръ.

Младенцевъ, которые со временемъ возмужаютъ. Какъ знать? можетъ быть на дикихъ берегахъ Камы или величественной Волги — возникнутъ великіе умы, рѣдкіе таланты. Что скажете, Г. Президентъ, что скажете, услыша, что при льдахъ Сѣвернаго моря, между полудикихъ родился великій Геній? Что онъ прошелъ исполинскими шагами все поле Наукъ; какъ Философъ, какъ Оракоръ и Поэтъ, преобразовалъ языкъ свой и оставилъ по себѣ вѣчные памятники? Это одно предположеніе, но дѣло возможное. Что скажете, если...

Аббатъ.

Но къ чему сіи гипотезы? Легче повѣрю, что Русскіе взяли приступомъ Парижъ, и уничтожили всѣ крѣпости, Вобаномъ построенныя!! *Впрочемъ, для чудесъ нѣтъ законовъ*, говорилъ мнѣ Фонтенель съ значительною усмѣшкою, прочитавъ въ первый разъ свое глубокомысленное разсужденіе объ Оракулахъ. Всѣ надежды ваши можетъ быть и сбудутся, или, вы найдете ихъ въ царствѣ Луны, съ утраченными надеждами Астольфа. Но, простите моему чистосердечію... признаюсь, я до сихъ поръ смотрю на васъ съ

удивленіемъ, и не могу постигнуть, какъ можно въ Парижѣ, на землѣ Расина и Корнеля — писать Русскіе стихи?

Кантемиръ.

Это напоминаетъ: какъ можно быть Персіяниномъ?

Монтескье.

Вы хотѣли поразить насъ собственнымъ нашимъ оружіемъ. Но позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Вы подражаете Горацію и Ювеналу: слѣдственно пишете Сатиры, — Сатиры на нравы... которые еще не установились. Горацій и Ювеналъ осмѣивали пороки народа развращнаго, но достигшаго высокой степени просвѣщенія; остроумный и всегда разсудительный Буало писалъ при Дворѣ великаго Короля, въ самую блестящую эпоху Монархіи Французской. Теперь общество въ Россіи должно представлять ужасный хаосъ: грубое сліяніе всего порочнаго, смѣшеніе закоренѣлыхъ предразсудковъ, невѣжества, древняго варварства, Татарскихъ обычаевъ, съ нѣкоторымъ блескомъ роскоши Азіатской, съ нѣкоторыми искрами просвѣщенія Европейскаго! Какая пустъ пища для Поэта сатирическаго? Могутъ ли проникнуть тонкія стрѣлы Эпиграммы

сквозь тройную броню невѣжества, и уязвить сердце окаменѣлое отъ пороковъ, закаленное въ невѣжествѣ? И что значатъ сіи стрѣлы въ землѣ, гдѣ женщины, хранительницы нравовъ, едва начинаютъ освобождаться изъ-подъ ига мужей своихъ; въ землѣ, гдѣ общественное мнѣніе еще шатается, еще не установилось и не можетъ называть своимъ приговоромъ того, что не подлежитъ суду законовъ? Однимъ словомъ: какъ можно смѣяся говорить истину властелинамъ или рабамъ? Первымъ — опасно; другимъ — безполезно.

Кантемиръ.

Пользуясь покровительствомъ Монарховъ и вельможъ, занимающихъ первыя степени въ Государствѣ, я безъ страха говорилъ истину, и мои Сатиры принесли нѣкоторую пользу. Петръ Великій, преобразуя Россію, старался преобразовать и нравы: новое поприще открылось наблюдателю человѣчества и страстей его. Мы увидѣли въ древней Москвѣ чудесное смѣшеніе старины и новизны, двѣ стихіи въ безпрестанной борьбѣ одна съ другою. Новые обычаи, новыя платья, новый родъ жизни, новый языкъ, не могли еще измѣнить древнихъ людей, изгладить древній характеръ. Иные бояра, надѣвая парикъ и новое платье, оставались съ прежними пред-

разсудками, съ древнимъ упрямствомъ, и тѣмъ казались еще страннѣе: другіе, отложа бороду и длинный кафтанъ праотеческій, съ платьемъ Европейскимъ надѣвали всѣ пороки, всѣ слабости вашихъ соотечественниковъ, но вашей любезности и людскости занять не умѣли. Частыя перемѣны при Дворѣ возводили на высокія степени государственныя людей низкихъ и недостойныхъ: они являлись и — исчезали. Временщикъ смѣнялъ временщика, толпа льстецовъ другую толпу. Гордость и низость, суевѣріе и коцунство, лицемѣріе и явный развратъ, скупость и расточительность неимовѣрная: однимъ словомъ, страсти, по всему противуположенныя, сливались чудеснымъ образомъ, и представляли новое зрѣлище равнодушному наблюдателю и Философу, который только оцупью, и съ Гораціемъ въ рукахъ, могъ отыскать щастливую средину вещей. Я старался изловить нѣкоторыя черты сихъ временъ; скажу болѣе: я старался явить порокъ во всей наготѣ его, и намѣкнуть соотечественникамъ истинный путь честности, благихъ нравовъ и добродѣтели. Ученый Феофанъ, Архимандритъ Кроликъ — оба достойные Пастыря, Никита Трубецкій и другіе вельможи одобрили мои слабые опыты, мое перо неискусное, но смѣлое, чистосердечное. Я первый осмѣлился писать такъ, какъ

говорятъ: я первый изгналъ изъ языка нашего грубыя слова Славянскія, чужестранныя, несвойственныя языку Русскому, — и открылъ новую дорогу для грядущихъ шаланповъ. Сапиры мои будутъ имѣть нѣкоторую цѣну для потомковъ нашихъ, подобно древнимъ картинамъ первыхъ живописцевъ, предшественниковъ Рафаеля: въ нихъ они найдутъ изображеніе вѣрное нравовъ и языка Русскаго, въ славномъ періодѣ для Россіи: отъ временъ Петра, до царствованія щастливой, обожаемой нами Елисаветы; — и имя мое (простите мнѣ Авторское самолюбіе) будетъ уважаемо въ Россіи болѣе потому, что я первый осмѣлился говорить языкомъ Музъ и Философіи, нежели потому, что занималъ важное мѣсто при Дворѣ вашемъ.

Аббатъ В.

Прекрасно! Вы говорите, какъ истинный Философъ.

Монтескье.

Мы желали бы видѣть ваши Сапиры на Французскомъ языкѣ. Отчасти я согласенъ съ вами: картина нравовъ народа почти новаго всегда любопытна. Но... вотъ и Аббатъ Гуаско, вашъ пріятель...

Вы очень къ стати навѣстили насъ! сказалъ Кантемиръ, обнимая Аббата. Вы перевели мои Сатиры на Французской языкъ: прочитайте что нибудь въ угожденіе Г. Президенту; а у васъ, Господа, прошу терпѣнія и снисхожденія...

Чтеніе и разговоръ продолжались долго даже за полночь. Наконецъ Монтескье и Аббатъ В. откланялись Министру и разстались... довольны ли имъ? не знаю.

Знаю только, что Кантемиръ, шевеля гаснувшіе уголья въ каминѣ, сказалъ Аббату Гуаско: признайся, любезный другъ, Монтескье умный человѣкъ, великій Писатель ... но...

Но говоритъ о Россіи, какъ невѣжда, прибавилъ Аббатъ Гуаско. — Скромный Кантемиръ улыбнулся, пожелалъ доброй ночи Аббату, и они разстались.

VII.

ПИСЬМО къ И. М. М. А.

О сочиненіяхъ Г. Муравьева.

Перечитывая снова рукописи и сочиненія М. Н. Муравьева, (изданныя по его кончинѣ, Москва, 1810) я осмѣлился сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Двѣ причины были моимъ побужденіемъ. Вамъ будетъ пріятно, М. Г., бесѣдовать со мною о незабвенномъ мужѣ, котораго утрата была столь горестна для сердца вашего. Все нѣжнѣе и нѣжнѣе связывало васъ съ покойнымъ вашимъ родственникомъ. Самая дружба питалась, возвеличивалась взаимною любовію къ Музамъ, единственнымъ утѣшительницамъ сей бурной жизни. Она украсила дни цвѣтущей молодости вашей, и поздним лѣтамъ приготовила сладостныя воспоминанія. Конечно каждый стихъ, каждое слово Виргилія напоминаетъ вамъ о незабвенномъ другѣ вашемъ: ибо съ нимъ вы читали Древнихъ, съ нимъ наслаждались прекрасными вымыслами чувствительнѣ-

наго Поэта Мантуи, глубокимъ смысломъ и гармоніей Горація, величественными картинами Тасса, Мильтона и неизъяснимою прелестью стиховъ Петрарка; однимъ словомъ, всѣми сокровищами древней и новѣйшей Словесности.

Вторую причину, побудившую меня говорить о сочиненіяхъ Г. Муравьева, могу смѣло отнести на щетъ пользы общественной. Въ 1810 году Г. Карамзинъ взялъ на себя пріятный трудъ быть издателемъ оныхъ, не смотря на важныя свои занятія по части Исторіи: ибо онъ любилъ въ покойномъ Авторѣ не одно искусство писать, соединенное съ обширною ученостію, но душу, прекрасную его душу. Говоря о Писателѣ въ краткомъ предисловіи, онъ заключаетъ слѣдующими словами: »Страсть его къ ученію равнялась въ немъ только со страстію къ добродѣтели.« Прекрасныя слова, и совершенно справедливыя! Кто зналъ сего мужа въ гражданской и семейственной его жизни, тотъ могъ легко угадывать самыя тайныя помышленія его души. Онѣ клонились къ пользѣ общественной, къ любви Изящнаго во всѣхъ родахъ, и особенно къ успѣхамъ отечественной Словесности. Онъ любилъ Отечество и славу его, какъ Цицеронъ любилъ Римъ; онъ любилъ добродѣтель, какъ пламенный ея любовникъ,

и всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, оспался вѣренъ своей благородной спрасти.

Послѣ долгаго отсутствія возвращаясь въ отчизну, и съ новымъ удовольствіемъ принимаясь за Русскія книги, я искалъ во всѣхъ журналахъ выгоднаго или строгаго приговора сочиненіямъ Г. Муравьева. Четыре года прошло со времени ихъ изданія въ свѣтъ, и никто, ни одинъ изъ журналистовъ не упоминаетъ объ нихъ (*). Чему приписать сіе молчаніе? Лѣни Гг. Редакторовъ и холодности читателей къ книгамъ полезнымъ, которыхъ появленіе столь рѣдко на горизонтѣ нашей Словесности. Нѣкоторые изъ Гг. журналистовъ нашихъ поставляютъ себѣ долгомъ говорить только о томъ, что подѣйствовало на чернь нашей Публики. Они захваляютъ по одному предубѣжденію юный, возникающій талантъ, или въ одномъ словѣ напишутъ ему строгій и несправедливый приговоръ. Ихъ лѣность сбираетъ

(*) Въ прошломъ 1813 году Г. Гнѣдичъ упомянулъ о сочиненіяхъ Г. Муравьева, говоря о лучшихъ нашихъ прозаическихъ Писателяхъ въ *Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей Словесности.* Мы съ удовольствіемъ услышали, что Е. П. Г. Попечитель С. Петербургскаго Учебнаго Округа предписалъ чтеніе сочиненій Г. Муравьева въ училищахъ сего округа.

плоды съ одного невѣжества. Къ нещастію, они во многомъ похожи на нашихъ актеровъ, которые, играя для партера, забываютъ, что въ ложахъ присутствуютъ строгіе судьи искусства.

Я пропущу другую причину хладнокровія и малаго любопытства нашей Публики къ отечественнымъ книгамъ. Они происходятъ отъ исключительной любви къ Французской Словесности — и эта любовь неизлѣчима. Она выдержала всѣ возможныя испытанія и времени и политическихъ обстоятельствъ. Все было сказано на сей щетъ; всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Талiи и людей просвѣщенныхъ .... остались безъ пользы, безъ вниманія (*). Но я твердо увѣренъ, что есть благоразумные читатели, которые, желая находить въ чтеніи пріятность, соединенную съ пользою, и будучи недовольны нашею Литературою, столь бѣдною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, часто съ

(*) Бурный и славный 1812 годъ миновался, и любовь къ Отечеству, страсть благородная, не ослѣпляетъ насъ на щетъ Французской Словесности. Просвѣщенный Россіянинъ будетъ всегда уважать писателей Лудовикова вѣка: не Сѣверъ есть родина Омаровъ. Наши воины, спасители Европы отъ новаго Аттилы, потушили пламенникъ брани въ отечествѣ Расина и Мольера, и на другой день по вступленіи въ Парижъ, къ общему удивленію его жителей, рукоплескали вели-

горестію прибѣгаютъ къ иностранной. Такого рода люди — ихъ число ограничено — радуются появленію хорошей книги и перечитываютъ ее съ удовольствіемъ. Для нихъ я спѣшу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на сочиненія Г. Муравьева вообще, и напомянуть имъ о собственномъ ихъ богатствѣ.

Собраніе сихъ сочиненій (изданныхъ въ Москвѣ 1810) составлено изъ отдѣльныхъ піэсъ, которыя, какъ говоритъ Г. Карамзинъ, были написаны Авторомъ для чтенія Великихъ Князей. Онъ имѣлъ щастіе преподавать Имъ наставленія

чественныхъ стихамъ Французской Мельпомены на собственномъ ея театрѣ. *Но исключительная страсть къ какой либо Словесности можетъ быть вредна успѣхамъ просвѣщенія.* Истина неоспоримая, которую Г. Уваровъ, въ письмѣ къ Г. Капнисту, изложилъ столь блестящимъ образомъ. „Безъ основательныхъ познаній и долговременныхъ трудовъ въ древней Словесности,“ говоритъ почтенный защитникъ Омера и экзаметровъ, „никакая новѣйшая существовать не можетъ; безъ тѣснаго знакомства съ другими новѣйшими, мы не въ состояніи обнять все поле человѣческаго ума, обширное и блистательное поле, на которомъ всѣ предубѣжденія должны бы умирать и всѣ ненависти гаснуть.“

въ Россійскомъ языкѣ, въ Нравственности и Словесности (*).

Желая начерпать въ юной памяти историческія лица знаменитыхъ мужей, а особливо Великихъ Князей и Царей Русскихъ, Авторъ, подобно Фонтенелю, заставляетъ разговаривать ихъ тѣни въ царствѣ мертвыхъ. Но Французскій Писатель гонялся единственно за остроуміемъ: дѣйствующія лица въ его разговорахъ разрѣшаютъ какую нибудь истину блестящими словами; они, кажется намъ, любуются сами тѣмъ, что сказали. Подъ перомъ Фонтенеля не рѣдко древніе Герои преображаются въ придворныхъ Лудовикова времени, и напоминаютъ намъ живо учтивыхъ паштуховъ того же Автора, которымъ не достаетъ парика, манжетъ и красныхъ каблуковъ, чтобы шаркать въ Королевской передней, какъ замѣчаетъ Вольперъ — не помню въ которомъ мѣстѣ. Здѣсь совершенно тому противное: всякое лице говоритъ приличнымъ ему языкомъ, и Авторъ знакомитъ насъ, какъ будто невольно, съ Рюрикомъ, съ Карломъ Великимъ, съ Каптемиромъ, съ Горацiемъ и проч. Онъ, какъ

(*) Нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу. —

Фонтенель, разрѣшаетъ въ маленькой драмѣ своей какую нибудь истину, или политическую или нравственную; но жертвуетъ ей ничтожными выгодами остроумія, и если смѣю сказать, скрывается за дѣйствующее лице. — Напримѣръ, желая сказать, что истинное богопочитаніе не разлучно съ человѣколюбіемъ, онъ заставляетъ разговаривать Игоря и Ольгу, которая была жестокою по добродѣтели и дѣйствовала по ложнымъ понятіямъ воспитанія и народныхъ нравовъ. Въ другомъ разговорѣ онъ выводитъ на сцену Карла Великаго и Владиміра, имѣя въ виду слѣдующее предложеніе: »Слава добрыхъ Государей никогда не погибаетъ, и безпристрастный гласъ Исторіи, отдѣляя отъ нихъ нѣкоторыя легкія несовершенства человѣчества, представляетъ добродѣтели ихъ для подражанія потомству.« И такъ далѣе.

Сіи разговоры и Письма Обитателя предмѣстія могутъ замѣнить въ рукахъ наставниковъ лучшія произведенія иностранныхъ Писателей. Въ нихъ моральныя истины изложены съ такою ясностію, съ такимъ добродушіемъ, облечены въ столь пріятныя формы слога, что самая разборчивая критика увѣнчаетъ ихъ похвалами. Насъ лучше удостовѣряютъ примѣры. Возьмемъ ихъ на удачу изъ писемъ. Сочинитель, удаленный отъ

городскаго шума, въ пріятномъ сельскомъ убѣжищѣ — »на берегахъ свѣтлаго ручья, по которымъ разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника« — пишетъ къ своему пріятелю о различныхъ предметахъ, его окружающихъ; веселится сельскими картинами, мирнымъ щастіемъ полей и человѣкомъ, обитающимъ посреди чудесъ первобытной Природы. Часто облако задумчивости осѣняетъ его душу; часто углубляется онъ въ самаго себя, и извлекаетъ истины, всегда утѣшительныя, изъ собственнаго своего сердца. Тихая, простая, но веселая Философія, неразлучная подруга прекрасной, образованной души, исполненной любви и доброжеланія ко всему человѣчеству, съ неизъяснимой прелестью дышетъ въ сихъ письмахъ. »Никакое непріятное воспоминаніе не отправляетъ моего уединенія — (здѣсь видна вся душа Автора): чувствую сердце мое способнымъ къ добродѣтели; оно бьется съ сладостною чувствительностію при единомъ помышленіи о какомъ нибудь дѣлѣ благотворительности и великодушія. Имѣю благородную надежду, что будучи поставленъ между добродѣтели и нещастія, изберу лучше смерть, нежели злодѣйство. И кто въ свѣтѣ щастливѣе смертнаго, который справедливымъ образомъ можетъ чтить самаго себя?« — Прекрасныя, золотыя строки! Кто, кто не желалъ бы напи-

сашь ихъ въ изліяніи сердечномъ? — Потомъ, описавъ сладостныя заняшія любителя Музъ въ тихомъ кабинешѣ, нашъ Авторъ прибавляешъ: »И послѣ того есшь еще люди, которые ищушъ благополучія въ разсѣяніи, въ многолюдсшвѣ, далеко ошъ домашнихъ боговъ своихъ! — Какое щасшіе опереть слезы невинносшраждущаго, оказашь услугу маломощному, облегчишь зависимосшь подчиненныхъ? Но что я скажу о дружбѣ? Чувсшвовашь себя въ другомъ, разумѣшь другъ друга споль искренно, споль скоро, при единомъ словѣ, при единомъ взорѣ? — Кто называешъ *дружбу*, называешъ *добродѣтель*. «— Сіи спроки, и многія другія, напоминаюшъ намъ Монтаня, шамъ, гдѣ онъ, предаваясь щасшливому изліянію своего сердца, говорилъ о незабвенномъ своемъ Лабоесѣ (*). Тонъ иныхъ писемъ важнѣе — но нравсшвенная цѣль всегда одинакова. Признаюсь вамъ, М. Г., я не могу удержашься ошъ удовольсшвія выписывашь; при шомъ это единсшвенный и лучшій способъ показашь красошы сочиненія и дашь ясное поняшіе объ Авторѣ. »Тихій вечеръ оканчивалъ

(*) Si on me presse de dire, pourquoi je l'aimois, je sens que cela ne se peut exprimer qu'en répondant: parceque c'étoit lui, parceque c'étoit moi. *Монтань.*

знойный день. Солнце, величественнѣе и медленнѣе на концѣ пути своего, покоилося за мгновеніе предъ закатомъ на крайнихъ горахъ горизонта, а я прогуливался на крутомъ берегѣ Волги съ добродѣтельнымъ другомъ юности моей, съ кроткимъ моимъ наставникомъ. Власы главы его бѣлѣли уже отъ хлада старости; весна жизни моей не расцвѣтала еще совершенно. Мы касались оба противуположныхъ крайностей вѣка. Но дружба его и опытность сокращали разстояніе, которое раздѣляло насъ, и часто позабываясь, мнилъ я видѣть въ немъ старшаго и благоразумнаго товарища. Будучи важнѣе обыкновеннаго въ тотъ вечеръ, онъ говорилъ мнѣ: Сынъ мой! (Симъ именемъ любви я одолженъ былъ нѣжности сердца его) Озирая холмы сіи, одѣваемые небесною лазурью, поля, жатвы, и напояющія ихъ струи, не чувствуешь ли въ сердцѣ твоемъ благополучія? — Чудеса Природы не довольны ли для щастія человѣка? Но одно худое дѣло, котораго сознаніе оскорбляетъ сердце, можетъ разрушить прелесть наслажденія. Великолѣпіе и вся красота Природы, вкушается только невиннымъ сердцемъ. Одно щастіе — добродѣтель; одно нещастіе — порокъ. И всѣ вечера твои будутъ такъ тихи, ясны, какъ нынѣшній. Спокойная совѣсть творитъ и Природу спокойною. — Слова его прони-

кли въ душу мою, и я съ умиленіемъ повергся въ объятія спарца.« —

Другіе опрывки принадлежатъ къ вышнему роду Словесности. Между ими повѣсть Оскольдъ, въ которой Авторъ изображаетъ походъ Сѣверныхъ народовъ на Царь-градъ, блистаетъ красотами. Здѣсь мы видимъ толпы дикихъ воиновъ, которыхъ какъ будто невидимая сила влечетъ къ роскошной столицѣ Восточной Имперіи. Мы переносимся во времена глубокой древности; въ степи и дремучія лѣса полуобитаемой Россіи; то на бурныя волны Варяжскаго моря, покрытыя судами отважныхъ плавателей; то въ непроходимыя снѣжныя пустыни Біарміи, освѣщенныя холоднымъ солнцемъ; то въ роскошное Царство Михаила, — »гдѣ игры, удивительныя ристалища занимаютъ ежедневно праздность народа. — Щастливъ, кто видѣлъ все сіе единожды въ жизни! Сладостное воспоминаніе распространится на остальное теченіе дней его, и облегчитъ ему бремя ненавистной старости.« — Авторъ, съ обыкновеннымъ искусствомъ говоритъ о Труворѣ и Синеусѣ, сохраняя всю приличность историческую; выводитъ честолюбиваго Вадима — »котораго взоры изображаютъ столько же упрековъ Новгородцамъ, сколько строгости воинской« — и возбуждаетъ въ памяти нашей цѣпь великихъ опе-

чесшвенныхъ воспоминаній. Сила изобрѣшенія блисшаешъ въ исчисленіи Оскольдовыхъ рашниковъ. Они опличены рѣдкими чершами одинъ опъ другаго; они живушъ, дѣйсшвуюшъ передъ вами. »Но кшо можешъ назвашь имена безчисленнаго воинсшва? Таковы шучи пернашыхъ, наполняющихъ воздухъ крикомъ, когда, почувсшвовавъ приходъ зимы, осшавляюшъ крушые берега Рускаго моря, не памящуя любви и прекрасныхъ дней, коими шамъ наслаждались лѣшомъ; удивленный пушешесшвенникъ позабываешъ дорогу свою, на нихъ взирая, и унываешъ въ сердцѣ, видя себя осшавляемаго свирѣпосши мразовъ и бурныхъ вѣшровъ.«— Вы видише предъ полками сонмъ вдохновенныхъ Скальдовъ, съ злашыми арфами. »Неперпѣливый, добрый между ими, юный Славянинъ, коморый на влажныхъ берегахъ моря и на краю земли безплодной почувсшвовалъ вдохновеніе Скальда, осшавилъ сѣши и парусы, способы скуднаго пропишанія, и воспѣлъ соошчичамъ неслыханныя пѣсни о браняхъ и Геройхъ.« Эшошъ юный Скальдъ напоминаешъ намъ Ломоносова. Конечно его имѣлъ въ виду нашъ Авшоръ, и здѣсь, сохраняя всю приличносшь разсказа, предсшавилъ намъ въ блисшашельномъ видѣ оща Русскаго Сшихошворсшва, сего чудеснаго мужа, комораго не только дарованія поэшическія, неимовѣрные успѣхи и шруды

въ Искусствахъ и Наукахъ, но самая жизнь, исполненная Поэзіи — если смѣю употребить сіе выраженіе — заслуживаетъ вниманіе позднѣйшаго потомства (*).

Искусство, неразлучное съ глубокимъ познаніемъ Исторіи, болѣе всего блистаетъ въ описаніи нравовъ Сѣверныхъ племенъ. Авторъ Оскольда краткими словами умѣетъ возбудить вниманіе читателя и перенести его на сцену погдашняго міра, который знакомъ ему, какъ Омеру древняя Троада. Замѣтимъ еще, что эпоха, избранная имъ для поэтическаго повѣствованія, соединяетъ всѣ возможныя выгоды, и доказываетъ его вѣрный вкусъ и обширныя свѣдѣнія. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи во времена отдаленныя, которыя Поэту столь удобно украшать вымыслами и цвѣтами творческаго воображенія. Оскольдъ, товарищъ Руриковъ, поклоняется Одену, сему кровавому божеству Скандинавовъ, которыхъ и жизнь и суевѣрія ознаменованы были мрачною Поэзіею. Спутники Оскольдовы имѣютъ, или могутъ имѣть свои преданія, какъ Славяне имѣютъ свою

(*) Мы приглашаемъ прочитать въ Опытахъ Исторіи, Словесности и Нравоученія Г. Муравьева прекрасную статью о заслугахъ Ломоносова въ Наукахъ. —

вѣру, и отъ сего раждается пріятное разнообразіе, истинная принадлежность Эпопеи! Въ нѣкоторомъ отдаленіи мы видимъ Царь-градъ, жилище роскоши и нѣги, колыбель Христіанской Религіи, куда кочующіе народы Сѣвера впоргались съ мечемъ и пламенемъ для похищенія земныхъ сокровищъ, и нерѣдко возвращались съ святымъ знаменіемъ Вѣры въ свои непосвященныя становища. Туда устремлены воины Оскольда и любопытство читателя.... Къ сожалѣнію, сія повѣсть не кончена: она есть начало большаго творенія, которое безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду нашъ Авторъ; но Государственныя заняшія отклонили его отъ Словесности. При концѣ жизни своей, онъ рѣдко бесѣдовалъ съ Музами, удѣляя нѣсколько свободныхъ минутъ на чтеніе Древнихъ въ подлинникѣ, и особенно Греческихъ Историковъ, ему отъ дѣтства любезныхъ.

Историческіе отрывки Г. Муравьева заслуживаютъ особенное вниманіе, и мы смѣло увѣрить можемъ — опираясь на мнѣніе ученѣйшихъ мужей по этой части — что на Русскомъ языкѣ едва ли находится что нибудь подобное *Краткому Начертанію Россійской Исторіи*, напечатанному въ первый разъ въ 1810 году, и спасьямъ, подъ названіемъ: *Разсѣянныя черты изъ Землеописанія Россійскаго* и *Соединеніе Удѣльныхъ Кня-*

женій въ единое Государство. Онѣ начертаны перомъ Ученаго, Политика и Философа. Вотъ рѣдкое явленіе въ нашей Словесности! Ибо наши Писатели не всегда соединяли въ себѣ качества, потребныя Историку: Философію и Критику. Мы надѣемся, что ученые люди, занимающіеся отечественною Исторіею, сообщатъ читающей Публикѣ свои замѣчанія о сихъ безцѣнныхъ отрывкахъ, а наставники включатъ ихъ въ малое число книгъ, посвященныхъ чтенію юношества. Исторія наша, Исторія народа, совершенно отличнаго отъ другихъ по гражданскому положенію, по нравамъ и обычаямъ, Исторія народа, сильнаго и воинственнаго отъ самой его колыбели, и нынѣ удивившаго неимовѣрными подвигами всю Европу, должна быть любимымъ нашимъ чтеніемъ отъ самаго дѣтства. »Мы ходимъ,« — говоритъ краснорѣчивый Авторъ Землеописанія Русскаго — »мы ходимъ по землѣ, обагренной кровію предковъ нашихъ, и прославленной отважными предпріятіями и подвигами Князей и Полководцевъ, которые только для того осѣнены глубокою нощію забвенія, что не имѣли достойныхъ провозвѣстниковъ славы своей. Да настанетъ нѣкогда время пристрастія къ отечественнымъ происшествіямъ, къ своимъ Государямъ, ко нравамъ и добродѣте-

лямъ, которыя суть природныя произрастѣнія нашего Отечества (*). «

Мы должны упомянуть о философическихъ и нравственныхъ произведеніяхъ нашего Автора. Здѣсь, болѣе нежели гдѣ нибудь, видна его душа и горячія впечатлѣнія его сердца. Къ нему можно примѣнить то, что Шиллеръ сказалъ о Маттисонѣ: »Тѣсное обращеніе съ Природою и съ классическими образцами напитало его духъ, очистило его вкусъ и сохранило его *нравственную грацію;* пламенная и чистѣйшая любовь къ человѣчеству одушевляетъ его произведенія, и всѣ явленія Природы отражаются въ душѣ его со всѣми оттѣнками, какъ въ тихомъ зеркалѣ воды. « — Здѣсь находимъ мы самаго Автора, вступаемъ съ нимъ въ тѣсное знакомство. Искусство человѣческое можетъ всему подражать, кромѣ движеній добраго сердца. Вотъ истинная оригинальность нашего Автора! Онъ часто, какъ будто

(*) Любители Исторіи и Словесности ожидаютъ съ нетерпѣніемъ полной Исторіи Русской того Писателя, который показалъ намъ истинные образцы Русской прозы, и въ трудолюбивомъ молчаніи болѣе десяти лѣтъ приготовляетъ своему Отечеству новое удовольствіе, новую славу. Его твореніе будетъ имѣть непосредственное вліяніе на умы и болѣе всего на Словесность.

противъ воли своей, обнажаетъ прекрасную душу и рѣдкую чувствительность; и болѣе всего въ отрывкѣ подъ названіемъ: *Просвѣщеніе* и *Роскошь*, гдѣ, описывая странный характеръ Руссо, онъ говоритъ съ нимъ предавшись сладостной мечтательности; — въ стихѣ о *Блаженствѣ*, гдѣ онъ, опредѣляя щастіе, увлекается своимъ воображеніемъ, и отдыхаетъ въ тишинѣ сельской на лонѣ Природы, ему всегда любезной. Вы можете читать его во всякое время, и въ шумѣ дѣятельной жизни, и въ тишинѣ уединенія; его слова подобны словамъ стараго друга, который, въ откровенности сердечной говоря о себѣ, напоминаетъ вамъ собственную вашу жизнь, ваши страсти, печали, надежды и наслажденія. Онъ сообщаетъ вамъ тишину и ясность своей души и оставляетъ въ памяти продолжительное воспоминаніе своей бесѣды. Однимъ словомъ, самое бремя печалей и заботъ — я занимаю его выраженіе — отпадаетъ по его утѣшительному гласу.

Въ *Забавахъ воображенія*, говоря о томъ Государственномъ человѣкѣ, который первый въ Россіи ознаменовалъ дни свои покровительствомъ отечественныхъ Музъ, котораго имя должно быть драгоцѣнно позднему потомству: ибо перейдетъ къ нему съ именами Ломоносова и Державина, — говоря о Шуваловѣ, Сочинитель продолжаетъ:

» Пріятно воспоминать Государственнаго человѣка, который былъ чувствителенъ къ прелестямъ Письменъ, Поэзіи и Художествъ, и посреди сіянія знатности и попеченій правленія, удостоивалъ взорами своими просвѣщеніе; какъ любимецъ Августовъ, или Кольбертъ, давалъ покровительство Наукамъ, или призывалъ дарованія изъ чужихъ земель.« — Конечно иныя черты можно примѣнить къ нашему Автору, котораго память столь любезна и Художникамъ и Ученымъ. — Онъ посѣщалъ ихъ кабинеты, ихъ мастерскія; они искали въ немъ покровителя, и часто находили попечительнаго друга. Имя его и до сихъ поръ почтенные Члены Московскаго Университета произносятъ со слезами живѣйшей благодарности. Незабвенное имя для сердецъ благородныхъ! Оно напоминаетъ Отечеству всѣ гражданскія добродѣтели.

» Все то, что способствуетъ къ доставленію вкусу болѣе тонкости и разборчивости,« — прибавляетъ Сочинитель въ спорѣ о *Забавахъ воображенія*, изъ которой я выписываю сіи строки — »все то, что приводитъ въ совершенство чувствованія красоты въ Искусствахъ и Письменахъ, отводитъ насъ въ то же самое время отъ грубыхъ излишествъ страстей, отъ неистовыхъ воспаленій гнѣва, жестокости, корыстолюбія и

прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто восхищается красотами Поэмы или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія въ пещастіи другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безпутства или въ исканіи подлой корысти. Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ услаждаются возвышенными чувствованіями дружбы, великодушія и благотворительности.« — Давно сказано было, что слогъ есть зеркало души, и относительно къ нашему Автору, это совершенно справедливо. Слогъ его можно уподобить слогу Фенелона. Та же чистота и точность выраженій, стройность мыслей; то же сердечное, убѣдительное краснорѣчіе. Образованный въ училищѣ Древнихъ, его слогъ сохранилъ на себѣ ихъ печать неизгладимую: простоту, важность и приличіе.

Я не сдѣлаю ни одного замѣчанія на погрѣшности. Пускай другіе ищутъ ошибокъ грамматическихъ, галлицизмовъ и проч.

Мы предоставимъ себѣ сладостное удовольствіе хвалить то, что достойно похвалъ и самой разборчивой Критики, которая въ Словесности нашей болѣе приноситъ пользы, указывая на красоты, нежели порицая недостатки ядовитымъ перомъ своимъ — и часто несправедливымъ.

Вамъ извѣстно, М. Г., что я многимъ обязанъ покойному Автору; но благодарность меня

не ослѣпляетъ. Я опирался на судъ людей просвѣщенныхъ, знатоковъ въ нашей Словесности, отдавая должную справедливость тому, что заслуживаетъ похвалы, и назову себя совершенно щастливымъ, если могъ быть, хотя слабымъ, но вѣрнымъ отголоскомъ ихъ мыслей и сужденій о томъ человѣкѣ, котораго память будетъ мнѣ драгоцѣнна до позднихъ дней жизни, и украситъ ихъ горестнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспоминаніемъ прошедшаго! —

Долгомъ поставляю упомянуть здѣсь о стихотворныхъ его произведеніяхъ. Многія изъ нихъ напечатаны были безъ имени Сочинителя въ разныхъ Журналахъ, и въ послѣдній разъ въ Собраніи Русскихъ Стихотвореній, изданныхъ Г. Жуковскимъ, который взялъ на себя трудъ, пересмотрѣвъ нѣсколько рукописей Автора, приготовить ихъ для печати, особенно то, что не входило въ планъ книги, изданной въ Москвѣ въ 1810 году. Конечно любители Словесности ожидаютъ съ нетерпѣніемъ третьей части сочиненій Г. Муравьева, которая будетъ состоять изъ его Стихотвореній. Желательно, М. Г., что бы вы сдѣлали нѣсколько замѣчаній на жизнь Автора: она любопытна не только для любителя Словесности, но и для каждаго друга добродѣтели. Истинному патріоту пріятно узнать нѣкоторыя об-

спояшельсшва жизни гражданина, принесшаго пользу Ошечесшву безпрерывными шрудами и перомъ своимъ: мы будемъ помнишь сыновъ Россіи, прославившихъ Ошечесшво на полѣ брани; Исшорія вписываешъ уже имена ихъ въ свои скрижали; но должны ли мы забывашь и шѣхъ сограждапъ, которые, упошребя всю жизнь свою для пользы нашей, опличились гражданскими добродѣшелями и рѣдкими шалаптами? — Древніе, чувсшвишельные ко всему прекрасному, ко всему полезному, имѣли два вѣнца: одинъ для воина, другой для гражданина. Плушархъ, описывая жизнь великихъ Полководцевъ, Царей и Законодашелей, помѣсшилъ между ими Гезіода и Пиндара. — Мы желаемъ опъ всей души, чшобъ вы исполнили надежду нашу. Замѣчанія ваши на жизнь Г. Муравьева могушъ служишь предисловіемъ къ шрешьей часши полнаго собранія его сочиненій.

Спихошворенія Г. Муравьева безъ сомнѣнія будушъ споящь на ряду съ лучшими его произведеніями въ прозѣ. Въ нихъ шо же досшоинсшво: Философія, которой исшочникъ чувсшвишельное и доброе сердце; выборъ мыслей, образованныхъ прилѣжнымъ чшеніемъ Древнихъ; сшройносшь и чисшоша слога. — Вошъ нѣсколько примѣровъ изъ Посланія къ покойному И. П. Тургеневу, досшойному пріяшелю Авшора, коппораго онъ любилъ и

уважалъ отъ самой юности. Наклонности и страсти друзей были одинаковы: добродѣтель и пламенная любовь къ Музамъ. Онѣ запечатлѣли ихъ священный союзъ, который могла разрушить единая смерть. Посмотримъ, какъ Авторъ, описывая въ своемъ Посланіи дѣятельнаго мудреца, добраго отца семейства, истиннаго патріота, любителя порядка и щастія ближнихъ, описываетъ себя и друга своего.

Любовью истины, любовью красоты
Исполненъ духъ его, украшены мечты.
Искусства! васъ къ себѣ онъ въ помощь призываетъ;
Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ;
Безъ гордости великъ, и важенъ безъ чиновъ,
На пользу общую всегда, вездѣ готовъ;
Онъ свято чтитъ родства священные союзы;
И чтобъ свободнымъ быть, пріемлетъ легки узы;
Внимательный супругъ и щастливый отецъ,
Онъ властью облеченъ по выбору сердецъ; —
Щастливъ, кто можетъ быть семейства благодѣтель!
Что нужды, домъ тому иль цѣлый міръ свидѣтель!
Таковъ Эмилій былъ, равно достоинъ хвалъ,
Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при Каннахъ палъ.

Прекрасное начертаніе добродѣтельнаго и дѣятельнаго мудреца! Прекрасный и щастливый примѣръ! — Далѣе продолжаетъ Поэтъ:

Служитъ Отечеству верховный духъ обѣтъ.
Нашъ долгъ — туда спѣшитъ, куда оно зоветъ.

Но если въ множествѣ ревнителей ко славѣ,
Мнѣ должно уступить; уже ли буду въ правѣ
Пренебреженною заслугой досаждать?
Мнѣ только что — служить; отчизнѣ — награждать.
Изъ трехъ сотъ праздныхъ мѣстъ Спартанскаго Совѣта
Народъ ни на одно не избралъ Педарета.
Хвала богамъ, сказалъ, народа не виня:
Есть присна человѣкъ достойнѣе меня.

Здѣсь каждая мысль можетъ служить правиломъ честному гражданину. И какая утѣшительная мудрость! Какое сладостное изліяніе чистой и праведной души! Скажемъ болѣе съ однимъ изъ лучшихъ нашихъ Писателей: Счастливъ тотъ, кто могъ жить, какъ писалъ, и писать, какъ жилъ!

Полезнымъ можно быть, не бывши знаменитымъ;
Срѣтаютъ щастіе и по тропинкамъ скрытымъ.
Сей старецъ, коего Виргилій воспѣвалъ,
Что близъ Тарента макъ и розы поливалъ,
И въ позднюю ночь подъ кровъ склоняяся домашній,
Столы отягощалъ некупленными брашны;
Онъ щастье въ хижинѣ конечно находилъ,
И пышныхъ богачей душей превосходилъ!

Тотъ истинно свободенъ, куда бы онъ ни былъ брошенъ фортуною, куда бы онъ ни былъ поставленъ людьми: управлять ими или повиноваться, сіять въ вѣнцѣ или скрываться себя въ

пустынѣ; тотъ истинно щастливъ, говоритъ нашъ Поэтъ въ слѣдъ за Гораціемъ:

Кто щастья въ крайностяхъ всегда съ собою сходенъ;
Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
Въ самомъ себѣ свое величіе сокрылъ.
Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усмиряетъ,
И скуку жизнія ученьемъ услаждаетъ.

Въ другомъ Посланіи, въ которомъ Авторъ болѣе предается игрѣ своего воображенія, мы находимъ блестящее изображеніе Вольтера,

Сего чудеснаго, столѣтняго шалбера,
По превосходству мудреца,
Который говорилъ прекрасными стихами,
Къ которому стихи въ уста входили сами....
Въ его привѣтствіяхъ не видѣнъ трудъ пѣвца —
Учтивость тонкаго Маркиза!
Замѣтьте, что Маркизъ не могъ воспѣть бы Гиза,
Не могъ бы начертать шестидесяти лѣтъ
Въ Китаѣ страшнаго Чингиза;
Потомъ унизить свой трагическій полетъ.
Въ Маркизѣ де Вильетъ,
И во власахъ сѣдыхъ бренчать еще на лирѣ
Младыя шалости, иль расторяшь въ сатирѣ
Свой лицемѣрный слогъ;
Иль философствовать съ величествомъ о мірѣ,
О Міроздателѣ: — Вольтеръ все это могъ!
И славну старость велъ онъ съ зависшью у ногъ
Превыше хвалъ и порицаній.

Въ Парижѣ сколько восклицаній,
Когда явился онъ къ принятію вѣнца!
Великіе умы, красавицы, вельможи,
Придворныхъ легкій рой изъ Королевской ложи,
Плескали долго въ честь безсмертнаго творца!
За ними вся толпа плескала безъ конца! —

Такой-то нравится намъ въ обществѣ творецъ,
Который изжилъ бы во свѣтѣ лѣта юны,
И сдѣлался мудрецъ
Волненьями фортуны,
Открывшими ему излучины сердецъ.

Къ нещастію, говоритъ Поэтъ, трудно быть свѣтскимъ человѣкомъ и Писателемъ. Одно вредитъ другому:

Условья общества для мыслящаго — цѣпи!
А тотъ, кто въ обществѣ свой выдержалъ искусъ,
Зѣваетъ въ обхожденьи Музъ.
Въ наукѣ нравиться учу я основанья;
Но старый ученикъ, не знаю ни аза,
И не задремлется со мной лоза,
Которой общество чинитъ увѣщеванья.
Межъ тѣмъ замедлены успѣхи дарованья,
Что льстился въ юности имѣть.
Замедлены?.. Я выражаюсь мало! —
Ихъ уничтожено въ душѣ моей начало;
Прелестна лѣнь поставила мнѣ сѣть,
Изъ коей я не выду.
Не бывъ Ринальдомъ, я нашелъ свою Армиду —
И въ лѣни сладостной забылъ искусство пѣть.

Поэтомъ трудно быть, а легче офицеромъ —
Съ Дорапомъ я успѣлъ сравниться въ томъ,
Что онъ, какъ я, былъ мушкетеромъ.

Часто въ стихахъ нашего Поэта видна сладкая задумчивость, истинный признакъ чувствительной и нѣжной души; часто, подобно Тибуллу и Горацію, сожалѣетъ онъ объ утратѣ юности, объ утратѣ пламенныхъ воспорговъ любви и безпредѣльныхъ желаній юнаго сердца, исполненнаго жизни и силы. Въ стихотвореніи подъ названіемъ *Муза*, обращаясь къ тайной подругѣ души своей, онъ дѣлаетъ ей нѣжные упреки:

Ты утро дней моихъ прилѣжно посѣщала:
Почто жь печальная распространилась мгла,
И ясный полдень мой покрыла черной тѣнью?
Иль лавровъ по слѣдамъ твоимъ не соберу,
И въ пѣсняхъ не прейду къ другому поколѣнью,
Или я весь умру?

Нѣтъ, мы надѣемся, что сердце человѣческое безсмертно. Всѣ пламенные отпечатки его, въ щастливыхъ стихахъ Поэта, побѣждаютъ и самое время. Музы сохранятъ въ своей памяти пѣсни своего любимца, и имя его перейдетъ къ другому поколѣнію съ именами, съ священными

именами мужей добродѣтельныхъ. Музы, взирая на преждевременную его могилу, восклицаютъ съ Поэтомъ Мантуи...

Manibus date lilia plenis :
Purpureos spargam flores! —

С. Петербургъ, 1814 года.

VIII.

ПРОГУЛКА ВЪ АКАДЕМІЮ ХУДОЖЕСТВЪ.

Письмо стараго Московскаго жителя къ пріятелю, въ деревню его Н.

Ты требуешь отъ меня, мой старый другъ, продолженія моихъ прогулокъ по Петербургу. Повинуюсь тебѣ.

На этотъ разъ я буду говорить объ Академіи Художествъ, которая, послѣ двадцати-лѣтняго нашего отсутствія изъ Петербурга, столько перемѣнилась... »Говори, говори объ Академіи Художествъ!« такъ воскликнешь ты, начиная чтеніе моего болтливаго письма:« Мы издавна любили Живопись и Скульптуру, и въ твоемъ маленькомъ домикѣ на Прѣснѣ (котораго теперь и слѣдовъ не осталось!) мы часто заводили жаркіе споры о головѣ Аполлона Бельведерскаго, о мизинцѣ Гебы славнаго Кановы, о конѣ Петра Великаго, о кистяхъ Рафаеля, Кореджіо, даже са-

маго Сальватора Розы, Мурилло, Койпеля и пр. Такъ — я во многомъ съ тобой соглашался, а ты ни въ чемъ со мною, а еще менѣе съ добрымъ живописцемъ Ализовымъ, съ товарищемъ славнаго Лосенкова, который часто смѣшилъ и сердилъ насъ своимъ упрямствомъ и добродушіемъ. Мы спорили; время летѣло въ пріятныхъ разговорахъ. Щастливое, невозвратное время! Пожаръ Москвы поглотилъ и домикъ твой со всѣми дурными картинами и эстампами, которые ты покупалъ за безцѣнокъ у торгашей на аукціонахъ, а въ Нѣмецкой слободѣ у отставныхъ спряпчихъ; онъ поглотилъ маленькую Венеру, въ которой ты находилъ нѣчто божественное, и бюстъ Вольперовъ съ отбитымъ носомъ, и маленькаго Амура съ факеломъ, и бронзоваго Фавна, котораго Ализовъ открылъ... будто бы на развалинахъ какой-то бани близъ Неаполя, и которымъ онъ приводилъ въ восхищеніе и тебя и меня и всѣхъ знатоковъ нашего кварпала. Пожаръ, немилосердый пожаръ поглотилъ даже акаціеву бесѣдку, съ красивыми скамейками, съ дубовымъ столомъ, на которомъ мы, разливая чай, любовались прелестными видами: Москвой рѣкою, которая извивается по лугу вокругъ стѣнъ и высокихъ башенъ Дѣвичьяго Монастыря, Васильевскимъ, Воробьевыми горами съ тѣнистыми рощами — и закатомъ ве-

черняго солнца. Пожаръ поглотилъ наше убѣжище. Но въ памяти моей осталось воспоминаніе твоей любви къ Изящнымъ Художествамъ, и охоты спорить, которая конечно укрѣпилась отъ времени, а болѣе всего отъ политическихъ обстоятельствъ. — И такъ, говори объ Академіи Художествъ, о произведеніяхъ нашихъ артистовъ: я буду слушать съ удовольствіемъ. Всякая новость изъ столицы пріятна пустыннику, который и на старости лѣтъ еще пламенно любитъ Отечество, успѣхи и славу сограждан.« Вотъ, что ты скажешь, развернувъ мое письмо. — Я начну мой разсказъ сначала, какъ начинаетъ обыкновенно болтливая старость. Слушай.

Вчерашній день по утру, сидя у окна моего съ Винкельманомъ въ рукѣ, я предался сладостному мечтанію, въ которомъ тебѣ не могу дать совершенно отчета; книга и читанное мною было совершенно забыто. Помню только, что взглянувъ на Неву, покрытую судами, взглянувъ на великолѣпную набережную, на которую благодаря привычкѣ, жители Петербургскіе смотрятъ холоднымъ окомъ, — любуясь безчисленнымъ народомъ, который волновался подъ моими окнами, симъ чудеснымъ смѣшеніемъ всѣхъ націй, въ которомъ я отличалъ Англичанъ и Азіатцовъ, Французовъ и Калмыковъ, Русскихъ и Финновъ, я сдѣ-

лалъ себѣ слѣдующій вопросъ: что было на этомъ мѣстѣ до построенія Петербурга? Можетъ быть сосновая роща, сырой, дремучій боръ или топкое болото, поросшее мхомъ и брусникою: — ближе къ берегу — лачуга рыбака, кругомъ которой развѣшены были мрежи, невода, и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда, можетъ быть, съ прудомъ пробирался охотникъ, какой нибудь длинноласый Финнъ....

За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.

Здѣсь все было безмолвно. Рѣдко человѣческій голосъ пробуждалъ молчаніе пустыни дикой, мрачной; а нынѣ?... Я взглянулъ невольно на Троицкій мостъ, потомъ на хижину Великаго Монарха, къ которой по справедливости можно примѣнить извѣстный стихъ:

Souvent un faible gland recéle un chêne immense!

И воображеніе мое представило мнѣ Петра, который въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные! — Изъ крѣпости Нюсканцъ еще гремѣли Шведскія пушки; устье Невы еще было покрыто непріятелемъ, и частые ружейные выстрѣлы раздавались по бо-

лотнымъ берегамъ, когда великая мысль родилась въ умѣ великаго человѣка. Здѣсь будетъ городъ, сказалъ онъ, чудо свѣта. Сюда призову всѣ Художества, всѣ Искусства. Здѣсь Художества, Искусства, гражданскія установленія и законы побѣдятъ самую Природу. Сказалъ — и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота.

Съ какимъ удовольствіемъ я воображалъ себѣ Монарха, обозрѣвающаго начальныя работы: здѣсь валъ крѣпости, тамъ магазины, фабрики, Адмиралтейство. Въ ожиданіи обѣдни въ праздничный день, или въ день торжества побѣды, Государь часто сиживалъ на новомъ валѣ съ планомъ города въ рукахъ, пропивъ крѣпостныхъ воротъ, украшенныхъ изваяніемъ Апостола Петра, изъ грубаго дерева. Именемъ Святаго долженъ былъ назваться городъ, и на жестяной доскѣ, прибитой подъ его изваяніемъ, изображался славный въ лѣтописяхъ міра 1703 годъ Римскими цифрами. На ближнемъ бастіонѣ развѣвался желтый флагъ съ большимъ чернымъ орломъ, который заключалъ въ когтяхъ своихъ четыре моря, подвластныя Россіи. Здѣсь толпились вокругъ Монарха иностранные корабельщики, матрозы, Художники, Ученые, Полководцы, Воины; межь ними, простый рожденіемъ, великій умомъ, любимецъ Царскій Меншиковъ, великодушный Долго-

рукій, храбрый и дѣятельный Шереметьевъ и вся фаланга Героевъ, которые создали съ Петромъ величіе Русскаго Царства....

Такимъ образомъ, погруженный въ мое мечтаніе, я не примѣтилъ, что двери комнаты отворились и сынъ моего стараго пріятеля Н., молодой, весьма искусной Художникъ, привѣтствовалъ меня съ добрымъ утромъ. Я пришелъ нарочно за вами, сказалъ онъ: сегодня Академія Художествъ открыта для любопытныхъ, и я готовъ быть вашимъ путеводителемъ, вашимъ Чичероне, если угодно! — Вы увидите много хорошаго, полюбуетесь нѣкоторыми произведеніями Русскаго рѣзца и кисти; о другихъ теперь ни слова. Посмотрите, продолжалъ онъ, открывая окно: какое прекрасное время! Весь городъ гуляетъ, и мы съ толпой гуляющихъ непримѣтнымъ образомъ пройдемъ въ Академію. Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я молодому человѣку: около двадцати лѣтъ я не видалъ Академіи, и какъ здѣсь все идетъ исполинскими шагами къ совершенству, то надѣюсь, что и Художества приведутъ меня въ пріятное изумленіе. Вотъ мой посохъ, моя шляпа — пойдемъ!

И въ самомъ дѣлѣ время было прекрасное. Ни малѣйшій вѣтерокъ не струилъ поверхности

величественной, первой рѣки въ мірѣ, и я привѣтствовалъ мысленно богиню Невы словами Поэта:

Обтекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно,
И твердыты острова.

Великолѣпныя зданія, позлащенныя утреннимъ солнцемъ, ярко отражались въ чистомъ зеркалѣ Невы, и мы оба единогласно воскликнули: какой городъ! какая рѣка! —

Единственный городъ! повторилъ молодой человѣкъ. Сколько предметовъ для кисти Художника! умѣй только выбирать. И какъ жаль, что мои товарищи мало пользуются собственнымъ богатствомъ; Живописцы перспективы охотнѣе пишутъ виды изъ Италіи и другихъ земель, нежели сіи очаровательные предметы. Я часто съ горестію смотрѣлъ, какъ въ прескучіе морозы они трудятся надъ пламеннымъ небомъ Неаполя, тираняпъ свое воображеніе—и часто взоры наши. Пейзажъ долженъ быть портретъ. Если онъ несовершенно похожъ на Природу, то что въ немъ?—

Надобно разстаться съ Петербургомъ—продолжалъ онъ — надобно разстаться на нѣкоторое время, надобно видѣть древнія столицы:

вешхій Парижъ, закопченный Лондонъ, чтобъ почувствовать цѣну Петербурга. Смотрите — какое единство! какъ всѣ части отвѣчаютъ цѣлому! какая красота зданій, какой вкусъ, и въ цѣломъ какое разнообразіе, происходящее отъ смѣшенія воды со зданіями. Взгляните на рѣшетку лѣтняго сада, которая отражается зеленью высокихъ липъ, вязовъ и дубовъ! Какая легкость и стройность въ ея рисункѣ! Я видѣлъ славную рѣшетку Тюльерійскаго замка, отягченную, раздавленную, такъ сказать, украшеніями — пиками, касками, трофеями. Она безобразна въ сравненіи съ этой.

Энтузіасмъ, съ которымъ говорилъ молодой Художникъ, мнѣ весьма понравился. Я пожалъ у него руку и сказалъ ему: изъ тебя будетъ Художникъ! Не знаю, понялъ ли онъ мои пророческія слова, но посмотрѣвъ на меня съ улыбкою удовольствія, продолжалъ: взгляните теперь на набережную, на сіи огромные дворцы — одинъ другаго величественнѣе! на сіи домы — одинъ другаго красивѣе! Посмотрите на Васильевскій островъ, образующій треугольникъ, украшенный биржею, ростральными колоннами и гранитною набережною, съ прекрасными спусками и лѣстницами къ водѣ. Какъ величественна и красива эта часть города! Вотъ произведеніе, достойное То-

мона, сего неутомимаго иностранца, который посвятилъ намъ свои дарованія, и сколько способствовалъ къ украшенію сѣверной Пальмиры! Теперь отъ биржи, съ какимъ удовольствіемъ взоръ мой слѣдуетъ вдоль береговъ, и теряется въ туманномъ отдаленіи между двухъ набережныхъ, единственныхъ въ мірѣ! — Такъ, мой другъ, воскликнулъ я, сколько чудесъ мы видимъ передъ собою, и чудесъ созданныхъ въ столь коротkое время, въ столѣтіе — въ одно столѣтіе! Хвала и честь Великому Основателю сего города! Хвала и честь Его Преемникамъ, которые довершили едва начатое Имъ, среди войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ раздоровъ. Хвала и честь Александру, который болѣе всѣхъ, въ теченіе своего царствованія, украсилъ столицу Сѣвера! И въ какія времена? Когда бремя и участь цѣлой Европы лежали на Его сердцѣ, когда врагъ поглощалъ землю Русскую, когда мечь и пламень безумца пожиралъ то, что созидали вѣки!...

Разговаривая такимъ образомъ, мы подходили къ Адмиралтейству. Помню, скажешь ты, помню эту безобразную длинную фабрику, окруженную подъемными мостами, рвами глубокими, но нечистыми, заваленными досками и бревнами. Остановись, почтенный мой пріятель! кто не былъ двадцать лѣтъ въ Петербургѣ, тотъ его конеч-

но не узнаешь; тотъ увидитъ новый городъ, новыхъ людей, новые обычаи, новые нравы. Вотъ, что я повторяю тебѣ ежедневно въ моихъ запискахъ. Адмиралтейство, переспроенное Захаровымъ, превратилось въ прекрасное зданіе, и составляетъ теперь украшеніе города. Прихотливые знатоки недовольны старымъ шпицомъ, который не соотвѣтствуетъ, по словамъ ихъ, новой колоннадѣ, — но за то колоннада и новые павильоны или отдѣльные флигели прелестны. Вокругъ сего зданія расположенъ сей прекрасный бульваръ, обсаженный липами, которыя всѣ принялись и защищаютъ отъ солнечныхъ лучей. Прелестное, единственное гульбище, съ котораго можно видѣть все, что Петербургъ имѣетъ величественнаго и прекраснаго: Неву, Зимній Дворецъ, великолѣпные домы дворцовой площади, образующей полукружіе, Невскій проспектъ, Исакіевскую площадь, Конногвардейскій манежъ, который напоминаетъ Парѳенонъ, прелестное строеніе Г. Гваренги, Сенатъ, монументъ Петра I, и снова Неву съ ея набережными! —

Я хотѣлъ отдохнуть, и мы сѣли на одну изъ лавокъ бульвара. Площадь была покрыта каретами, бульваръ гуляющими. Между тѣмъ, какъ я разсматривалъ знакомыя и незнакомыя лица, нѣкто, человѣкъ пожилой и хворой, присѣлъ на

лавку возлѣ меня. — Черты его мнѣ были знакомы, но время изгладило изъ моей памяти его имя. Знакомый *незнакомецъ* глядѣлъ на меня пристально, минуту, двѣ, три... и наконецъ — я узналъ въ немъ Спарожилова. Какъ ты перемѣнился! воскликнули мы оба, глядя пристально другъ на друга. — »Какъ все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я тебя видѣлъ здѣсь!« прибавилъ Спарожиловъ съ тяжелымъ вздохомъ, отъ котораго морщины на его лбу сдѣлались еще глубже. Я не стану тебѣ говорить о вопросахъ, которые мы дѣлали въ запуски другъ другу: можешь ихъ легко угадать; скажу только, что нашъ старый знакомый, узнавъ намѣреніе наше посѣтить Академію, взглянулъ на часы, и сказалъ мнѣ: »Теперь еще рано; къ тремъ часамъ я могу поспѣть въ клубъ, гдѣ я долженъ пробовать новое вино и сказать мое мнѣніе на щетъ важнаго постановленія въ клубѣ, о которомъ я размышлялъ цѣлое утро.« — Важность, съ которою онъ говорилъ, заставила насъ улыбнуться. Къ щастію Спарожиловъ того не примѣтилъ и продолжалъ: »Прогулка мнѣ будетъ полезна, ибо сегодня солнце грѣетъ, какъ лѣтомъ. Я побреду съ вами въ Академію — вовсе не изъ любопытства; тамъ ничего хорошаго нѣтъ. Я давно недоволенъ нашими Художниками во всѣхъ родахъ — но мнѣ нужно

разсѣяніе, единственно разсѣяніе!« прибавилъ онъ, кашляя безпрестанно. —

Между тѣмъ, какъ мы идемъ медленными шагами въ Академію, соображаясь съ походкою подагрика, я скажу тебѣ мимоходомъ, что Спарожиловъ, котораго мы знали въ молодости нашей столь блестящаго, столь веселаго, столь разсѣяннаго, нынѣ сдѣлался брюзгою, недовольнымъ, однимъ словомъ совершеннымъ образцомъ спараго холостаго человѣка. Ты помнишь, что въ молодости онъ имѣлъ живой умъ, нѣкоторыя познанія, и большой навыкъ въ свѣтѣ. Нынѣ цвѣтъ ума его завялъ, прежняя живость исчезла, познанія, неусовершенныя безпрестанными трудами, изгладились или превратились въ закоренѣлые предразсудки, и все остроуміе его погибло, какъ блестящій фейерверкъ. Конечно разсудокъ забылъ шепнуть ему: старайся быть полезенъ обществу! Недѣятельная жизнь, говоритъ мудрецъ Херонейскій, разслабляетъ тѣло и душу. Стоячая вода гніетъ; способности человѣка въ бездѣйствіи увядаютъ, и за молодостію невидимо крадется время:

Прійдутъ, прійдутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ Граціи трепать![1]

[1] Въ Ирх. Державина: »къ первому сосѣду«. См. кн. Урок. I, 106 и IV, 772.

Тогда общество справедливою холодностію отмстишь тебѣ за то, что ты былъ его безплоднымъ членомъ. Старожиловъ, проживший вертопрахомъ до нѣкотораго времени, проснулся въ сорокъ лѣтъ старикомъ, съ подагрою, съ полуразстроеннымъ имѣніемъ, безъ друга, безъ привязанностей сердечныхъ, которыя составляютъ и мученіе и сладость жизни; онъ проснулся съ душевною пустотою, которая превратилась въ эгоизмъ и мѣлочное самолюбіе. Ему все наскучило, онъ всѣмъ недоволенъ: въ его время и лучше веселились и лучше говорили и лучше писали. Трагедіи Княжнина, по его мнѣнію, лучше трагедій Озерова; Басни Сумарокова предпочитаетъ онъ Баснямъ Крылова, игру Сахаровой игрѣ Семеновой, и такъ далѣе. Какъ скучна нынѣшняя жизнь! говоритъ онъ; и этому повѣрить можно. За чѣмъ, спрашиваю я, за чѣмъ постоянно десять лѣтъ является онъ въ клубѣ? Чтобы слушать, изобрѣтать или распускать городскія вѣсти или газетныя тайны, чтобы бранить нещадно все новое и прославлять любезную старину, отобѣдать и заснуть за чашкою кофе при стукѣ шаровъ и при единообразномъ щетѣ маркера, который нащитавъ 48, ненавистнымъ числомъ напоминаетъ ему его лѣта. Сонный садится онъ въ карету и едва просыпается въ театрѣ при первомъ ударѣ смычка.

Разговаривая съ нимъ о спарине, которую я выхвалялъ изъ снисхожденія, мы приближались къ Академіи.

Я долго любовался симъ зданіемъ, достойнымъ Екатерины, покровительницы Наукъ и Художествъ. Здѣсь на каждомъ шагу просвѣщенный патріотъ долженъ благословлять память Монархини, которая не столько завоеваніями, сколько полезными заведеніями заслуживаетъ отъ признательнаго потомства имя Великой и Мудрой. Сколько полезныхъ людей пріобрѣло общество чрезъ Академію Художествъ! Рѣдкое заведеніе у насъ въ Россіи принесло столько пользы. Но чему приписать это? Постоянному и мудрому плану, которому слѣдуетъ съ давняго времени начальство, и достойному выбору вельможъ дѣятельныхъ и просвѣщенныхъ на мѣсто Президентское. Я старъ уже; но при мысли о полезномъ дѣлѣ или учрежденіи для общества, чувствую, что сердце мое бьется живѣе, какъ у юноши, который не утратилъ еще прелестной способности чувствовать красоту истинно полезнаго, и предается первому движенію благородной души своей. Вступая на лѣстницу, я гостовъ былъ хвалить съ жаромъ Монархиню и нѣкоторыхъ вельможъ, покровителей отечественныхъ Музъ; но докучный Спарожиловъ воскликнулъ, съ трудомъ

переводя духъ и отдыхая на первыхъ ступеняхъ: »Боже мой! какая крутая лѣстница! — и какъ она узка, и какъ безобразна! — И къ чему эта Венера съ Амазонками? Я никогда не былъ охотникъ до гипсовъ; лучше ничего или все — вотъ мое правило. Здѣсь надлежало бы поставить что нибудь свое, произведеніе нашихъ Художниковъ и пр. и проч.« — Толпа у дверей не позволила ему окончить своего критическаго замѣчанія, и мы остановились, весьма кстати, у двухъ превеликихъ Сатировъ, называемыхъ Теламонами или Атлантами (мужескія Каріатиды). »Вотъ украшеніе довольно странное, замѣтилъ молодой Художникъ — и которое новѣйшіе Художники употребляли часто некстати, а болѣе всего въ Парижѣ. Женскія Каріатиды еще безобразнѣе мужескихъ. Можно ли видѣть безъ отвращенія прекрасную женщину, страдающую подъ тягостнымъ бременемъ, и съ необыкновеннымъ усиліемъ во всѣхъ членахъ и мускулахъ поддерживающую цѣлое зданіе или огромную часть онаго? Одно жестокое сердце можетъ любить такого рода изображенія, и за тѣмъ-то, можетъ быть, Французскіе архитекты, тайно угождая вкусу Наполеона, ставили Каріатиды вездѣ, гдѣ только можно было. Въ нѣкоторыхъ его замкахъ, каждую дверь поддерживаютъ двѣ страдалицы. Въ самомъ Музеумѣ

ихъ множество. Здѣсь же сіи Каріатиды приличны; ибо могутъ служить образцами любопытнымъ молодымъ Художникамъ.«

Мы вошли въ ротонду, установленную гипсовыми слѣпками съ антиковъ. »Вотъ Консулъ Бальбусъ, сказалъ мнѣ нашъ спутникъ, указывая на большаго всадника. Подлинникъ статуи найденъ въ Геркуланумѣ.« — »Но эта лошадь вовсе не красива.« ... замѣтилъ Старожиловъ молодому Артисту, качая головою.

»Вы правы«— отвѣчалъ онъ — »конь не весьма статенъ, коротокъ, высокъ на ногахъ, шея толстая, голова съ выпуклыми щеками, поворотъ ушей непріятный. То же самое замѣтите въ другой залѣ у славнаго коня Марка Аврелія. — Художники новѣйшіе съ большимъ искусствомъ изображаютъ коней. У насъ передъ глазами Фальконетово произведеніе, сей чудесный конь, живый, пламенный, статный и столь смѣло поставленный, что одинъ иностранецъ, пораженный смѣлостію мысли, сказалъ мнѣ, указывая на коня Фальконетова: онъ скачетъ, какъ Россія! — Но я не смѣю мыслить вслухъ о конѣ Бальбуса, боясь, чтобы меня не подслушали нѣкоторые упрямые любители Древности. Вы себѣ представить не можете, что теряетъ въ ихъ мнѣніи молодой Художникъ, свободно мыслящій о нѣко-

торыхъ условныхъ красотахъ въ Изящныхъ Художествахъ.... Пойдемте далѣе.«

Мы вошли въ другую залу, гдѣ находятся слѣпки съ неподражаемыхъ произведеній рѣзца у Грековъ и Римлянъ. Прекрасное наслѣдіе Древности, драгоцѣнные останки, которые яснѣе всѣхъ Историковъ свидѣтельствуютъ о просвѣщеніи Древнихъ; въ нихъ-то искусство есть, такъ сказать, отголосокъ глубокихъ познаній Природы, страстей и человѣческаго сердца. Какое истинное богатство, какое разнообразіе! Здѣсь вы видите Геркулеса Фарнезскаго, образецъ силы душевной и тѣлесной. Вотъ умирающій боецъ или варваръ; вотъ комическій Поэтъ и безподобный Фаунъ. Здѣсь прекрасныя группы: Лаокоонъ съ дѣтьми — драматическое твореніе рѣзца неизвѣстнаго! — Вотъ Арія и Петусъ, и семейство нещастной Ніобы. Здѣсь вы видите Венеру, образецъ всего красивѣйшаго, однимъ словомъ: Венеру Медицисъ. Вотъ цѣлый рядъ колосальныхъ бюстовъ Юпитера Олимпійскаго,

Кто маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ,

Юноны, Менелая, Аякса, Кесаря и проч. И наконецъ, я спрашиваю себя, отъ чего сердце мое забилось сильнѣе?

Наполнилъ грудь восторгъ священный,
Благоговѣйный обнялъ страхъ,
Пріятный ужасъ попаенный
Течетъ во всѣхъ моихъ костяхъ;
Въ весельи сердце утопаетъ,
Какъ будто бога ощущаетъ,
Присутствующаго со мной!...
Я вижу, вижу Аполлона
Въ тотъ мигъ, какъ онъ сразилъ Пиѳона
Божественной своей стрѣлой!
Зубчата молнія сверкаетъ,
Звенитъ въ рукѣ спущенный лукъ,
Ужасная змія зіяетъ
И вмигъ свой испускаетъ духъ.

Вотъ сей божественный Аполлонъ, прекрасный богъ Стихотворцевъ! Взирая на сіе чудесное произведеніе искусства, я вспоминаю слова Винкельмана. »Я забываю вселенную« — говоритъ онъ—»взирая на Аполлона; я самъ принимаю благороднѣйшую осанку, чтобы достойнѣе созерцать его.« — Имѣя сполъ прекраснаго бога покровителемъ, мудрено ли, спрашиваю васъ, мудрено ли, что одинъ изъ нашихъ Поэтовъ воскликнулъ однажды въ припадкѣ пиитической гордости:

Я съ возвышенною вездѣ хожу главой! —

»Вотъ наши сокровища«—сказалъ Художникъ Н., указывая на Аполлона и другіе антики—»вотъ

источникъ нашихъ дарованій, нашихъ познаній, истинное богатство нашей Академіи; богатство, на которомъ основаны всѣ успѣхи бывшихъ, нынѣшнихъ и будущихъ воспитанниковъ. Оцените у насъ это драгоцѣнное собраніе, и скажите, какіе бы мы сдѣлали успѣхи въ Живописи и въ Ваяніи? — Надобно желать, чтобъ оно еще было удвоено, упроено. Здѣсь многаго недостаетъ; но то, что есть, прекрасно: ибо слѣпки вѣрны и могутъ удовлетворить самаго строгаго наблюдателя Древности.«

Пройдя двѣ небольшія залы, мы увидѣли толпу зрителей передъ большою картиною. Вотъ новая картина Г. Егорова! Одно имя сего почтеннаго Академика возбуждаетъ твое любопытство.... И такъ, я перескажу опять слова до слова сужденіе о его новой картинѣ, то есть, то, что я слушалъ въ глубокомъ молчаніи. —

»Подойдемте поближе, сказалъ Старожиловъ, надѣвая съ комическою важностію очки свои. Я немного наслышался объ этомъ Художникѣ.« —

Художникъ изобразилъ истязаніе Христа въ темницѣ. — Четыре фигуры выше человѣческаго роста. Главная изъ нихъ Спаситель, передъ каменнымъ столпомъ, съ связанными назадъ руками, и при мучителя, изъ которыхъ одинъ прикрѣпляетъ веревку къ столпу, другой снимаетъ ризы,

покрывающія Искупителя, и въ одной рукѣ держитъ пукъ розогъ, третій воинъ .... кажется, дѣлаетъ упреки Божественному Страдальцу; но рѣшительно опредѣлить намѣреніе Артиста весьма трудно, хотя онъ и старался дать сильное выраженіе лицу воина, — можетъ быть, для противуположности съ фигурою Христа.

»Посмотрите« — сказалъ намъ молодой Художникъ — »какъ туловище Христа нарисовано правильно, просто и благородно. Кажется, что глубокій вздохъ готовъ вырваться изъ подъятой груди его.« — »Но лице не соотвѣтствуетъ красотѣ всего тѣла« — возразилъ Старожиловъ — »признайтесь сами, что глаза его слишкомъ велики; въ нихъ нѣтъ ничего божественнаго.« — »Я съ вами не совсѣмъ согласенъ: положеніе головы прекрасно, и въ лицѣ вы видите сильное выраженіе страданія, горести и покорности волѣ Отца Небеснаго.« — »Къ сожалѣнію, эта фигура напоминаетъ изображеніе Христа и другихъ Живописцевъ, и я напрасно ищу во всей картинѣ оригинальности, чего-то новаго, необыкновеннаго, однимъ словомъ своей мысли, а не чужой.« — »Вы правы, хотя несовершенно: этотъ предметъ былъ написанъ нѣсколько разъ. Но какая въ томъ нужда? Рубенсъ и Пуссенъ каждый писали его по своему, и если картина Егорова уступаетъ Пус-

сеневой, то конечно выше карпины Рубенсовой...« — Какъ, что нужды? Пуссень и Рубенсъ писали испязаніе Христово: шѣмъ я строже буду судить Художника, шѣмъ я буду прихотливѣе. Еслибъ какой нибудь, впрочемъ и весьма искусный Живописецъ, вздумалъ написать карпину Преображенія, я сказалъ бы ему: конечно вы не видали карпины Рафаелевой? Еслибъ Поэтъ вздумалъ написать намъ Ифигенію въ Авлидѣ, я сказалъ бы ему: ее написалъ Расинъ прежде шебя; и такъ далѣе.« — »Но признайтесь, по крайней мѣрѣ, что мучитель, прикрѣпляющій веревку, которою связаны руки Христа, написанъ прекрасно, правильно и можетъ назваться образцемъ рисунка. Онъ ясно доказываетъ, сколько Г. Егоровъ силенъ въ рисункѣ, сколько ему извѣстна анатомія человѣческаго шѣла. Вотъ оригинальность нашего Живописца!« — »Это все справедливо; но къ чему усиліе сего человѣка? Чтобы запянуть узелъ? Я вижу, что Живописецъ хотѣлъ написать Академическую фигуру, и написалъ ее прекрасно; но я не однѣхъ побѣжденныхъ трудностей ищу въ карпинѣ. Я ищу въ ней болѣе: я ищу въ ней пищи для ума, для сердца; желаю, чтобъ она сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе; чтобъ она оставила въ сердцѣ моемъ продолжительное воспоминаніе, подобно прекрасному драматическому

предсшавленію, если изображаешъ предмешъ важный, прогашельный. Къ шому же согласишесь, чшо другой мучишель посшавленъ дурно. А воинъ?... онъ вовсе лишній, онъ ни на кого не глядишъ... хошя глаза его опверсшы необыкновеннымъ образомъ. Къ чему, спрашиваю васъ, на Римскомъ воинѣ шлемъ съ змѣемъ, и почему въ шемницѣ Хрисшовой лежишъ желѣзная рукавица? Ихъ начали упошреблящь десящь вѣковъ, или болѣе — послѣ Рождесшва Хрисшова; не значишъ ли эшо.....«

»Конечно шакъ!« сказалъ Спарожилову какой-шо незнакомецъ, кошорый долго вслушивался въ разговоръ (мы приняли его за Художника)—»конечно шакъ! — Если Художники наши будушъ болѣе чишашь и разсмашривашь прилѣжнѣе книги, въ кошорыхъ предсшавлены обряды, одежды и вооруженіе древнихъ, шо подобныхъ анахронизмовъ дѣлашь не будушъ.« — »Но признайшесь, Государь мой, признайшесь, опложа всякое присшрасшіе, чшо эша каршина обѣщаешъ дальнѣйшіе успѣхи. Если обсшояшельсшва, кошорыя часшо не благопріяшсшвовали нашимъ Аршисшамъ, если обсшояшельсшва позволяшъ ея Живописцу занимашься посшоянно сочиненіемъ большихъ каршинъ: шо можно ожидашь, чшо онъ, ушвердясь въ выборѣ, въ упошребленіи и согласованіи красокъ и познакомясь со многими механическими пріе-

мами (тайны, которыя долженъ угадывать Художникъ въ живописномъ дѣлѣ), при твердой, правильной и красивой его рисовкѣ, при изобрѣтательномъ и благоразумномъ дарованіи, со временемъ не уступитъ лучшимъ Живописцамъ Италіянской, Французской и Испанской школы.«

Будучи отъ природы снисходительнѣе, и любя наслаждаться всѣмъ прекраснымъ, я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на картину Г. Егорова и сказалъ мысленно: »Вотъ Художникъ, который приноситъ честь Академіи, и которымъ мы Русскіе, можемъ справедливо гордиться.« —

Въ слѣдующихъ комнатахъ продолжались выставки и по большей части молодыхъ воспитанниковъ Академіи. — Я смотрѣлъ съ любопытствомъ на ландшафтъ, изображающій видъ окрестностей Шафгаузена, и хижину, въ которой Государь Императоръ съ Великою Княгинею Екатериною Павловною угощены новымъ Филемономъ и Бавкидою. Вдали видно паденіе Рейна, не весьма удачно написанное.

Въ той же самой комнатѣ проэктъ на Соборную церковь и два проэкта для монумента изъ отнятыхъ у непріятеля пушекъ: оба не соотвѣтствуютъ прекрасной и высокой мысли. — Вотъ празднованіе Пасхи въ Парижѣ, Александромъ и его побѣдоносными войсками. Какой пред-

мешъ для патріота! Съ какимъ чистѣйшимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на эту картину! Толпы народа и войска представлены ясно; — но я замѣтилъ, что цвѣтъ неба и облаковъ холоденъ и тяжелъ.

Множество зрителей всякаго званія толпились передъ большою картиною, изображающею Христа съ учениками и блудницею. Одни хвалили съ жаромъ, другіе осуждали. De gustibus non est disputandum! »Видно, что Живописецъ« — сказалъ намъ молодой нашъ путеводитель — »Живописецъ, скупый на искусство и вкусъ, не пощадилъ полотна, розовой и голубой краски.« — »И времени« — прибавилъ Спарожиловъ — »Вы видите здѣсь и другую картину — Венеру розовую, на голубомъ полѣ, съ голубками и съ Купидономъ! неудачное подражаніе Тиціану, или Китайскимъ картинамъ безъ тѣней; Венеру, которая не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ Венерою Омера, Овидія или Лукреція, но живымъ образомъ напоминаетъ намъ какую нибудь богиню изъ шутошной поэмы Майкова или изъ Энеиды, вывороченной на изнанку. Вы видите тамъ, на другой стѣнѣ, тріумфъ Государя, наподобіе Рубенса. — Теперь взгляните на этого больнаго старика съ факеломъ, подражаніе Жирару дела Ноште, и признайтесь, что эти Живописцы въ своемъ подра-

жаніи оригинальны. Они-то могутъ назваться со временемъ основателями новой Итальянской школы, la Scuola Petroborghese, и затмить своею чудесною кистію славу своихъ соотечественниковъ — славу Рафаеля, Кореджіо, Тиціана, Альбана и пр.

Пускай глаза наши, ослѣпленные яркими красками сихъ живописей, на которыхъ Ньютонъ могъ бы открыть всѣ преломленія луча солнечнаго, пускай глаза наши отдохнутъ на произведеніи Г. Есакова. Вотъ его рѣзные камни: одинъ изображаетъ Геркулеса, бросающаго Іоласа въ море, другой Кіевлянина переплывавшаго Днѣпръ. Большая твердость въ рисункѣ! — Пожелаемъ искусному Художнику (*) болѣе навыка, безъ котораго нѣтъ легкости и свободы въ отдѣлкѣ мѣлкихъ частей. Смѣлости у него довольно; а знаній?... »Вѣкъ живи, вѣкъ учись« — сказалъ Старожиловъ. — »Согласитесь однакоже« — шепнулъ онъ молодому Художнику — »согласитесь, что кромѣ картины Егорова, мы ничего еще не видали совершеннаго или — близкаго къ совершенству.«

»Можетъ быть!« — отвѣчалъ онъ — »но прошу васъ взглянуть на рисунокъ Ушкина. Этотъ превосходный рисунокъ, какъ вы видите, изобра-

(*) Пожалѣемъ объ этомъ искусномъ Художникѣ: рашля смерть похитила съ нимъ хорошія надежды. *Изд.*

жаетъ Святую фамилію съ Гвидо Рени; другой рисунокъ — портретъ Князя Александра Борисовича Куракина, и съ него гравированный портретъ сего вельможи.« »Вотъ истинное искусство!« сказалъ Спарожиловъ, измѣняя своему прекрасному правилу: Nil admirari. — Г. Уткинъ, извѣстный и уважаемый въ Парижѣ, можетъ стать на ряду съ лучшими граверами въ Европѣ. Конечно и въ Отечествѣ своемъ найдетъ онъ людей просвѣщенныхъ, достойныхъ цѣнителей его рѣдкаго таланта!

Но съ какимъ удовольствіемъ смотрѣли мы на портреты Г. Кипренскаго, любимаго Живописца нашей Публики! Правильная и необыкновенная пріятность въ его рисункѣ, свѣжесть, согласіе и живость красокъ — все доказываетъ его дарованіе, умъ и вкусъ нѣжный, образованный (*).

(*) Въ собраніи портретовъ Г. Кипренскаго, по важности предмета и по отдѣлкѣ, занимаютъ первое мѣсто два портрета Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича. — Голова старика съ сѣдою бородою, или образецъ для Апостольской головы; — имъ же гравированный портретъ и весьма схожій славнаго Актера Дмитревскаго, и рисованный чернымъ карандашемъ — Фигнера, славнаго Соглядатая нашей арміи, о которомъ можно сказать, что Тассъ говорилъ о Вафринѣ...

Старожиловъ, къ удивленію нашему, плѣнился масперскою его кистью, и опрывъ въ своей памяти два Итальянскіе стиха, сказалъ ихъ съ необыкновенною живостію....

Manca il parlar, di vivo altro non chiedi.
Me manca questo ancor, s'agli occhi credi.

»Видите ли«— продолжалъ онъ — »видите ли, какъ образуются наши Живописцы? Скажите, чтобъ былъ Г. Кипренскій, еслибъ онъ не ѣздилъ въ Парижъ, если бы....«—»Онъ не былъ еще въ Парижѣ, ни въ Римѣ, отвѣчалъ ему Художникъ.«—

...per dritto sentier tra regie porte
Trapassa; e or dimanda, e or risponde.
A dimande, e risposte astute, e pronte
Accoppia baldanzosa, audace fronte.
Di qua, di là sollecito s'aggira
Per le vie, per le piazze, e per le tende.
I guerrier, i destrier, l'arme rimira;
L'arti e gli ordini osserva, e i nomi apprende.
Né di ciò pago a maggior cose aspira;
Spia occulti disegni, e parte intende.
Tando s'avvolge, e cosi destro, a piano....

То есть: „Прямымъ путемъ проходитъ чрезъ врата Царскія; дѣлаетъ вопросы, даетъ отвѣты. Хитрымъ вопросамъ и быстрымъ отвѣтамъ соотвѣтствуетъ его смѣлое и гордое чело. Туда и сюда проходитъ торопливыми шагами, чрезъ пути и площади между

»Это удивительно! удивительно!« повторилъ Старожиловъ. — »Почему? Развѣ нѣтъ образцевъ и здѣсь для портретнаго Живописца? Развѣ Эрмитажъ закрытъ для любопытнаго, а особенно для Художника? Развѣ не позволяется Художнику списывать тамъ портреты съ Вандика, Пейзажисту учиться надъ богатымъ собраніемъ картинъ единственныхъ въ своемъ родѣ? Или вы думаете, что нуженъ непремѣнно воздухъ Римскій для Артиста, для любителя Древности; что ему нужно долговременное пребываніе въ Парижѣ? Въ Парижѣ? — Согласенъ; но сколько дарованій погибло въ этой Столицѣ? Разсѣяніе, всѣ прелести свѣта, не только препятствовали развитію дарованія, но губили его на вѣки.«

шатровъ непріятельскихъ. Осматривая ряды воиновъ, коней и оружія, замѣчаетъ порядокъ, искусство воиновъ; познаетъ ихъ имена. Сего недовольно: онъ спремится къ высшей цѣли; проникаетъ въ тайные замыслы и хитрыя намѣренія враговъ....

Нашъ Фингеръ старцемъ въ станъ враговъ
Идетъ во мракѣ ночи:
Какъ тѣнь прокрался вкругъ шатровъ,
Все зрѣли быстры очи.
И станъ еще въ глубокомъ снѣ,
День свѣтлый не проглянулъ,
А онъ ужь витязь на конѣ,
Уже съ дружиной грянулъ....

Жуковскій.

Вотъ Московскіе виды, сказалъ молодый Художникъ, указывая на картины, изображающія Каменный мостъ, Кремль и проч. съ большою истиною и искусствомъ. — Какія воспоминанія для Московскаго жителя! Разсматривая живопись, я погрузился въ сладостное мечтаніе, и готовъ былъ воскликнуть почти то же, что Эней у Гелена, въ долинахъ Хаонейскихъ, гдѣ все чудеснымъ образомъ напоминало изгнаннику его священную Трою, рощи, луга и источники родины незабвенной (*): я готовъ былъ сказать моимъ товарищамъ:

Что матушки Москвы и краше и милѣе?

Но Старожиловъ разсѣялъ воспоминаніе о древней бѣлокаменной Столицѣ громкимъ и безпрерывнымъ смѣхомъ, разсматривая чудесныя мозаики, въ той же комнатѣ выставленныя. — Я взглянулъ на нихъ съ негодованіемъ, пожалъ плечами, и пошелъ въ другую комнату, гдѣ ожидалъ насъ портретъ покойнаго Гр. А. С. Строганова, писанный Г. Варникомъ. Вокругъ него мы нашли толпу зрителей:

---

*) Procedo, et parvam Trojam, simulata que magnis Pergama, et arentem Xanthi cognomine rivum, Agnosco, Scaeaeque ampiector limina portae.

Aeneid. liber III. —

одни хвалили смѣлость кисти, отдѣлку платья, бѣлаго глазета, и весь рисунокъ картины; другіе напротивъ того, утверждали, что краски вообще тусклы, отдѣлка груба, нещщательна и пр. и пр. и пр.; а я восхищался удивительнымъ сходствомъ лица.

»Такъ, это онъ! точно онъ!« сказалъ какой-то пожилой человѣкъ нашему путеводителю. — »Эта прекрасная картина Г. Варника возбуждаетъ въ моей памяти тысячу горестныхъ и сладкихъ воспоминаній! Она живо представляетъ лице покойнаго Графа, сего просвѣщеннаго покровителя и друга Наукъ и Художествъ, вельможу, котораго мы будемъ всегда оплакивать, какъ дѣти нѣжнаго и попечительнаго отца. Полезные совѣты, лестное одобреніе знатока, рѣдкое добродушіе, истинный признакъ великой и прекрасной души, желаніе быть полезнымъ каждому изъ насъ, пламенная, но просвѣщенная любовь къ Отечеству, любовь ко всему, что можетъ возвысить его славу и сіяніе: вотъ чѣмъ отличался почтенный Президентъ нашей Академіи, вотъ что мы будемъ воспоминать со слезами вѣчной признательности, и что искусная кисть Г. Варника столь живо напоминаетъ всѣмъ Академикамъ, которые имѣли щастіе пользоваться покровительствомъ любезнѣйшаго и добрѣйшаго изъ людей. Черты,

незабвенныя черты нашего Мецената будутъ намъ всегда драгоцѣнны!«

Художникъ говорилъ съ большимъ жаромъ, и слезы навернулись на его глазахъ. Я былъ внѣ себя отъ радости: ибо я раздѣлялъ вполнѣ его чувства. Самъ Старожиловъ былъ тронутъ и долго стоялъ въ молчаніи предъ почтеннымъ ликомъ почтеннаго старца, престарѣлаго Нестора Искусствъ, истиннаго образца людей государственныхъ; вельможи, который доказалъ краснорѣчивымъ примѣромъ цѣлой жизни, что высшій санъ заимствуетъ прочное сіяніе не отъ богатства и почестей наружныхъ, но отъ истиннаго, неотъемлемаго достоинства души, ума и сердца.

Долго сладкое впечатлѣніе оставалось въ моей душѣ, и я, занятый разговоромъ почтеннаго Художника, прошелъ безъ вниманія мимо нѣкоторыхъ картинъ ученической работы иностранцевъ, которые на сей разъ, какъ будто нарочно согласились уступить безспорно преимущество нашимъ Художникамъ, выставя безобразныя и уродливыя произведенія своей кисти. Мы остановились у подножія Актеона (изобрѣтенія Г. Мартоса), большой статуи, отлитой для Гр. Н. П. Румянцова Г. Екимовымъ: прекрасное произведеніе Русскихъ Художниковъ! Замѣтьте, сказалъ намъ услужливый путеводитель нашъ, замѣтьте, что ли-

шейное искусство сдѣлало большой шагъ въ Россіи, подъ руководствомъ Г. Екимова (*).

Картина Г. Куртеля: Спартанецъ при Ѳермопилахъ, привлекла наше вниманіе. Прекрасный юноша, сразившійся за свободу Греціи, умираетъ одинъ, безъ помощи, безъ друга, въ мѣстахъ пустынныхъ. Кровавый долгъ Спартѣ отданъ, оружіе избито, кровь пролита ручьями изъ ранъ глубокихъ и смертельныхъ, и послѣднія минуты убѣгающей жизни принадлежатъ ему: послѣдніе взоры, исполненные страданія и любви, устремлены на медальонъ, изображающій черты ему любезныя. Вотъ прекрасная мысль, сказалъ я моимъ товарищамъ, и выраженная масперскою кистію. Но они замѣтили, и справедливо, что въ фигурѣ нѣтъ ни соразмѣрности, ни согласія. — »Это туловище небольшаго Фавна, приставленное къ ногамъ Боргезскаго борца« — сказалъ молодой Ху-

(*) Отлитая Г. Екимовымъ фигура Ахиллеона, по разобраніи формы, не была ни опилена, ни отчеканена; но отличіе оной такъ совершенно, что по отбитіи *путцевъ*, чрезъ которые течетъ въ форму расплавленный металлъ, осталось только всю фигуру пройти пескомъ, для того, чтобъ ей дать общій цвѣтъ. Хвала Г. Екимову, особливо за удачное во всѣхъ частяхъ отличіе колосальныхъ статуй для Казанскаго Собора, также конченныхъ безъ чеканки!

дожникъ. Конечно много истины въ выраженіи лица и мертвенности другихъ членовъ; но, признаюсь вамъ, я не охотно смотрю на подобныя сему изображенія! И можно ли смотрѣть спокойно на картины Давида и школы, имъ образованной, которая напоминаетъ намъ одни ужасы революціи: терзаніе умирающихъ насильственною смертію, оцепенѣніе глазъ, трепещущія, поблѣднѣлыя уста, глубокія раны, судороги — однимъ словомъ, ужасную побѣду смерти надъ жизнію. Согласенъ съ вами, что это представлено съ большою живостію; но эта самая истина отвратительна, какъ нѣкоторыя истины, изъ Природы почерпнутыя, которыя не могутъ быть приняты въ картинѣ, въ статуѣ, въ Поэмѣ и на театрѣ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы оставили Академію. — Если мое письмо не наскучило пустыннику, то я сообщу тебѣ продолженіе нашей прогулки и разговора о Художествахъ. Прости до первой почты.

N. N.

P. S. На третій день моей прогулки въ Академію, я кончилъ мое письмо къ тебѣ, и готовъ былъ его запечатать, какъ вдругъ мнѣ пришла на умъ слѣдующая мысль: Если кто нибудь прочитаетъ то, что я сообщалъ пріятелю въ от-

кровенной бесѣдѣ?.... »Что нужды!«— отвѣчалъ молодой Художникъ Н., которому я прочиталъ мое письмо — »Что нужды? Развѣ вы обидѣли кого нибудь изъ Художниковъ, достойныхъ уваженія? Выставя картину для глазъ цѣлаго города, развѣ Художникъ не подвергаетъ себя похвалѣ и критикѣ добровольно? Одинъ маляръ гнѣвается за сужденіе знатока или любителя; истинный талантъ не страшится критики: напротивъ того, онъ любитъ ее, онъ уважаетъ ее, какъ истинную, единственную путеводительницу къ совершенству. Знаете ли, что убиваетъ дарованіе, особливо если оно досталось въ удѣлъ человѣку безъ твердаго характера? Хладнокровіе общества: оно ужаснѣе всего! Какія сокровища могутъ замѣнить лестное одобреніе людей чувствительныхъ къ прелестямъ Искусствъ! Одинъ богатой невѣжда заказалъ картину моему пріятелю; картина была написана, и Художникъ получилъ кучу золота.... Повѣрите ли, онъ былъ въ отчаяніи. Ты недоволенъ платою? спросилъ я. — О нѣтъ! я награжденъ слишкомъ щедро! — Что же огорчаетъ тебя? — Ахъ, любезный другъ, моя картина досталась невѣждѣ и сгніетъ въ его кабинетѣ: что мнѣ въ золотѣ безъ славы! Въ Парижѣ Художники знаютъ свою выгоду. Они живутъ въ тѣсной связи съ Писателями, кото-

рые за нихъ сражаются съ Журналистами, съ знатоками и любителями, и проливаютъ за нихъ источники чернилъ. Двѣ, три недѣли, часто мѣсяцъ занимаютъ они Публику послѣ перваго выставленія картинъ.« — »Это все справедливо; но я могъ ошибаться.« — »Что нужды, если безъ намѣренія!“ — „Но я употребилъ въ моемъ письмѣ новыя выраженія, напримѣръ: *механической пріемъ* (въ живописномъ дѣлѣ), желая изъяснить то, что Французы называютъ le faire, и боюсь...“ — „Пускай другіе переведутъ лучше, исправнѣе; у насъ еще не было своего Менгса, который открылъ бы намъ тайны своего Искусства, и къ Искусству Живописи, присоединилъ другое, столь же трудное: искусство изъяснять свои мысли. У насъ не было Винкельмана.... Но запечатайте, запечатайте письмо: его никто не прочитаетъ!“ повторялъ Художникъ съ хитрою улыбкою. И его слова успокоили меня, хотя несовершенно. — Признаюсь тебѣ, любезный другъ, я боюсь огорчить нашихъ Художниковъ, которые не рѣдко до того проспираютъ ревность къ своей славѣ, что малѣйшую критику, самую умѣренную, самую осторожную, почитаютъ личнымъ оскорбленіемъ.

С. От. 1814 № 17. 18, № 49 (121–132), 50 (161–176) 51 (201–215)

IX.

ОТРЫВОКЪ
ИЗЪ ПИСЕМЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА
О ФИНЛЯНДІИ.

Я видѣлъ страну, близкую къ Полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю, гдѣ Природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно — только въ теченіе двухъ мѣсяцовъ; но гдѣ, такжe какъ въ странахъ благословенныхъ Природою, люди могутъ находить щастіе. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улеи, въ бурное, военное время, и спѣшу сообщить тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей, при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажетъ видъ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма (*). Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ

(*) Особенно въ старой Финляндіи.

теченіе девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна не рѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы гранитные, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлитіемъ океана. Въ концѣ Апрѣля начинается весна; — снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальные утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. — На нихъ-то хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда, и по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера вызываютъ крикомъ своимъ бурю, — изъ тайной глубины пещеръ. Вѣтеръ повѣялъ съ Сѣвера и поверхность соннаго озера пробудилася, какъ отъ сна!... Видишь ли, какъ она пѣнится? слышишь ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранитныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурь и ярость волнъ? — Сосѣд-

ніе лѣса повторяютъ голосъ бури, и вся Природа является въ ужасномъ разстройствѣ. Сіи страшныя явленія напоминаютъ мнѣ мрачную Миѳологію Скандинавовъ, которымъ божество являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчество. —

Лѣса Финляндскіе непроходимы; они растутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предпріимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ вертепахъ, путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы; завываніе волка, ищущаго добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукою всесокрушающаго времени; или ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, который стрѣлою пробѣгаетъ по каменному дну между скалъ гранитныхъ, быстро превозмогаетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе! — Посмотри далѣе: огнь небесный, или неутомимая рука пахаря зажгли сей боръ; опаленныя сосны, исторгнутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ, чернымъ облакомъ отъ сего огнища: все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что

путешественникъ невольно содрогается и спѣшитъ оздохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ отлогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ волъ жуетъ сочную и густую траву, орошенную водами источника. —

Какіе народы населяли въ древности землю сію? — Гдѣ признаки ихъ бытія? — Гдѣ слѣды ихъ? — Время все изгладило; или сіи сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и Исторія, начерпавшая малѣйшія событія странъ полуденныхъ и восточныхъ, молчитъ о народахъ Сѣвера. — Но существовали народы сіи — угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной Природы; или изгнанники изъ странъ щастливѣйшихъ (*): они населяли сіи пещеры, питались млекомъ звѣрей, и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ, или побѣду надъ врагомъ, изъ черепа котораго (страшное воспоминаніе!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сыпала иней и снѣга, тогда дикіе чада лѣсовъ выходили изъ

(*) Руны, которыя я видѣлъ въ Финляндіи и потомъ въ Швеціи, принадлежатъ къ позднѣйшимъ вѣкамъ. До сихъ поръ Историки не могутъ утвердительно сказать, кто были первые обитатели Финляндіи.

логовищей своихъ, и пролагали путь по морямъ Гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирою и палицей, они идутъ войной на стада пустынныхъ чудовищъ; ихъ мчатъ быстрые олени; ихъ несутъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ; они сражаются, побѣждаютъ и учреждаютъ кровавую трапезу! — Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и смерть и жизнь, — не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ изступленіи наполняютъ крикомъ лѣса — и эхо повторяетъ гласъ ихъ въ пространной пустынѣ. — Но сіи пустыни, сіи вертепы, сіи непроходимые лѣса, въ среднихъ вѣкахъ, повторяли голосъ Скальда. — И здѣсь Поэзія разсыпала цвѣты свои: она смягчила нравы, укротила звѣрство и унѣжила страждущее человѣчество своими волшебными пѣснями о богахъ, о герояхъ, о лучшемъ мірѣ, и о прекрасной будущей жизни. Разныя племена народовъ собрались во едино, составили селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая Природа приняла другой видъ, не столь суровый и дикій. —

Можетъ быть, на сей скалѣ, осѣненной соснами, у подошвы которой дыханіе зефира колеблетъ глубокія воды залива, — можетъ быть, на сей скалѣ воздвигнутъ былъ храмъ Одена. Здѣсь

Поэтъ любитъ мечтать о временахъ протекшихъ и погружаться мыслями въ оные вѣки варварства, великодушія и славы; здѣсь съ удовольствіемъ взираетъ онъ на волны морскія, нѣкогда струимыя кораблями Одена, Артура и Гаральда; на сей мрачный горизонтъ, по которому носились тѣни почившихъ витязей; на сіи камни, остатки сѣдой древности, на коихъ видны таинственные знаки, рукою неизвѣстною начертанные. Здѣсь, погруженный въ сладкую задумчивость

Въ полночный часъ
Онъ слышитъ Скальда гласъ
Прерывистый и томный.
Зритъ: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоятъ кругомъ костровъ,
Зажженныхъ въ полѣ брани;
И древній Царь пѣвцовъ
Простеръ на арфу длани,
Могилу указавъ, гдѣ Вождь героевъ спитъ;
„Чья тѣнь, чья тѣнь, гласитъ
Въ священномъ изступленьи, —
Тамъ съ дѣвами плыветъ въ туманныхъ облакахъ?
Се ты, младый Испель, иноплеменныхъ страхъ,
Со славой падшій на сраженьи!
Миръ, миръ тебѣ, Герой!
Твоей сѣкирою стальной
Пришельцы гордые побиты....
Но ты днесь палъ на грудахъ тѣлъ.
Онъ тучи вражьихъ стрѣлъ,

Палъ випязь знаменитый!
И се . . . ужь надъ тобой Посланницы небесны,
Валкиріи прелестны,
На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,
Съ златыми коньями въ рукахъ,
Въ безмолвіи спустились!
Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ — и вновь
Глаза твои открылись:
Течетъ по жиламъ кровь
Чистѣйшаго эѳира;
И ты, безплотный духъ,
Въ страны безвѣстны міра
Летишь стрѣлой .... и вдругъ,
Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
Гдѣ угоповали для сонма храбрыхъ Боги
Любовь и вѣчный пиръ. —
При шумѣ горныхъ водъ и тихострунныхъ лиръ,
Среди полянъ и свѣжихъ сѣней
Ты будешь поражать шамъ скачущихъ оленей
И златорогихъ серн. —
Склонясь на злачный дернъ
Съ дружиною младою,
Тамъ снова съ арфою златою
Въ восторгѣ Скальдъ поетъ
О славѣ древнихъ лѣтъ.
Поетъ, и храбрыхъ очи,
Какъ звѣзды тихой ночи,
Утѣхою блестятъ.
Но вечеръ припекаетъ —
Часъ нѣги и прохлад, —
Гласъ Скальда замолкаетъ;

Замолкъ — и храбрыхъ сонмъ
Идетъ въ Оденовъ домъ,
Гдѣ дочери Вериспы,
Власы свои душисты
Раскинувъ по плечамъ,
Прелестницы младыя,
Всегда полунагія,
На пиршества гостямъ
Обильныя яствы носятъ,
И пить умильно просятъ
Изъ чаши сладкій медъ....

Такимъ образомъ и въ снѣгахъ, и подъ суровымъ небомъ, пламенное воображеніе создавало себѣ новый міръ, и украшало его прелестными вымыслами. Сѣверные народы съ избыткомъ одарены воображеніемъ: сама Природа, дикая и безплодная, непостоянство стихій и образъ жизни, дѣятельной и уединенной, даютъ ему пищу. —

Здѣсь царство Зимы. — Въ началѣ Октября все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала выказываетъ безплодную вершину; иней падаетъ въ видѣ густаго облака; деревья, при первомъ упренемъ морозѣ, блистаютъ радугою, отражая солнечные лучи тысячью пріятныхъ цвѣтовъ. Но солнце, кажется, съ ужасомъ взираетъ на опустошенія зимы; едва явится и уже погружено въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильной стужи. Мѣсяцъ, въ теченіе всей ночи, изливаетъ сереб-

ряные лучи свои и образуетъ круги на чистой лазури небесной, по которой изрѣдка пролетаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, обѣленныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но пріятное зрѣлище сія необыкновенная тишина и въ воздухѣ и на землѣ! — Повсюду безмолвіе! Робкая лань тропко пробирается въ чащу, отрясая съ роговъ своихъ оледенѣлый иней; спадо тетеревей дремлетъ въ глубокой тишинѣ лѣса, и всякій шагъ странника слышенъ въ снѣжной пустынѣ.

Но и здѣсь Природа улыбается (веселою, но краткою улыбкою). Когда снѣга растаяли отъ теплаго лѣтняго вѣтра и яркихъ лучей солнца; когда воды съ шумомъ утекли въ моря, образовавъ въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ: тогда Природа примѣтно выходитъ изъ тягостнаго и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами. Ходъ растительной силы примѣченъ. Сегодня все мертво, завтра все цвѣтетъ, все благоухаетъ. Народныя басни всегда имѣютъ основаніемъ истину. Древніе Скандинавы полагали, что Оденъ, сей великій чародѣй, чуткимъ ухомъ своимъ слышитъ, какъ весною прозябаютъ травы. Конечно быстрое,

почти невѣроятное ихъ возрастаніе подало поводъ къ сему вымыслу. — Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно пріятны. Дню предшествуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ великолѣпіи на концѣ озера, позлащеннаго внезапу румяными лучами. Пустынныя птицы радостно сопрягаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу: рѣзвыя бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, растущихъ на отлогомъ берегѣ. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной Природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера златыми чешуями, между тѣмъ какъ мелкіе жители влажной стихіи играютъ стадами у подошвы скалъ или близъ песчанаго берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умираютъ на гранитныхъ скалахъ, которыхъ цвѣтъ измѣняется безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жители сихъ прелестныхъ пустынь) то плаваютъ на поверхности озера, то кружатся надъ камышемъ и наклоненными ивами. Стада дикихъ утокъ и крикливыхъ журавлей летятъ въ сосѣднее болото, и важные лебеди торжественнымъ плаваніемъ привѣтствуютъ вечернее солнце. — Оно погружается въ безднѣ Ботническаго залива, и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, воцарился въ пустынѣ.... Но какой предметъ для кисти Живо-

писца: рапный станъ, расположенный на сихъ скалахъ, когда лучи мѣсяца проливаются на упруженныхъ рапниковъ и скользятъ по блестящему металлу ружей, сложенныхъ въ пирамиды! — Какой предметъ для Живописи и сіи великіе огни, здѣсь и тамъ раскладенные, вокругъ которыхъ воины толпятся въ часы холодной ночи? Этотъ лѣсъ, хранившій безмолвіе, можетъ быть, отъ созданія міра, вдругъ оживляется при внезапномъ пришествіи полковъ. Войско расположилось; все приходитъ въ движеніе: пуки зажженной соломы, переносимые съ одного мѣста на другое, пылающіе костры хвороста, древніе пни и часто цѣлыя деревья, внезапно зажженныя, отъ которыхъ густый дымъ клубится и восходитъ до небесъ: однимъ словомъ, движеніе рапныхъ снарядовъ, ржаніе и топотъ коней, блескъ оружія, и смѣшенные голоса воиновъ, и звуки барабана и конной трубы: все это представляетъ зрѣлище новое и разительное! Вскорѣ гласы умолкаютъ; огонь пылающихъ костровъ потухаетъ; рапники почили, и прежнее безмолвіе водворилось: — изрѣдка прерываемо оно шумомъ горнаго водопада, или протяжными откликами часовыхъ, расположенныхъ на ближнихъ вышинахъ, проникъ лагеря непріятельскаго: мѣсяцъ, склоняясь къ своему западу, освѣщаетъ уже безмолвный станъ. —

Теперь всякій шагъ въ Финляндіи ознаменованъ происшествіями, которыхъ воспоминаніе и сладостно и прискорбно. Здѣсь мы побѣдили; но цѣлые ряды храбрыхъ легли, и вопъ ихъ могилы! Тамъ упорный непріятель выбитъ изъ укрѣпленій, прогнанъ; но эти уединенные кресты, вдоль песчанаго берега или вдоль дороги водруженные, этотъ рядъ могилъ Русскихъ въ странахъ чуждыхъ, отдаленныхъ отъ родины, кажется, говорятъ мимоидущему воину: и тебя ожидаетъ побѣда — и смерть! — Здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаемъ мы или оставленную башарею, или древній замокъ съ готическими острыми башнями, которыя возбуждаютъ воспоминаніе о древнихъ рыцаряхъ; или передовый непріятельскій лагерь, или мостъ недавно выжженный, или опустѣлую деревню. Повсюду слѣды побѣдъ нашихъ, или слѣды вѣковъ, давно протекшихъ, — пагубные слѣды войны и разрушенія! — Иногда лагерь располагается на отлогихъ берегахъ озера, гдѣ до сихъ поръ спокойный рыбакъ бросалъ свои мрежи; иногда видимъ рвы, башареи, укрѣпленія и весь снарядъ воинскій близъ мирной кущи селянина. Разительная противоположность!.....

Финляндія, 1809.

X.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЗАМОКЪ СИРЕЙ.

Письмо изъ Франціи къ Г. Д.

Изъ деревни Болонь, лежащей близъ города Шомона, я поскакалъ верхомъ въ Сонкуръ, гдѣ ожидали меня Б. де Д. и Г. П., съ которыми на канунѣ уговорился я посѣтить замокъ Сирей и поклониться тѣнямъ Вольтера и его пріятельницы. Въ окрестностяхъ Сирея назначены были квартиры нашему отряду; полки тянулись по дорогѣ, и мы ихъ опередили въ ближнемъ селеніи. Сначала погода намъ вовсе не благопріятствовала: холодный и рѣзкій вѣтеръ наносилъ снѣгъ и дождь; наконецъ небо прояснилось и солнце освѣтило прекрасныя долины, рощи и горы. Мы проѣхали чрезъ мѣстечко Виньори, гдѣ замѣтили развалины весьма древняго замка на высокомъ утесѣ, который господствуетъ надъ селеніемъ и близъ-лежащими долинами.

Ein bethürmtes Schloss, voll Majestät,
Auf des Berges Felsenstirn erhöht!

Кому принадлежитъ этотъ замокъ? — спросилъ я у старика, сидящаго на порогѣ сельскаго домика, тѣсно примыкающаго къ развалинамъ. »Какой-то старой дворянкѣ« отвѣчалъ онъ, приподнявъ красный колпакъ, старый, изношенный, и который конечно игралъ большую ролю въ бурные годы революціи. Это замѣчаніе я сдѣлалъ мимоходомъ, и продолжалъ вопросы: Когда построенъ замокъ? — »Во время Шампанскихъ Графовъ, сказывалъ мнѣ покойный дѣдъ (*). Храбрые рыцари искали здѣсь убѣжища отъ народныхъ возмущеній и укрѣпили замокъ башнями,

(*) Французы и теперь мало заботятся о древнихъ памятникахъ. — Развалины, временемъ сдѣланныя, ничего въ сравненіи съ опустошеніями революціи: бурныя времена прошли, но невѣжество или корыстолюбіе самое варварское пережили и революцію. Одинъ путешественникъ, который недавно объѣхалъ всю полуденную Францію, увѣрялъ меня, что цѣлые замки продаются на свозъ, и такимъ образомъ вдругъ уничтожаются драгоцѣнные историческіе памятники. Напрасно Правительство хотѣло остановить сіи святотатства: ничто не помогало, ибо для нынѣшнихъ Французовъ ничего нѣтъ ни священнаго, ни святаго, — кромѣ денегъ, разумѣется. Какая разница съ Нѣм-

рвами, палисадами. Время и революція все разрушили. Здѣсь не одна была революція, господинъ Офицеръ! не одна революція! Я на вѣку моемъ пережилъ одну; тяжелыя времена ... не лучше нынѣшнихъ. Посадили дерево вольности ... я самъ имѣлъ честь садить его, вотъ тамъ, на зеленомъ лугу.... Разорили храмы Божіи ... у меня рука не поднималась на злое!... Но чѣмъ же это все кончилось? Дерево срубили, а надписи на паперти церковной: *вольность, братство или смерть* — мѣломъ забѣлили. Чего я не насмотрѣлся въ жизни? и непріятелей на родинѣ моей увидѣлъ, и съ Офицеромъ *Козачьимъ* теперь разговариваю! Чудеса! по совѣсти чудеса!« — Ты разорился

цами! Въ Германіи вы узнаете отъ крестьянина множество историческихъ подробностей о малѣйшемъ остаткѣ древняго замка или готической церкви. Всѣ Рейнскія развалины описаны съ возможною исторической точностію ученымъ путешественниками и Художниками, и сіи описанія вы нерѣдко увидите въ хижинѣ рыбака или земледѣльца. Притомъ же Нѣмцы издавна любятъ все сохранять, а Французы разрушать: вѣрный знакъ съ одной стороны добраго сердца, уваженія къ законамъ, къ нравамъ и обычаямъ предковъ; а съ другой стороны, легкомыслія, суетности и жестокаго презрѣнія ко всему, что не можетъ насытить корыстолюбія — отца пороковъ.

опъ войны, добрый спаричокъ? — »Много поспрадалъ, а бѣдные сосѣди еще болѣе. Мы всѣ желаемъ мира.« — О! мы знаемъ это: но Императоръ вашъ не желаетъ. — »Прямой Корсиканецъ! Знаете ли, что онъ объявилъ намъ?« — Здѣсь спарикъ покачалъ головою, посмотрѣлъ на меня пристально, и — конечно опъ робости заикнулся. — Говори, говори! — »Охотно, если прикажете. Императоръ...« (это было сказано важнымъ и торжественнымъ голосомъ) »Императоръ объявилъ намъ, что онъ не хочетъ практиковать о мирѣ съ плѣнными: ибо онъ почитаетъ васъ въ плѣну. Онъ нарочно завелъ васъ сюда, чтобы истребить до послѣдняго человѣка: это была военная хитрость, понимаете ли? военная хитрость, ни что иное.... Но вы смѣетесь; ... и намъ это смѣшно показалось, такъ смѣшно, что мы Префекта, пріѣхавшаго сюда съ этимъ объявленіемъ, камнями и грязью закидали. Il s'en souviendra!..... Но вамъ пора догонять товарищей. — Добрый путь, господинъ Офицеръ!«

Размышляя о странномъ характерѣ Французовъ, которые смѣются и плачутъ, рѣжутъ ближнихъ, какъ разбойники, и даютъ себя рѣзать, какъ агнцы, я догналъ моихъ товарищей.

Часъ опъ часу дорога становилась пріятнѣе: холмы, одѣтые виноградникомъ и плодоносными

деревьями, между коими мелькали пріятные сельскіе домики, напоминали намъ Саксонію, благословенныя долины Дрездена, мѣста очаровательныя! Разговаривая съ товарищами и любуясь красотою видовъ, мы непримѣтно проѣхали нѣсколько миль; каждый замокъ, каждое мѣстечко мы принимали за Сирей и смѣялись своей ошибкѣ. Наконецъ, поворотя въ право съ большой дороги, вдоль по рѣчкѣ Блезъ, мы увидѣли жилище славной Нимфы Сирейской, которой одно имя раждаетъ столько пріятныхъ воспоминаній....

Во ста шагахъ отъ селенія возвышается замокъ на высокомъ уступѣ; кругомъ — рощи и кустарники. Все просто, но Природа все украсила.

Къ замку примыкаетъ Англійскій садъ и нѣсколько тѣнистыхъ аллей, къ которымъ никогда не прикасались ножницы, даже въ тѣ времена, когда безжалостный Ленотръ остригалъ боскеты Версальскіе, когда послѣдній провинціяльный дворянинъ разсаживалъ по шнуру смиренныя акаціи и овощи въ своемъ огородѣ. Вольтеръ, говоря о замкѣ Сирейскомъ, описывая красоты его окрестностей — кажется въ письмѣ къ Королю Прусскому — прибавляетъ:

Trop d'art me révolte et m'ennuie:
J'aime mieux ces vastes forêts!

Эти лѣса и понынѣ украшаютъ Сирей своею дикостію. Замокъ сохранилъ древнюю наружность; можно отличить новыя пристройки и балконы. Они принадлежатъ къ Вольперову времени. На крутой кровлѣ (à la Mansarde) я замѣтилъ нѣкоторыя украшенія и высокія продолговатыя трубы, обложенныя лѣпными изображеніями, похожія на трубы замка Pont-sur-Seine, принадлежащаго Летиціи, матери Наполеона. Мы вошли въ Сирей и удивились обширнымъ заламъ, убраннымъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Наружность того не обѣщала.—

Замокъ принадлежитъ Г-жѣ де Семіанъ, женщинѣ весьма умной, нѣкогда прекрасной. Онъ былъ разграбленъ въ революцію и послѣ того времени все строеніе возобновлено (*). Къ сожалѣнію, мы нашли мало слѣдовъ прежней обладательницы и ея славнаго друга, который, какъ говоритъ Лебрюнъ, *утомилъ стогласную Славу*. —

Въ столовой нѣсколько картинъ, изображающихъ звѣрей и охоту. Эта живопись, довольно пріятная, существовала уже при Маркизѣ, и мы смотрѣли на нее съ большимъ удовольствіемъ.

(*) По отступленіи Русскихъ, Сирей былъ снова разграбленъ Французами, за то именно, что Русскіе варвары его пощадили!

Пройдя нѣсколько покоевъ, въ правомъ флигелѣ замка намъ отворили дверь въ залу Вольперову.—

Здѣсь мы нашли большой мраморный каминъ, тотъ самый, который согрѣвалъ Вольпера; нѣсколько новыхъ мебелей: клависинъ, маленькій органъ и два комода. Окны до полу. Двѣ круглыя стеклянныя двери въ садъ: одна изъ нихъ украшена надписями, на камнѣ высѣченными. На фронтонѣ мы прочитали Виргиліевъ стихъ: Deus nobis haec otia fecit, изъ первой Эклоги; на косякѣ нѣсколько стиховъ изъ Попе, котораго Вольперъ всегда любилъ, и наконецъ:

Asyle des beaux arts, solitude où mon coeur
Est toujours occupé dans une paix profonde,
C'est vous qui donnez le bonheur,
Que promettoit en vain le monde.

стихи написанные Вольперомъ въ счастливую минуту наслажденія душевнаго, въ глазахъ божественной Эмиліи, единственной женщины, которую онъ любилъ наравнѣ со славою, которой онъ былъ обязанъ всѣмъ, и которая достойно гордилась дружбою творца Заиры (*). Изъ оконъ сей

(*) Напрасно мы искали въ саду мраморнаго Амура, который нѣкогда стоялъ подъ балкономъ, съ надписью

залы видны ближнія деревни и два ряда холмовъ, заключающихъ прелестную долину, по которой извивается рѣчка Блезъ. Въ глубокомъ молчаніи и я и товарищи долго любовались пріятнымъ видомъ отдаленныхъ горъ, на которыхъ потухали лучи вечерняго солнца. Можетъ быть, совершенная тишина, царствующая вокругъ замка, печальное спокойствіе зимняго вечера, зелень, кое-гдѣ одѣтая снѣгомъ, высокія сосны и древніе кедры, осѣняющіе балконъ густыми, наклоненными вѣтвями, и едва колеблемые дыханіемъ вечерняго вѣтра, наконецъ сладкія воспоминанія о жителяхъ Сирея, которыхъ имена принадлежатъ Исторіи, которыхъ имена отъ дѣтства намъ были драгоцѣнны — погрузили насъ въ тихую задумчивость.—

»Здѣсь Фернейскій мудрецъ« — такъ воскликнулъ Г. Р-нъ, житель Сирея, прервалъ наше молчаніе—»здѣсь славнѣйшій мужъ своего вѣка, чудесный, единственный, который, какъ говорятъ, вырѣзывалъ на мѣди для потомства (*), который

изъ Антологіи: Qui que tu sois, voici ton maître, и пр. которую перевелъ Г. Дмитріевъ:

Кто бъ ни былъ ты, пади предъ нимъ:
Былъ, есть, иль будетъ онъ владыкою твоимъ!

(*) Qui gravoit pour la postérité — выраженіе Паллисота, если не ошибаюсь.

все зналъ, все сказалъ (*), который имѣлъ доброе, рѣдкое сердце, умъ гибкій, обширный, блестящій, способный на все, и наконецъ, характеръ вовсе несообразный ни съ умомъ его, ни съ сердцемъ — здѣсь онъ жилъ, сей Протей ума человѣческаго; здѣсь во цвѣтѣ лѣтъ своихъ наслаждался онъ уединеніемъ и свободою, которымъ зналъ цѣну, и долго не покидалъ ихъ для *коронованной Сирены*, для рукоплесканій, и для прихожей Г-жи Помпадуръ. Странный человѣкъ! Онъ многое предвидѣлъ, многое предсказалъ въ Полишикѣ; но могъ ли онъ предвидѣть, что нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, вы придете въ замокъ Эмиліи съ оружіемъ въ рукахъ, съ толпою жителей береговъ Волги и людей піющихъ воды Сибирскія; и что тамъ, гдѣ Маркиза прекрасною рукою поливала макъ, розы и лилеи, кормила голубей ячменемъ, вотъ у этой самой голубятни — что тамъ, гдѣ она любила отдыхать подъ тѣнью древнихъ кедровъ, у входа въ *Заирину* аллею (**), гдѣ Вольтеръ у ногъ ея въ восторгѣ читалъ первые стихи безсмертной трагедіи, и искалъ похвалъ и одобренія въ голубыхъ глазахъ своей Ураніи, въ боже-

(*) Qui a tout dit, — Шатобріанъ, говоря о Вольтерѣ.

(**) И до сихъ поръ одна аллея называется *Заириною*. Тамъ сочинялъ Вольтеръ свою трагедію.

сивенной ея улыбкѣ: шамъ, милостивые государи, шамъ вы разспавите часовыхъ съ ужасными усами, гренадеръ и козаковъ, которые приводятъ въ трепетъ всю Францію....?« — Мы засмѣялись словамъ Г. Р-на, и онъ продолжалъ, понизивъ немного свой голосъ:

»Здѣсь долгое время былъ счастливъ Вольтеръ въ объятіяхъ Музъ и попечительной дружбы. *Тамъ, гдѣ я обитаю, земной рай*, писалъ онъ къ пріятелю своему Теріо. — Не мудрено! Представьте себѣ лучшее общество, ученѣйшихъ людей во Франціи, придворныхъ, остроумныхъ Поэтовъ — такихъ напримѣръ, какъ С. Ламберъ, который умѣлъ соединять любезность съ глубокими свѣдѣніями, Философію съ людкостію, и въ кругу такихъ людей — Маркизу, которая умѣла все одушевить своимъ присутствіемъ, всему давала неизъяснимую прелесть: и вы будете имѣть понятіе о земномъ раѣ Вольтера. Она чудо во Франціи! говорилъ Вольтеръ (*). Умъ необыкновенный, лице прекрасное, душа Ангела, откровенность ребенка и ученость глубокая: — все было очаровательно въ этой волшебницѣ! Она, вопре-

(*) Madame du Châtelet sera comptée au rang des choses qu'il faut voir en France, parmi celles, qu'on y regrettera toujours, писалъ Вольтеръ къ Кейзерлингу.

ки Г-жѣ Жанлисъ, вопреки Журналисту Жоффруа и всѣмъ врагамъ Философіи, была достойна и пламенной любви С. Ламбера и дружбы Вольтера, и славы вѣка своего. Здѣсь Маркиза кончила жизнь свою, на лонѣ дружества. Всѣ жители плакали о ней, какъ о нѣжной, попечительной матери. У бѣдныхъ память въ сердцѣ: они еще благословляли прахъ ея, когда Литтераторы наши начали возмущать его спокойствіе клеветами и постыднымъ ругательствомъ. Но Вольтеръ былъ неутѣшенъ. Вы помните его письмо, въ которомъ онъ изъ Баръ-Сюръ-Оба увѣдомляетъ о болѣзни и потомъ о смерти Маркизы. Безпорядокъ этого письма доказывалъ его глубокую горесть. И могъ ли онъ не сожалѣть объ утратѣ единственной женщины, о которой и вы, иностранцы, — непріятели, говорите съ любовію, съ уваженіемъ!«

Нашъ учтивый путеводитель продолжалъ бы болѣе рѣчь свою, если бы не позвали къ обѣду.

Столовая была украшена Русскими знаменами.... Но мы ушѣшили пугливыя тѣни Сирейской Нимфы и ея друга, прочитавъ нѣсколько стиховъ изъ Альзиры.

Такимъ образомъ примирились мы съ Пенатами замка, и съ нѣкоторою гордостію, простительною воинамъ, въ тѣхъ покояхъ, гдѣ Вольтеръ написалъ лучшіе свои стихи, мы читали

съ восхищеніемъ Оды Пѣвца Фелицы и безсмертнаго Ломоносова, въ которыхъ вдохновенные Лирики славятъ чудесное величіе Россіи, любовь къ Отечеству сыновъ ея и славу меча Русскаго.

C'est du Nord à présent que nous vient la lumière.
Отъ Сѣвера теперь сіяетъ свѣтъ Наукъ.

Обѣдъ продолжался долго. Вечеръ засталъ насъ, какъ Героевъ древняго Омера, съ чашею въ рукахъ, и въ сладкихъ разговорахъ, основанныхъ на откровенности сердечной, извѣстныхъ болѣе добродушнымъ воинамъ, нежели вамъ, жителямъ Столицы и блестящаго большаго свѣта.

Но мы еще воспользовались сумерками: обошли нижнее жилье замка, гдѣ живетъ Г-жа де Семіанъ; осмотрѣли ея библіотеку, — прекрасный и строгій выборъ лучшихъ Писателей, составляющихъ любимое чтеніе сей умной женщины, достойной племянницы Г-жи дю Шатле: любезность, умъ и красота наслѣдственны въ этомъ семействѣ. Есть другая библіотека въ нижнемъ этажѣ; она, кажется, предоставлена гостямъ. Древнее собраніе книгъ, важное по многимъ отношеніямъ, совершенно расхищено въ революцію. — Вольперовыхъ книгъ и не было въ замкѣ со времени его отъѣзда; по смерти Маркизы онъ увезъ

съ собою книги, ему принадлежавшія, и нѣкоторыя рукописи. Надобно ѣхать въ Ферней, говорилъ Г. Р-нъ: тамъ, можетъ быть, находятся сіи драгоцѣнности. — Надобно ѣхать въ Петербургъ, замѣтилъ справедливо Г. П.: въ Эрмитажѣ и рукописи и библіотека Фернейскія.

Стужа увеличилась съ наступленіемъ ночи. — Въ Вольтеровой галлереѣ мы развели большой огонь, которой не могъ насъ согрѣть совершенно. Передъ нами на столѣ лежали всѣ Вольтеровы сочиненія, и мы читали съ большимъ удовольствіемъ нѣкоторыя мѣста его переписки, въ которыхъ онъ говоритъ о Г-жѣ дю Шатле. Въ шумѣ военномъ пріятно отдохнуть мыслями на предметѣ, столь любви достойномъ. — Глубокая ночь застала насъ въ разговорахъ о прошедшемъ вѣкѣ, о Великой Екатеринѣ, лучшемъ его украшеніи, о ссорѣ Короля Прусскаго съ своимъ Камергеромъ, и пр. у того самаго камина, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Вольтеръ сочинялъ свои Посланія къ славнымъ современникамъ, и тѣ безсмертные стихи, для которыхъ единственно проститъ его памяти справедливо раздраженное потомство. — Г. П. былъ въ восхищеніи. — Наконецъ надобно было разстаться и думать о постелѣ. Мнѣ отвели комнату въ верхнемъ жильѣ, весьма покойную, но гдѣ съ трудомъ можно было

развесили огонь. Старый ключникъ объявилъ мнѣ, что въ этомъ покоѣ обыкновенно живетъ Г. Монтескьу, родственникъ хозяйки, весьма умный и благосклонный человѣкъ; и что онъ, ключникъ, радуется тому, что мнѣ досталась его спальня. Vous avez l'air d'un bon enfant, mon officier, продолжалъ онъ, дружелюбно ударивъ меня по плечу. Прекрасно; но отъ его *учтивостей* комната мнѣ не показалась теплѣе. Во всю ночь я раскладывалъ огонь, проклиналъ Французскіе камины, и только на разсвѣтѣ заснулъ *желѣзнымъ* сномъ, позабывъ и Вольтера, и Маркизу, и войну, и всю Францію. —

Проснувшись довольно поздно, подхожу къ окну, и съ горестью смотрю на окрестность, покрытую снѣгомъ.

Я не могу изъяснить того чувства, съ которымъ стоя у окна, высчитывалъ я всѣ перемѣны, случившіяся въ замкѣ. Сердце мое сжалось. Все, что было пріятно моимъ взорамъ на канунѣ, — и луга, и рощи, и рѣчка близъ текущая по долинѣ между веселыхъ холмовъ, украшенныхъ садами, виноградникомъ и сельскими хижинами, — все нахмурилось, все уныло. Вѣтеръ шумитъ въ кедровой рощѣ, въ темной аллеѣ *Заириной* и клубитъ сухіе листья вокругъ цвѣтниковъ, истоптанныхъ лошадьми и обезображенныхъ снѣгомъ и

грязью. Въ замкѣ напротивъ того пищина глубокая. Въ каминѣ пылаютъ два дубовые корня и приглашаютъ меня къ огню. На столѣ лежатъ письма Вольперовы, изъ сего замка писанныя. — Въ нихъ все напоминаетъ о временахъ прошедшихъ, о людяхъ, которые всѣ исчезли съ лица земнаго съ своими страстями, съ предразсудками, съ надеждами, и съ печалями, неразлучными спутницами бѣднаго человѣчества. Къ чему столько шуму, столько безпокойства? къ чему эта жажда славы и почестей? спрашиваю себя, и спрашусь найти отвѣтъ въ собственномъ моемъ сердцѣ.

На другой день.

Ввечеру я простился съ товарищами, какъ будто предчувствуя, что ихъ долго, долго не увижу. Печаленъ.

Come navigante
C'ha detto a dolci amici addio. —

На дворѣ ожидалъ меня козакъ съ верховою лошадью. *Поздно мы пустились въ путь!* сказалъ онъ, какъ мертвецъ въ Балладѣ. Что нужды? отвѣчалъ я, дорога извѣстна. При томъ же....

Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой. —

Топотъ конскихъ ногъ раздался по мостовой обширнаго двора. Мы удалились отъ замка... Между тѣмъ ночь спановилась темнѣе и темнѣе. Съ прудомъ находили мы дорогу, пробирались по высокимъ горамъ дремучимъ лѣсомъ въ виду древняго замка Виньори, гдѣ Австрійцы расположились биваками посреди лошадей и высокихъ фуръ въ различныхъ положеніяхъ, достойныхъ кисти Орловскаго. Одни спокойно спали на соломѣ, которая начинала загораться; другіе распѣвали Тирольскія и Богемскія пѣсни вокругъ пылающаго пня, который осыпалъ ихъ искрами при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра; другіе оборачивали вертелъ съ большею частью барана, въ ожиданіи товарищей, которые толпились вокругъ маркитанта, разливающаго имъ вино и водку. Одѣяніе и лица ихъ еще страшнѣе казались, освѣщенные пламенемъ бивака, и напоминали мнѣ Валленштейновъ лагерь, описанный Шиллеромъ, или Сбировъ Сальватора-Розы. — Изъ Виньори мы поворотили вправо по дорогѣ, проложенной по лѣсу. Поднялась страшная буря: конь мой отъ страху останавливался, ибо вдали раздавался вой волковъ, на которой собаки въ ближнихъ селеніяхъ отвѣчали протяжнымъ лаемъ....

Вотъ, скажете вы, прекрасное предисловіе къ рыцарскому похожденію! Бога ради, сбейся съ

пути своего, избавь какую нибудь красавицу отъ разбойниковъ, или заѣзжай въ древній замокъ. Хозяинъ его, старый дворянинъ, роялистъ, если тебѣ угодно, приметъ тебя какъ странника, угоститъ въ залѣ Трубадуровъ, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцырями, мечами и шлемами; хозяйка осыплетъ тебя ласками, станетъ распрашивать о родинѣ твоей, будетъ выхвалять дочь свою, прелестную, томную Агнесу, которая потупя глаза, покраснѣетъ какъ роза— а за десертомъ, въ угожденіе родителямъ, запоетъ древній романсъ о древнемъ рыцарѣ, который въ бурную ночь нашелъ пристанище у невѣрныхъ — ..... и проч. и проч. и проч. Напрасно, милый другъ! — Со мной ничего подобнаго не случилось. Не стану слѣдовать похвальной привычкѣ путешественниковъ. Не стану украшать истину вымыслами; а скажу просто: что не желая ночевать на дорогѣ съ волками, я пришпорилъ моего коня и благополучно возвратился въ деревню Болонь, откуда пишу эти строки въ сладостной надеждѣ, что онѣ напомнятъ вамъ о странствующемъ пріятелѣ. — Сказанъ походъ — вдали слышны выстрѣлы. Прощайте! —

26 Февраля, 1814.

NNN
К. Евр. 1816 №6 (мар.) №136–149

XI.

ДВѢ АЛЛЕГОРІИ.

I.

Еслибъ досшашокъ позволялъ мнѣ исполняшь по волѣ всѣ мои прихоши, то я побѣжалъ бы къ Художнику N. съ полнымъ кошелькомъ, и предложилъ ему двѣ *мысли* для двухъ карпинъ. Вообще аллегоріи холодны, особливо шѣ, которыми Живописцы хошяшъ изобразишь историческія происшесшвія; но мои будушъ говоришь разсудку, пошому что онѣ ясны и точны: онѣ будушъ говоришь воображенію и сердцу, если Художникъ выразишь то, что я шеперь мыслю и чувсшвую.

Напишите, сказалъ бы я Живописцу, — который до сихъ поръ не написалъ ничего оригинальнаго, а только рабски подражалъ Рафаелю, но который можешъ изобрѣшашь, ибо имѣешъ умъ, сердце и воображеніе, — напишите мнѣ Генія и Фортуну, обрѣзывающую у него крылья.

Х. А! Я васъ понимаю! *(не много подумавъ).* Вы хотите изобразить жестокую побѣду нещастія надъ талантомъ. — Генія Живописи....

Я. Я не назначаю именно какого Генія; отъ васъ зависитъ выборъ: Генія Поэзіи, Генія Войны, Генія Философіи, Науки или Художества, какого вамъ угодно; только Генія пламеннаго, пылкаго, наполненнаго гордости и себяпознанія, котораго взоръ орлиный проницаетъ, объемлетъ Природу, ему подчиненную; котораго сердце упоенъ въ сладострастіи чистѣйшемъ и неизъяснимомъ для простаго смертнаго, при одномъ помышленіи о добродѣтели, при одномъ именованіи славы и безсмертія.

Х. (Съ радостію взявъ мѣлъ, подбѣгаетъ къ грунтованному холсту). Я васъ понимаю, очень понимаю....

Я. Я увѣренъ, что Художникъ N. меня пойметъ, когда дѣло идетъ о славѣ.

Х. (Взявъ меня за руку и краснѣя при каждомъ словѣ). Вы не повѣрите, какъ я люблю славу: стыдно признаться; но вы хотите... *(чертитъ мѣломъ абрисъ фигуры)* вы хотите....

Я. Генія. Чтобъ изобразить живо, какъ я его чувствую, прочитайте жизнь Ломоносова, этого рыбака, который, по словамъ другаго Поэта, изъ простой хижины шагнулъ въ Академію;

прочитайте жизнь Петра Великаго, который самъ себя создалъ и потомъ Россію; прочитайте жизнь чудеснаго Суворова, котораго душу, сердце и умъ Природа отлила въ особенной формѣ, и потомъ изломала ее въ дребезги; взгляните, если угодно, на творенія вашего Рафаеля, въ памяти котораго помѣщалась вся Природа! Напитавши воображеніе идеаломъ величія во всѣхъ родахъ, пишите смѣло; вашъ Геній будетъ Геній, а не фигура Академическая. Теперь вообразите себѣ, что онъ борется съ враждебнымъ рокомъ; запутайте его ноги въ сѣтяхъ нещастія, брошенныхъ коварною рукою Фортуны; пусть слѣпая и жестокая богиня обрѣзываетъ у него крылья съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ Лахезиса прерываетъ нить жизни Героя, или лучшаго изъ смертныхъ — Сократа или Моро, Ласъ-Казаса или Еропкина, благодѣтеля Москвы.

Х. Я разумѣю. Фортуну изображу, какъ обыкновенно: съ повязкою на глазахъ, съ колесомъ подъ ногами.

Я. Это ваше дѣло! Теперь замѣтьте, что побѣжденный Геній попушаетъ свой пламенникъ. Нѣтъ крыльевъ, нѣтъ и пламенника!

Х. Справедливо.

Я. Но за то, нѣтъ слезъ въ очахъ, ни малѣйшихъ упрековъ въ устахъ божественнаго. Чув-

ство негодованія, и — если можно слишь другое чувство, совершенно тому противное — сожалѣніе объ утраченной Славѣ, которая съ ужасомъ направляетъ полетъ свой, куда перстъ Фортуны ей указуетъ.

Х. Геній мой будетъ походить на Аполлона Дельфійскаго....

Я. Если бы Аполлонъ промахнулся, мѣшая въ чудовище, то выраженіе лица его могло бы имѣть нѣкоторое сходство съ лицемъ несчастнаго Генія, у котораго Фортуна обрѣзала крылья.

Х. *(Задумавшись, и потомъ съ глубокимъ вздохомъ).* Я васъ понялъ совершенно: Художникъ не всегда былъ баловнемъ Фортуны. Мы всѣ, дѣти Аполлоновы, менѣе или болѣе боролись съ несчастіемъ. Многіе побѣдили его, многіе утратили свои крылья въ жестокой борьбѣ, и пламенникъ шаланпа потухъ самъ собою. Вы будете довольны картиною. Теперь же стану ее компоновать. Прощайте. —

II.

Я. Картина ваша прелестна! Для васъ Геній не потушилъ своего пламенника, когда вы изображали его божественное лице.

Х. Я доволенъ: но спросите у меня, какъ я спрадалъ! Сколько печальныхъ мыслей бродило въ головѣ моей, когда я изображалъ Генія, потушившаго пламенникъ свой, и лице этой неумолимой, безразсудной Фортуны, которая, исполняя долгъ свой, такъ спокойна, *ибо не въдаетъ, что творитъ!* — она съ повязкою на глазахъ. Вѣрите ли, что сердце мое обливалось кровью, при одной мысли объ участи Художниковъ, которые въ отечествѣ своемъ не находятъ пропитанія....

Я. (Разсматривая картину). Прекрасно!... Но знаете ли, что можно воскресить вашего Генія?

Х. *(Съ радостію).* Воскресить?

Я. Выслушайте меня: я шелъ однажды въ дикомъ лѣсу и поперялъ дорогу. Выхожу на свѣтъ, вижу пещеру, осѣненную густыми вѣтвями, и въ этой пещерѣ... вашего Генія.

Х. Моего Генія?

Я. Онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости, опершись на одну руку. Потухшій свѣтильникъ лежалъ у ногъ, а кругомъ — обрѣзанныя крылья, которыя развѣвалъ пустынный вѣтеръ, съ шумомъ пролетающій въ пещерѣ: я ужаснулся.

Х. Далѣе. —

Я. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди страдальца; онъ взглянулъ на потухшій пламенникъ,

и мнѣ показалось, что слезы его падали на холодный помостъ пещеры.

Х. Слезы, одному дарованію извѣстныя! Такъ плакалъ умирающій Рафаель! Далѣе....

Я. Вдругъ вся пещера освѣтилась необыкновеннымъ сіяніемъ. Вступаютъ два божества: Любовь и Слава. За ними влечется окованная Фортуна.

Х. Опять эта слѣпая колдунья!

Я. Вы ошибаетесь. Любовь оковала ее, сдернула повязку съ очей и привела въ пещеру, гдѣ страдалъ бѣдный Геній.

Х. Я воображаю удивленіе Фортуны, которая въ первый разъ въ жизни разглядѣла глупость, сдѣланную въ слѣпотѣ.

Я. Слава отдаетъ свои крылья Генію; Любовь зажигаетъ его пламенникъ; Геній прощаетъ изумленной Фортунѣ, и въ лучахъ торжественнаго сіянія воспаряетъ медленно къ небу.

Х. Вотъ картина!

Я. Вы угадали. — Берите живописную кисть вашу.

Х. Я напишу эту картину. Эта работа облегчитъ мое сердце.... Такъ! надобно, непремѣнно надобно воскресить бѣднаго Генія!

XII.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ.

Письмо къ Редактору Вѣстника Европы.

(Вас. Андр. Жуковскому)

Пускай упверждаюпъ, чпо хопяпъ, прихопливые люди и спрогіе умы; а я упверждаю, М. Г., чпо Науки и Словесноспь у насъ въ самомъ блисшапельномъ сосшояніи. — Укажу вамъ на книгопродавцевъ. Посмоприпе, какъ они разживаюпся: *то домикъ выспроятъ, то купятъ деревеньку.* Чѣмъ же? — Торговлею. Какою? Книжною. Слѣдспвенно у насъ пишупъ, у насъ чипаюпъ, и изъ одного слѣдспвія къ другому я могу вывесши, чпо Словесноспь Русская въ самомъ цвѣшущемъ сосшояніи. Вопъ чпо хопѣлъ я доказапь и чпо вы знаепе безъ моихъ доказапельспвъ: ибо вы, М. Г., наблюдаепе посшоянно ходъ нашихъ успѣховъ, какъ Асшрономъ наблюдаепъ шеченіе любимой планепы. Вы замѣшили конечно, чпо мы заняли всѣ пупи къ славѣ, и многія напе-

рiи исчерпали до дна, такъ что нашимъ потомкамъ надобно будетъ умирать отъ жажды. — Простите мнѣ это выраженіе, и сосчитайте со мною Эпическія Поэмы, въ честь Петра Великаго написанныя. — Считайте отъ Ломоносова до Сл***скаго и далѣе, отъ кедра до иссоповъ, и замѣтьте, что всѣ Поэмы исполнены красотъ, что въ нихъ все было сказано, кромѣ того только, что Ломоносовъ намѣревался сказать и не успѣлъ; но это сущая бездѣлка! Теперь прошу взглянуть на обширную область Таліи и наконецъ Мельпомены, которая безпрестанно обогащается новыми пріобрѣтеніями и скоро испощитъ всю священную древность отъ сотворенія міра. — У Французовъ одна Аталія; у насъ, благодаря усердію Писателей, не одна трагедія переноситъ насъ въ землю Іудейскую. Я ни слова не скажу о Россійскомъ Театрѣ, на которомъ основана слава нашихъ праотцевъ, о журналахъ, романахъ и проч., изданныхъ назадъ тому двадцать лѣтъ и болѣе. — Ихъ мало читаютъ; но время доказало, что они безсмертны: они уцѣлѣли въ пожарѣ Столицы. Добро не горитъ, не тонетъ — говоритъ пословица. Сердце мое дрожитъ отъ радости, когда я начинаю исчислять на досугѣ всѣ наши сокровища. Тогда я похожу на Антикварія, который, не дѣлая никакого упо-

пребленія изъ своего золота, любуется имъ и говоритъ: вотъ червонецъ! вотъ рубль! вотъ старинная монета! такого-то года! при такомъ-то Царѣ! Кто ее откопалъ? изъ какого рудника это золото? кто употреблялъ эту монету? А я говорю: вотъ Трагедія 1793 года! Кто ее писалъ? кто читалъ ее? — Творца не мудрено отыскать по творенію; но читателей найти не легко: мы еще не любимъ *отечественнаго*. Что нужды мнѣ до другихъ! Я день и ночь роюсь въ моихъ книгахъ; разставляю ихъ по порядку хронологическому, и горжусь моимъ богатствомъ. Чего у насъ нѣтъ? Боже мой! Найдите хотя одинъ предметъ, одну отрасль ума человѣческаго, которую бы мы *не обработали* по своему? Поэзіи — море! и поле Краснорѣчія необозримое! — Загляните только въ Журналы, но безъ предубѣжденія, и вы найдете — сокровища! Здѣсь похвальное слово такому-то, тамъ надгробное слово такому-то; здѣсь привѣтствіе, тамъ благодарный гласъ общества: *и все то благо, все добро!* Всѣ Герои, всѣ Полководцы, всѣ Писатели увѣнчаны пальмами Краснорѣчія, и шагаютъ торжественно въ храмъ безсмертія. — Мы не ограничили себя великими людьми; мы хвалили даже блохъ (*), и будемъ хвалить все, что пресмы-

(*) Смотри Вѣстникъ Европы 1810 года. —

кается и ползаетъ въ царствѣ животныхъ. — И такъ мудрено ли, что какому-то чудаку вздумалось написать Похвальное Слово Сну? Случай мнѣ доставилъ исправный списокъ и вовсе не похожій на тотъ, который напечатанъ въ вашемъ Вѣстникѣ. Если вы найдете, что читатели ваши не заснутъ надъ этимъ панегирикомъ, то покорнѣйше прошу напечатать его въ Журналѣ и сохранить для потомства, которое конечно благодарнѣе современниковъ, завистливыхъ, строгихъ и вовсе неспособныхъ цѣнить дарованія. Это не мои слова, М. Г., а моего пріятеля Н. Н..., который пишетъ стихи и прозу, но только не печатаетъ ихъ въ вашемъ Журналѣ, и потому вамъ неизвѣстенъ. —

Имѣю честь быть и проч.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 18.. году, лѣтъ нѣсколько до нашествія просвѣщенныхъ и ученыхъ Вандаловъ на Москву, жилъ на Пресненскихъ прудахъ нѣкто N. N., оригиналъ весьма опличный отъ другихъ оригиналовъ Московскихъ. — Всю жизнь провелъ онъ лежа, въ совершенномъ бездѣйствіи тѣлесномъ и, сколько возможно было, душевномъ. Умъ его, хотя и образованный воспитаніемъ и прилѣжнымъ чтеніемъ, не хотѣлъ, или не въ состояніи былъ побѣдить упрямую натуру. — Имѣя большой достатокъ при щастливыхъ обстоятельствахъ (которыя единственно могутъ сохранить въ полнотѣ характеръ человѣка), онъ не имѣлъ нужды покоряться условіямъ общества и требованіямъ должностей. Онъ дѣлалъ, что хотѣлъ; а хотѣлъ одного спокойствія. — Великій Конде говаривалъ: если бы я былъ царемъ моей постели, то никогда бы съ нее не вставалъ. — Нашъ оригиналъ былъ совершенный царь своей постели. — Цѣлой день онъ лежалъ то на одномъ боку, то на другомъ, и всю ночь лежалъ! Рѣдко, очень рѣдко мы видѣли его сидящаго у окна съ длинною Турецкою трубкою, въ Татарскомъ, или Китайскомъ шлафрокѣ, и то когда онъ занимался домашними дѣлами. Два чтеца попеременно читали ему книги:

ибо лѣнь не позволяла заниматься самому чтеніемъ; но лѣнь не мѣшала дѣлать добро. Онъ сыпалъ золото нищимъ, и подъ непроницаемою корою безстрастнаго спокойствія таилъ горячее сердце. Въ уединенномъ кварталѣ города онъ воспитывалъ на свой счетъ двѣнадцать бѣдныхъ дѣвушекъ, кормилъ и одѣвалъ нѣсколько заслуженныхъ воиновъ и — странное дѣло! — не лѣнился посѣщать ихъ по воскреснымъ днямъ. »Опъ этого лучше спится!« — говаривалъ онъ имъ, которые выхваляли его благотворительность. — Равнодушный ко всему, онъ слушалъ спокойно самыя важнѣйшія новости; но при разсказѣ о несчастномъ семействѣ, о страданіи человѣчества, вдругъ оживлялся, какъ разбитый параличемъ опъ прикосновенія электрическаго прутика. Впрочемъ онъ былъ самый безстрастный *автоматъ:* никого не обижалъ, ни съ кѣмъ не заводилъ тяжбы, ни надъ кѣмъ не смѣялся, никому не пропиворѣчилъ, не имѣлъ никакихъ страстей: страсть его была лѣнь. Скучалъ ли онъ? Утвердительно опричать не могу; но заключаю, что скука ему была извѣстна, и вотъ по какому обстоятельству. — Однажды онъ послалъ за мною. »Садись или ложись на диванъ;« сказалъ онъ, указывая на Турецкую постелю: »я намѣренъ ѣхать въ деревню, и воспользоваться первымъ весеннимъ воздухомъ.

Снѣгъ растаялъ и стукъ по мостовой каретъ и дрожекъ начинаетъ меня безпокоить. Но въ деревнѣ не льзя быть безъ общества; сосѣди мои люди дѣятельные; съ ними надобно говорить, ѣздить на охоту, заводить тяжбы, мирить, ссорить и пр. и пр.... о! это меня разстроитъ совершенно! Двери на крюкъ сосѣдямъ. Съ кѣмъ же я буду убивать время? Съ такими друзьями, какъ вы, напримѣръ!« Я привспалъ и хотѣлъ благодарить за учтивость; но лѣнивецъ мой замахалъ обѣими руками и продолжалъ. »Я знаю въ Москвѣ человѣкъ до шести, людей пріятныхъ въ обществѣ, и совершенно праздныхъ. Двое изъ нихъ могутъ назваться по справедливости добрыми людьми. Лѣность не позволяетъ другимъ пускаться на злыя дѣла: и это хорошо! Мы пригласимъ ихъ къ себѣ. Но теперь надобны женщины: вотъ истинное затрудненіе. Безъ женщинъ общество мужчинъ скоро наскучитъ.... А гдѣ найти женщинъ лѣнивыхъ?« — Боже мой! какъ не найти!— вскричалъ я. »То есть лѣнивыхъ по моему образу мыслей;« возразилъ N. N., покачавъ головою и насупя брови: »ихъ языкъ вѣчно дѣятеленъ, въ вѣчномъ движеніи; это рпуть, это бѣлка на привязи у колеса, это маятникъ, который... (лѣность или доброта сердца не дозволили кончить сравненій). Но такъ и быть, продолжалъ лѣнивый

съ глубокимъ вздохомъ: я согласенъ пригласить вдову пріятеля моего Генерала А. съ двумя дочерьми, добрыми и любезными дѣвушками. Дружба меня сдѣлаетъ снисходительнымъ. Толстая жена откупщика нашего Ж. съ племянницею; лѣнивая Софья, ея дородная сестра, не будутъ лишнія. Впрочемъ мы не наскучимъ другъ другу: свобода все украситъ. Общество мое пусть называютъ какъ хотятъ Московскіе насмѣшники; но оно будетъ пріятно мнѣ и гостямъ. Возьми же листъ бумаги, милый другъ, и пиши учрежденіе Общества Лѣнивыхъ.« — Я взялъ перо и бумагу, и написалъ подъ диктатурою нашего лѣнтяя условія, подъ коими всѣ Члены согласились подписать свои имена, и мы на канунѣ 1-го Мая отправились въ подмосковную....

Въ шестидесяти верстахъ отъ города, на концѣ густаго сосноваго лѣса, котораго спокойствіе ничто не можетъ нарушить, стоитъ большой господской домъ, архитектуры изрядной. Къ нему примыкаетъ озеро, усѣянное островами. Вдали синѣетъ колокольня уѣзднаго городка и нѣсколько деревень. Кажется, что все было пожертвовано тишинѣ въ сей мирной обители: всѣ службы, начиная съ кухни до конюшни, расположены въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой и закрыты рощицами. Передъ окнами боль-

шія *плакущія* ивы, березы и цвѣтники, засѣянные Китайскимъ макомъ. — Здѣсь все посвящено лѣни, все пипаетъ ее, все приглашаетъ ко сну: подъ каждымъ спарининымъ деревомъ дерновая скамья; въ каждой бесѣдкѣ канапе, или постель, съ большими занавѣсами и со всѣми предосторожностями отъ комаровъ и мошекъ; а на дверяхъ надпись изъ нашего Пиндара-Анакреона:

Сядь, милый гость! здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ, отдохни;
Въ семъ тонкомъ пологу, перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ стола немножко:
Пріятно часикъ похрапѣть!
Златой кузнечикъ, сѣра мошка,
Сюда не могутъ залетѣть! —

Ни крикъ пѣтуховъ, ни стукъ топора, ни топотъ, ни конское ржаніе, ничто не нарушаетъ глубокаго молчанія. — Кромѣ ручья, журчащаго подъ навѣсомъ берега, кромѣ озера, которое ласкаетъ тихимъ плесканіемъ пологіе берега свои, вы ничего не слышите. Сія тишина бываетъ прервана, или очарована роговою музыкою, которая при закатѣ солнца провожаетъ умирающій день, и нѣжными, сладостными и протяженными звуками приготовляетъ сладкое усыпленіе и весе-

лыя мечты хозяину помѣстья. — Но это рѣдко случается: ибо онъ боится безпокоить своихъ музыкантовъ. — У него нѣтъ ни одного дѣятельнаго или суетливаго человѣка: все подчинено какимъ-то правиламъ особеннаго порядка; одинъ поваръ имѣетъ право разнообразить наслажденія Эпикурейца. Я не стану описывать его дома. — Каждый угадаетъ, что онъ покоенъ, тепелъ и не слишкомъ свѣтелъ, ибо Архитекторомъ располагалъ по своей волѣ прихотливый хозяинъ. Но одна зала достойна вашего замѣчанія. — Ея большія полуовальныя окна осѣнены со всѣхъ сторонъ густыми вѣтвями вязовъ и липъ, которыя въ Іюнѣ наполняютъ бальзамическимъ испареніемъ своихъ цвѣтовъ окрестный воздухъ. Всѣ стѣны обширной залы украшены картинами. Двѣ — изображаютъ Идиллiи изъ золотаго вѣка; другія рожденіе Морфея, его пещеру и владычество его надъ небомъ и землею. Здѣсь видите Смерть въ видѣ усыпленнаго Генія; тамъ Эрминію, отдыхающую у пастуховъ; спящаго Эндиміона, который, кажется, весь осребренъ сіяніемъ влюбленной Діаны, и во снѣ вкушаетъ сладости, неизъяснимыя языкомъ смертнаго. Здѣсь вы видите мальчика, уснувшаго на краю колодца; Фортуна поддерживаетъ его рукою, но такъ осторожно, что, кажется, боится разбудить безпечнаго: пре-

лестное изображеніе счастливцевъ и баловней слѣпой богини, которые забываются на краю своей гибели! Наконецъ, на колоннадѣ, украшающей преддверіе залы, вы читаете имена знаменитыхъ лѣнивцевъ: Лукулла, Сарданапала, Анакреона, Лафонтена, Шоліо, Лафара, тутъ же имена Русскихъ Стихотворцевъ, и имя того, который пишетъ прелестныя Басни и Комедіи, и необоримую лѣность свою умѣетъ украшать прочнѣйшими цвѣтами Поэзіи и Философіи.

Въ этой залѣ открыто первое засѣданіе Общества Лѣнивыхъ; нѣсколько словъ было сказано хозяиномъ; данъ имъ знакъ, и одинъ изъ Членовъ, Оракоръ Лѣнивыхъ, произнесъ Похвальное Слово Сну.

Похвальное Слово Сну.

Пока еще сладостный сонъ не сомкнулъ рѣсницъ вашихъ, и полуоткрытые глаза могутъ взирать на Оратора, лежащаго на мягкомъ пуховикѣ, посреди храмины, посвященной лѣности, почтенные слушатели и прекрасныя слушательницы! преклоните ухо ваше къ словамъ моимъ.— Не грозныя битвы, не шумъ воинскій, не гибельные подвиги Героевъ, обрызганныхъ кровію, подвиги, клонящіеся къ отнятію сна у бѣдныхъ

человѣковъ, нѣтъ! я хочу выхваляпть способность спать; и ежели душа есть источникъ прекрасныхъ мыслей, то повѣрьте, что рѣчь моя, истекающая изъ оной, должна вамъ нравиться: ибо душа моя исполнена любовію къ благодарному богу лѣсовъ Кимверинскихъ. —

(Громкія рукоплесканія раздались въ залѣ. Ораторъ покраснѣлъ отъ радости. Женщины шептали между собою и поглядывали на него съ усмѣшкою. Хозяинъ закричалъ: вниманіе! вниманіе! какъ Членъ Парламента, требующій вниманія посреди шумнаго народа, когда Фоксъ и Питтъ разсуждали о войнѣ или мирѣ. — Все умолкло, и Ораторъ продолжалъ):

Вы улыбаетесь, слушатели, вы отдѣляете медленно головы свои отъ мягкихъ подушекъ, чтобы не пропустить ни одного слова краснорѣчиваго Виніи; и я, ободренный симъ геройскимъ подвигомъ, смѣло вступаю въ обширное море краснорѣчія, бурное море, въ которомъ погибала слава многихъ новѣйшихъ и древнихъ говоруновъ. —

Кто не спитъ, слушатели, кто не вкушаетъ сладости сна? Злодѣй, преступникъ! ибо и невинный, приговоренный къ смерти, и нещастный страдалецъ подъ бременемъ бѣдности и зла, — и они смыкаютъ вѣжды свои, омоченныя слезами,

и они усыпляютъ свои горести. — Сладостное усыпленіе, истинный даръ небесъ, оставшійся на днѣ сосуда неосторожной Пандоры! ты вмѣстѣ съ надеждою, твоею сестрою, украшаешь жизнь волшебными мечтами!... Ахъ! сонъ есть свидѣтель и порука совѣсти нашей! *Сонъ, надежда, и добрая совѣсть*, какъ три Хариты неразлучны: они суть братья и сестры одного семейства. Бросьте взоръ свой на сего спящаго младенца: (здѣсь Оратоpъ — указалъ на картину) Это ангелъ, который покоится на лонѣ невинности; розы горятъ на ланитахъ малютки; уста его улыбаются... они ищутъ, кажется, поцѣлуевъ матери: дыханіе ихъ легко и сладостно, какъ дыханіе утренняго вѣтерка, посѣтившаго благоуханную розу.

Спи же, малютка! пока страсти и люди, *ненавистники сна*, не лишили тебя способности спать, и пока Фортуна поддерживаетъ тебя благодѣтельною рукою на краю зіяющей бездны!

Взгляните на сонъ благотворительнаго смертнаго: онъ тихъ и спокоенъ, какъ ночь весенняя. (Оратоpъ взглянулъ на хозяина, который съ трудомъ могъ сокрыть сладкія слезы на глазахъ). Душа его, которой ничто не препятствуетъ излиться наружу, дышетъ на его устахъ, на ясномъ челѣ его, даже на опущенныхъ рѣсницахъ. —

Сердце его *утопаетъ* въ весельи, пульсъ его ударяетъ тихо и ровно, — онъ щастливъ, онъ совершенно благополученъ: ибо онъ учинилъ доброе дѣло, ибо сонъ напоминаетъ ему нещастнаго, котораго онъ извлекъ изъ пропасти, съ которымъ плакалъ наединѣ. — Кажется, Ангелъ-хранитель присутствуетъ у ложа праведника и отгоняетъ благовонными крилами мечты и призраки; кажется, сама Надежда сплетъ на него цвѣты свои обильною рукою, и онъ, сказать ли горькую истину? онъ просыпается едва ли столько щастливъ: ибо первый взоръ его часто, очень часто встрѣчаетъ неблагодарнаго. Что нужды? онъ уже наслаждался во снѣ!

(Мы замѣтимъ, что хозяинъ, вздохнувъ очень горестно, прошепталъ между прочимъ: друзья мои! я жалѣю опъ искренняго сердца о томъ, кто не заснулъ послѣ добраго дѣла).

Взгляните теперь на орапая, который засыпаетъ на жесткомъ ложѣ; взгляните на поденщика, который, окончивъ прудъ свой, бросается на голый камень, и съ ношею плечь своихъ слагаетъ все бремя душевное; взгляните на рапника, упружденнаго походомъ, дождемъ, холодомъ: онъ нѣсколько дней сражался со стихіями и со смертію, кровь и потъ лились ручьями, голодъ изнурялъ его; но онъ заснулъ — и все забыто,

и онъ щасливѣе Сатрапа, засыпающаго тонкимъ сномъ на персяхъ восточной Одалиски. Скажите мнѣ теперь: что награждаетъ страдальцевъ сихъ за труды, потъ и раны? Конечно не скупыя награды царей и вельможъ, но сонъ, благодѣтель человѣковъ!

Кто изъ насъ не любилъ, и кто не спалъ вопреки любви своей?

(Послѣ этого вопроса краткое молчаніе. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ потупила черные глаза, другая покраснѣла. Старая вдова А. открыла табакерку и поднесла ее съ ласковою улыбкою хозяину, устремивъ на него страстные взоры, которые, казалось, дѣлали слѣдующій вопросъ: и ты любилъ меня въ молодости, другъ мой, но любовь не лишала тебя сна; не правда ли? — Оракоръ продолжалъ).

Сладостенъ сонъ любовника: онъ видитъ бархатные луга, орошенные ручьями, сады Армидины, царство Луны и Сильфовъ; всѣ предметы и всѣ мѣста украшены присутствіемъ его возлюбленной. Вездѣ она съ нимъ, ходитъ рука съ рукою, вездѣ неразлучна, и въ хижинѣ, и въ палатахъ, и въ обществѣ, и въ пустынѣ. Сонъ и самыя печали услаждаетъ. Любовница тебѣ измѣнила, или новая Галатея невнимательна къ твоимъ пѣснямъ; цѣломудренна какъ Цинтія, или какъ Зиновія,

едва, едва склоняешъ къ тебѣ суровые взоры?... Утѣшься, печальный страдалецъ! я не спану тебѣ совѣтовать вооружаться терпѣніемъ Стоика, или потоплять любовь свою въ чашѣ вина (*), или забыть вѣроломную. Но никто не отнималъ у тебя сна, никто не лишалъ тебя способности усыплять сердце твое посредствомъ сладостныхъ мечтаній? Спи же, любовникъ, спи отъ вечера до утра, отъ утра до вечера, и, къ наказанію твоей каменной Лауры, ты вѣрно когда нибудь проснешься съ прежнимъ спокойствіемъ, съ прежнимъ равнодушіемъ: ибо сонъ, успокоивая страсти, истребляетъ даже ихъ вредное начало. Что есть сердце наше? Море. Удержи дыханіе вѣтровъ, и оно спокойно.

(Море — сердце — дыханіе вѣтровъ — спокойно!... повторяли слушатели, и громкія рукоплесканія раздались въ залѣ).

Природа, благая мать смертныхъ! ты начинаешь наказывать преступника, оскорбителя правъ твоихъ, прежде законовъ человѣческихъ. — Взгляните на юношу, который въ первый разъ нарушилъ священные законы нравственности: взоръ его пасмуренъ, нетерпѣливъ; онъ ищетъ чего-то, ибо убѣгаетъ самаго себя, сего *внутренняго полубога*, котораго мы носимъ въ груди сво-

(*) Ou bien buvez, c'est un parti fort sage. Volt.

ей; онъ ищетъ разсѣянія въ шумномъ свѣтѣ, въ опасныхъ удовольствіяхъ, и горе ему, если новыя преступленія изгладятъ слѣды первыхъ! Но если, ведомый рукою совѣсти, онъ скроется на минуту отъ взоровъ человѣческихъ, и тамъ, въ безмолвномъ уединеніи, предастся размышленію: то слезы — вѣстники добраго сердца — слезы раскаянія омочатъ его ланиты, душа его успокоится, прояснѣетъ, подобно мутной водѣ, яснѣющей отъ времени въ чистомъ сосудѣ; душа его придетъ въ лучшее состояніе, и сонъ, — награда великаго, добраго дѣла, — сонъ заключитъ его въ *мягкія объятія:* ибо сонъ, вопреки всѣмъ наблюдателямъ страстей человѣческихъ, идетъ непосредственно за первымъ раскаяніемъ, — явная премудрость попечительнаго Промысла, который вручаетъ язвы сердца нашего посредствомъ благотворнаго усыпленія.

Но теперь, какія ужасныя картины представляются взорамъ нашимъ? Преступникъ, преступникъ закоренѣлый въ злодѣяніяхъ! Гласъ оскорбленной Природы подобно грому раздался въ его сердцѣ, и гласъ сей былъ ужасенъ: *злодѣй! ты не будешь спать!* Вотъ приговоръ тиранамъ, сластолюбцамъ, рушителямъ спокойствія общественнаго! Повторимъ сильныя слова Латинскаго Стихотворца: »Уже ли страшный ревъ быка Фаларидова, уже ли мечъ, прицѣпленный къ златому

крову и висящій надъ главою вѣнчаннаго тирана, страшнѣе, ужаснѣе грызеній совѣсти того несчастнаго, который блѣднѣя говоритъ, и столь тихо, что жена, лежащая съ нимъ на одномъ ложѣ, слышать не можетъ: я бѣгу, бѣгу къ погибели?« Знали ли сонъ Діонисій Сиракузскій и тѣ изверги природы, тѣ ряды вѣнчанныхъ злодѣевъ Рима, которыхъ, какъ говоритъ Расинъ, одно имя есть ужасная обида ужасному тирану? Вкушалъ ли сонъ и тотъ счастливый злодѣй Британіи (Кромвель), котораго жизнь была загадка, который, подобно древнему тирану, укрывался каждый день въ новомъ убѣжищѣ? Между тѣмъ какъ Герой Сѣвера, сей великій мужъ, котораго жизнь достойна пера Плутархова — ибо малѣйшее его дѣяніе есть подвигъ ума — между тѣмъ, говорю я, какъ Суворовъ спалъ на плащѣ подъ открытымъ небомъ, въ виду огней непріятельскихъ и на канунѣ рѣшительнаго сраженія!

И такъ, почтенные слушатели! способность спать во всякое время есть признакъ великой души (Надобно замѣтить, что это весьма понравилось Собранію Лѣнивыхъ). Древность, неисчерпаемый источникъ истины и басенъ, Древность, хранилище опытности, развертываетъ передъ нами свои харатіи. — Примѣры обильны и убѣдительны. Александръ на канунѣ ужасной битвы

съ Дарiемъ засыпаетъ ввечеру; Парменiонъ принужденъ его будить: ибо знамена Персскiя блистали уже вблизи стана Греческаго. Катонъ имѣлъ привычку засыпать при наступленiи опасности: ибо ничто не могло поколебать великаго духа Героя Стоиковъ. Mediis tempestatibus placidus. Августъ спитъ мертвымъ сномъ во время упорнаго морскаго сраженiя, происходившаго у береговъ цвѣтущей Сицилiи. Марiй — и что всего чудеснѣе — Марiй засыпаетъ подъ деревомъ во время послѣдней битвы съ Силлою, и тогда только сонъ покидаетъ неустрашимаго вождя, когда сонмы непрiятелей обратили въ бѣгство его воинство. Гибельный сонъ, но не менѣе того славный! Мудрый Эпименидъ, если вѣрить Историкамъ *(когда не вѣрить имъ, то вѣрить ли кому?)* проспалъ 57 лѣтъ сряду; и я вамъ клянусь Геродотомъ, отцомъ Лѣтописцевъ, что есть народы на Сѣверѣ, которые спятъ въ теченiе шести зимнихъ мѣсяцевъ, подобно суркамъ, не просыпаясь. Ученые отыскали, что сiи народы обитали въ Россiи; и это не подлежитъ теперь ни какому сомнѣнiю, по крайней мѣрѣ въ Обществѣ нашемъ.

Изъ всего мною сказаннаго ясно извлекается слѣдующее заключенiе: сонъ есть признакъ великаго духа и доброй души. Доброй души — ибо сонливый человѣкъ не способенъ дѣлать зла, ко-

торое требуетъ великихъ усилій, безпокойства и безпрестанной дѣятельности. — Посмотрите, какъ говоритъ о безпечномъ снѣ Лафонтенъ, жертвовавшій ему половиною жизни своей, и котораго добродушіе вошло въ пословицу:

Je ne dormirai point sous de riches lambris:
Mais voit-on que le somme en perde de son prix?
En est-il moins profond, et moins plein de délices?
Je lui voue au desert de nouveaux sacrifices.

Но почему сонъ есть стихія лучшихъ Поэтовъ? отъ чего они предаются ему до излишества, забываютъ все — и славу, и потомство, и золотое правило Древности, которое говоритъ именно, что праздность безъ науки — смерть, otium sine litteris mors est? Вопросъ важный, достойный вниманія мудрецовъ и котораго я рѣшить не смѣю, боясь вооружить противъ себя неусыпныхъ, но усыпительныхъ Писателей, которые — о святотатство! — и самое божество Ночи (*) оскорбляютъ кропаніемъ стиховъ. Знаю только, что Поэты всегда прославляли сладость сна; подобно нѣжнымъ дѣтямъ, ласкающимъ добраго родителя, они давали ему множе-

(*) У древнихъ Ночь была старѣйшимъ всѣхъ божествомъ.

сиво пріятныхъ названій: сонъ упѣшишель смертныхъ! отрадный! тихій! сладостный и пр. Начиная отъ Омера, всѣ они, всѣ до одного описывали менѣе или болѣе, хуже или лучше сіе успокоеніе души и тѣла. Тибуллъ, котораго вся жизнь была одно сладостное мечтаніе безъ пробужденій (прости мнѣ это выраженіе), Тибуллъ не въ одномъ мѣстѣ выхваляетъ сонъ. — Я всегда съ живымъ удовольствіемъ привожу на память стихи его:

Подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою даритъ.
Сквозь солнце иногда дождь мелкой чуть шумитъ:
Я слушая его, помалу погружаюсь
Въ забвеніе и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь.

Дмитріевъ.

Какая истинная любовь къ наслажденіямъ тихимъ! какая любовь ко сну! Далѣе:

Иль въ мрачну, бурну ночь въ объятіяхъ драгой
Не слышу и грозы, шумящей надо мной!
Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!

Дмитріевъ.

Первые два стиха показываютъ мастера наслаждаться; послѣдній принадлежитъ къ малому числу стиховъ, написанныхъ отъ души.

Ахъ! почтенное сословіе сонныхъ! если бы я не боялся траты времени, которое можно посвятить съ такою пользою на сонъ;...

(И въ самомъ дѣлѣ Ораторъ началъ замѣчать нѣкоторую наклонность ко сну въ своихъ благосклонныхъ слушателяхъ. Лучшія, краснорѣчивыя слова, имѣютъ странное дѣйствіе на лѣнивыхъ духомъ, дѣйствіе, подобное журчанію ручейка: сперва нравятся, а потомъ клонятъ ко сну).

... Еслибъ томные глаза ваши не показывали, что онъ вамъ становится нужнѣе краснорѣчивѣйшаго панегирика.... (Этотъ второй членъ длиннаго періода былъ прерванъ сперва зѣваніемъ слушателей, а потомъ и самаго Оратора, который однакожъ сдѣлалъ геройское усиліе и продолжалъ): то вѣрно бъ я предложилъ вамъ убѣдительное сравненіе двухъ народовъ: одного воинственнаго, другаго мирнаго; одного, провождающаго дни и ночи на стражѣ съ копьемъ въ рукахъ; другаго, изгнавшаго изъ предѣловъ своихъ все, что клонится къ нарушенію сна: и пѣшуховъ, вѣстниковъ утра, и шумныя Художества, и снаряды воинственные; я сдѣлалъ бы сравненіе Спартанцевъ со щастливыми Сибаритами, и сравненіе мое клонилось бы въ пользу послѣднихъ; я доказалъ бы, что нѣтъ щастія въ

дѣятельности народной, и чрезъ то открылъ бы неисповѣдимыя истины и новое поле Политикамъ, поле вовсе неизвѣстное.

(При словѣ *Политика*, хозяинъ началъ зѣвать такъ сильно, что Оракоръ съ трудомъ кончилъ):

Но я вижу, что Морфей сыплетъ на васъ зернистый макъ свой! Я ощущаю и самъ тайное присутствіе бога Киммеринскаго. Крилѣ его сотрясаютъ благовонную росу на любимцевъ. . . . Перстъ его смыкаетъ уста мои . . . языкъ коснѣетъ . . . и я . . . . . засыпаю.

Любитель сна Дормидонъ Тихинъ.

В. Евр. 1816 №6 (мар.) стр. 81—102
подп. Галичъ
—1809—Мая 1.

XIII.

АРІОСТЪ и ТАССЪ.

Ученіе Италіянскаго языка имѣетъ особенную прелесть. Языкъ гибкій, звучный, сладостный, языкъ воспитанный подъ щастливымъ небомъ Рима, Неаполя и Сициліи, среди бурь политическихъ и потомъ при блестящемъ Дворѣ Медицисовъ, языкъ образованный великими Писателями, лучшими Поэтами, мужами учеными, Политиками глубокомысленными, — этотъ языкъ сдѣлался способнымъ принимать всѣ виды и всѣ формы. Онъ имѣетъ характеръ, отличный отъ другихъ новѣйшихъ нарѣчій и коренныхъ языковъ, въ которыхъ менѣе или болѣе примѣшна суровость, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто принадлежащее Сѣверу. — Великіе Писатели образуютъ языкъ; они даютъ ему нѣкоторое направленіе, они оставляютъ на немъ неизгладимую печать своего Генія: но обратно,

языкъ имѣетъ вліяніе на Писателей. Трудность выражать свободно нѣкоторыя дѣйствія Природы, всѣ оттѣнки ея, всѣ измѣненія, останавливаетъ не рѣдко перо искусное и опытное. — Аріостъ, напримѣръ, выражается свободно, описываетъ вѣрно все, что ни видитъ (а взоръ сего чудеснаго Протея обнимаетъ все мірозданіе); онъ описываетъ сельскую природу съ удивительною точностію, благовонные луга и рощи, прохладные ключи и пещеры полуденной Франціи, — лѣса, гдѣ Медоръ упомленный нѣгою почиваетъ на сладостномъ лонѣ Анжелики; роскошные чертоги Альцины, гдѣ Волшебница сіяетъ между Нимфами (si come è bello il sol più d'ogni stella!); все живетъ, все дышетъ подъ его перомъ. Переходя изъ тона въ тонъ, отъ картины къ картинѣ, онъ изображаетъ звукъ оружія, трескъ щитовъ, свистъ пращей, преломленіе копій, нетерпѣливость коней, жаждущихъ боя, единоборство рыцарей и невѣроятные подвиги мужества и храбрости; или брань стихій, и Природу всегда прелестную, даже въ самыхъ ужасахъ (bello è l'orrore)! — Онъ разсказываетъ, и разсказъ его имѣетъ живость необыкновенную. Всѣ выраженія его вѣрны и съ строгою точностію прозы передаютъ читателю блестящія мысли Поэта. Онъ шутитъ, и шутки его, легкія, веселыя, игривыя и часто не-

злобныя, растворены Аттическимъ остроуміемъ. Часто онъ предается движенію души своей, и удивляетъ васъ, какъ Ораторъ, порывами и силою мужественнаго краснорѣчія. Онъ трогаетъ, убѣждаетъ, онъ невольно исторгаетъ у васъ слезы; самъ плачетъ съ вами, и смѣется надъ вами и надъ собою; или увлекаетъ васъ въ міръ неизвѣстный, созданный его Музою; заставляетъ странствовать изъ края въ край, подниматься на воздухъ; — онъ вступаетъ съ вами въ царство Луны, гдѣ находитъ все утраченное подъ Луною и все, что мы видимъ на земноводномъ шарѣ: но все въ новомъ, премѣнномъ видѣ; снова спускается на землю, и снова описываетъ знакомыя страны, и человѣка и страсти его. — Вы безъ малѣйшаго усилія слѣдуете за чародѣемъ, вы удивляетесь Поэту и въ сладостномъ восторгѣ восклицаете: Какой умъ! какое дарованіе! а я прибавлю: какой языкъ!

Такъ, одинъ языкъ Италіянскій (изъ новѣйшихъ разумѣется) столь обильный, столь живый и гибкій, столь свободный въ словосочиненіи, въ выговорѣ, въ ходѣ своемъ, одинъ онъ въ сосіоніи былъ выражать всѣ игривыя мечты и вымыслы Аріоста, и какъ еще? въ тѣснѣйшихъ узахъ стихотворства (Аріостъ писалъ октавами). Но перенесите этого чародѣя въ другой вѣкъ,

менѣе свободный въ мысляхъ (*), болѣе порабощенный правиламъ сочиненія, основаннымъ на опытности и размышленіи, дайте ему языкъ Сѣвернаго народа, какой заблагоразсудите, — Англійскій, или Нѣмецкій, напримѣръ: — и я твердо увѣренъ, что Пѣвецъ Орланда не въ силахъ будетъ изображать Природу такъ, какъ онъ постигалъ ее и какъ описалъ въ своей Поэмѣ: ибо (еще повторю) Поэма его заключаетъ въ себѣ все видимое твореніе и всѣ страсти человѣческія: это Иліада и Одиссея; однимъ словомъ, Природа, порабощенная жезлу волшебника Аріоста (**). Но щастливому языку Италіи, богатѣйшему наслѣднику древняго Латинскаго, упрекаютъ въ излишней

(*) Аріостъ писалъ, что хотѣлъ, противъ Папъ. Онъ смѣялся надъ подложной харпіей, которою Императоръ Константинъ уступаетъ Викарію С. Петра Римъ въ потомственное правленіе, и книга его напечатана въ Римѣ — con licenzia superiori.

(**) Напрасно будутъ мнѣ указывать на Англійскихъ и Нѣмецкихъ Писателей, подражавшихъ Аріосту. Я отдаю полную справедливость Виланду, остроумному Поэту и зиждителю новаго языка въ своемъ отечествѣ; но скажу, и должно со мною согласиться, что въ Оберонѣ менѣе *вещей*, нежели въ Орландѣ; языкъ не столь полонъ, и заставляетъ всегда чего нибудь желать; Поэтъ не договариваетъ, и — весьма часто.

изнѣженности? Этотъ упрекъ совершенно несправедливъ и доказываетъ одно невѣжество; знатоки могутъ указать на множество мѣстъ въ Тассѣ, въ Аріостѣ, въ самомъ нѣжномъ Поэтѣ Валлакіузскомъ, и въ другихъ Писателяхъ, менѣе или болѣе славныхъ, множество стиховъ, въ которыхъ сильныя и величественныя мысли выражены въ звукахъ сильныхъ и совершенно сообразныхъ съ оными; гдѣ языкъ есть прямое выраженіе души мужественной, исполненной любви къ отечеству и свободѣ. Не одно — Chiama gli abitator — найдете въ Тассѣ; множество другихъ мѣстъ доказываютъ силу Поэта и языка. Сколько описаній видѣлъ въ Поэмѣ Торквато! И мы смѣло сказать можемъ, что сіи картины не уступаютъ, или рѣдко ниже картинъ Виргилія. Онѣ часто напоминаютъ намъ самаго Омера.

Посмотрите на это ужасное послѣдствіе войны, на груды блѣдныхъ тѣлъ, по которымъ бѣгутъ изступленные воины, преслѣдуя матерей,

---

Позвольте сдѣлать слѣдующій вопросъ: если бы Виландъ писалъ въ Ипалін, во время Аріоста, то какой видъ получила бы его Поэма? — Языкъ у Стихотворца то же, что крылья у птицы, что матеріалъ у ваятеля, что краски у живописца.

прижавшихъ трепетныхъ младенцевъ къ персямъ своимъ:

Ogni cosa di strage era già pieno;
Vedeansi in mucchj e in monti i corpi avvolti.
La i feriti su i morti, e quì giaceano
Sotto morti insepolti, egri sepolti.
Fuggian premendo i pargoletti al seno,
Le meste madre, co capêgli sciolti:
E'l predator di spoglie e di rapine
Carco, stringea le vergine nel crine. —

»Всѣ мѣста преисполнились убійствомъ. Груды и »горы убіенныхъ! Тамъ раненые на мертвыхъ, »здѣсь мертвыми завалены раненые; прижавъ къ »персямъ младенцевъ, убѣгаютъ отчаянныя ма»тери съ раскиданными власами; и хищникъ, »отягченный ограбленными сокровищами, хва»таетъ за власы дѣвъ устрашенныхъ.«

Желаете ли видѣть поле сраженія, покрытое нетерпѣливыми воинами, — картину единственную, величественную! Солнце проливаетъ лучи свои на долину; все сіяетъ: и оружіе разноцвѣтное, и стальные доспѣхи, и шлемы, и щиты и знамена. Слова Поэта имѣютъ нѣчто блестящее, торжественное, и мы невольно восклицаемъ съ нимъ: bello in sì bella vista anco è l'orrore!

Grande e mirabil cosa era il vedere
Quando quel campo, e questo a fronte venne:

Come spiegate in ordine le schiere;
Di mover già, già d'assalire accenne:
Sparse al vento ondeggiando ir le bandiere,
E ventolar sù i gran cimier le penne;
Abiti, fregj, imprese, arme e colori
D'oro e di fero al sol lampi e folgori.

Sembra d'alberi densi alta foresta
(L'un campo e l'altro, di tant'aste abonda!)
Son tesi gli archi, e son le lance in resta:
Vibransi i dardi, e rotasi ogni fionda. —
Ogni cavallo in guerra anco s'appresta:
Gli odj e'l furor del suo signor seconda:
Raspa, batte, nitrisce e si raggira;
Gonfia le nari, e fumo e foco spira.
Bello in sì bella vista anco è l'orrore!

» Открылось великолѣпное и удивительное » зрѣлище, когда оба войска выстроились одно » противъ другаго, когда развернулись въ порядкѣ » полчища, двигаться и нападать готовыя! Рас- » пущенныя по вѣтру знамена волнуются; на вы- » сокихъ гребняхъ шлемовъ перья колеблются; » испещренныя одежды, вензели и цвѣты оружій, » злато и сталь яркимъ блескомъ и сіяніемъ лучи » солнечные отражаютъ. «

» Въ густой и высокой лѣсъ сомкнулись копья: » сколь многочисленно и то и другое воинство! » Натянуты луки, обращены копья, сверкаютъ » дротики, пращи крутятся, самый конь жаждетъ

» кровавой битвы: онъ раздѣляетъ ненависть и » гнѣвъ ожесточеннаго всадника; онъ роетъ зем- » лю, бьетъ копытами, ржетъ, крушится, раз- » дуваетъ ноздри, и дымомъ и пламенемъ пышетъ.«

Но битва закипѣла, часъ отъ часу становится сильнѣе и сильнѣе. Въ сраженіи есть минуты рѣшительныя; я на опытѣ знаю, что онѣ не столь ужасны. Побѣдитель преслѣдуетъ, побѣжденный убѣгаетъ; и тотъ и другой увлекаются примѣромъ товарищей своихъ, и тотъ и другой заняты собою. — Но минута ужасная есть та, когда оба войска, послѣ продолжительнаго и упорнаго сопротивленія, истощивъ всѣ усилія храбрости и искусства воинскаго, ожидаютъ рѣшительнаго конца, — побѣды, или пораженія; когда всѣ гласы, всѣ громы, сольются во едино и составятъ нѣчто мрачное, неопредѣленное и безпрестанно возрастающее: эту минуту Поэтъ описываетъ съ необыкновенною вѣрностію:

Così si combatteva: e in dubbia lance
Col timor le speranze eran sospese.
Pien tutto il campo è di spezzate lance,
Di rotti scudi, e di troncato arnese:
Di spade ai petti, alle squarciate pance
Altre confitte, altre per terra stese:
Di corpi altri supini, altri co'volti
Quasi mordendo il suolo, al suol rivolti. —

Giace il cavallo al suo signore appresso,
Giace il compagno appo il compagno estinto,
Giace il nemico appo il nemico, e spesso
Sul morto il vivo, il vincitor sur vinto.
Non v'è silenzio, e non v'è grido espresso,
Ma odi un non sò che roco, e indistinto.
Fremiti di furor, mormori d'ira,
Gemiti di chi langue, e di chi spira.

L'arme, che già si liete in vista foro,
Facceano or mostra spaventosa e mesta.
Perduti ha i lampi il ferro, i raggi l'oro,
Nulla vaghezza ai bei color più resta.
Quanto apparia d'adorno, e di decoro
Ne'cimieri, e ne fregi, or si calpesta.
La polve ingombra ciò ch'al sangue avanza.
Tanto i campi mutata avean sembianza! (*)

»Такъ раповало воинство съ равнымъ спрахомъ »и надеждою. Все поле завалено преломленными »копьями, разбитыми щитами и доспѣхами. Мечи »вонзилися въ грудь, въ прободенные панцыри; »иные по землѣ размепаны. Здѣсь трупы ницъ

(*) Въ сихъ трехъ Октавахъ безсмертный Тассъ превзошелъ себя. — Здѣсь полная картина. Ничего лишняго, ничего напянутаго, сверхъестественнаго. Non v'è silenzio non v'è grido espresso, и три слѣдующіе стиха живописны. — Въ послѣдней октавѣ Стихотворецъ повторяетъ всѣ подробности и кончитъ какъ мастеръ: Tanto i campi avean mutata sembianza.

» поверженные въ прахѣ; шамъ трупы лицомъ обра-
» щенные къ солнцу. «

» Лежитъ конь близъ всадника, лежитъ то-
» варищъ близъ бездыханнаго товарища; лежитъ
» врагъ близъ врага своего и часто мертвый на
» живомъ, побѣдитель на побѣжденномъ. — Нѣтъ
» молчанія, нѣтъ криковъ явственныхъ; но слы-
» шится нѣчто мрачное, глухое: клики отчаянія,
» гласы гнѣва, воздыханія страждущихъ, вопли
» умирающихъ. «

» Оружіе, доспѣхи пріятное взорамъ, являетъ
» зрѣлище ужасное и плачевное. Утратила блескъ
» и лучи свои гладкая сталь. Утратили красоту
» свою разноцвѣтные доспѣхи. Богатые шлемы,
» прекрасныя латы въ прахѣ ногами попраны. Все
» покрыто пылью и кровью: столь ужасно пре-
» мѣнилось воинство (*)!

(*) Сія картина поля сраженія напоминаетъ намъ пре-
красные стихи Ломоносова:

Различнымъ образомъ повержены тѣла:
Иный съ размаху мечь занесъ на сопостата,
Но прежде прободенъ, удара не скончалъ.
Иный, забывъ врага, прельщался блескомъ злата;
Но мертвый на корысть желанную упалъ.
Иный опять сильнаго удара убѣгая

Мы не можемъ остановливаться на всѣхъ красотахъ освобожденнаго Іерусалима; ихъ множество! Прелестный Эпизодъ Эрминіи, смерть Клоринды, Армидины сады и единоборство Танкреда съ Аргантомъ: кто читалъ васъ безъ восхищенія? Вы останетесь незабвенными для сердецъ чувствительныхъ и для любителей всего прекраснаго! Но въ Поэмѣ Тассовой есть красоты другаго рода; и на нихъ должно обратить вниманіе Поэту и Критику. — Описаніе нравовъ народныхъ и обрядовъ Вѣры есть лучшая принадлежность Эпопеи. Тассъ отличился въ оном. Съ какимъ искусствомъ изображалъ онъ нравы рыцарей, ихъ великодушіе, смиреніе въ побѣдѣ, неимовѣрную храбрость и набожность! Съ какимъ искусствомъ приводитъ онъ Крестовыхъ воиновъ къ стѣнамъ Іерусалима! Они горятъ нетерпѣніемъ увидѣть священные верхи града Господня. Издали воинство привѣтствуетъ его безпрерывными восклицаніями, подобно мореплавателямъ, открывшимъ

Стремглавъ на низъ слетѣлъ и *стонетъ* подъ конемъ;
Иный пронзенъ, *угасъ*, противника сражая;
Иный врага повергъ, и *умеръ* самъ на немъ.

Замѣтимъ мимоходомъ для Стихотворцевъ, какую силу получаютъ самыя обыкновенныя слова, когда они поставлены на своемъ мѣстѣ.

желанный берегъ. Но вскорѣ священный спрахъ и уныніе смѣняютъ радость: никто безъ ужаса и сокрушенія не дерзаетъ взглянуть на священное мѣсто, гдѣ Сынъ Божій искупилъ человѣчество спраданіемъ и вольною смертію. Главы и ноги начальниковъ обнажены; все воинство послѣдуетъ ихъ примѣру, и гордое чело рыцарей смиряется предъ Тѣмъ, Кто располагаетъ по волѣ и побѣдою, и лаврами, и славою земною, и царствомъ неба. Такого рода красоты, суровыя и важныя, почерпнуты въ нашей Религіи: древніе ничего не оставили намъ подобнаго. Всѣ обряды Вѣры, всѣ спрашныя таинства обогатили Тассову Поэму. — Ринальдо вырывается изъ объятій Армиды; войско встрѣчаетъ его съ радостными восклицаніями. Юный витязь бесѣдуетъ снова съ товарищами о войнѣ, о чудесахъ очарованнаго лѣса, которыя онъ одинъ можетъ разрушить: но простый отшельникъ Петръ совѣтуетъ рыцарю исповѣдью очиститься отъ заблужденій юности, прежде нежели онъ приступитъ къ совершенію великаго подвига. »Сколько ты обязанъ Всевышнему!«—говоритъ онъ:—»Его рука спасла тебя; она спасла заблуждшую овцу и причислила ее къ своему спаду. Но ты покрытъ еще тиною міра, и самыя воды Нила, Гангеса и Океана не могутъ очистить тебя: одна благо-

дать совершить сіе.« Онъ умолкъ, и сынъ прелестной Софіи, сей гордый и нетерпѣливый юноша, повергается къ стопамъ смиреннаго отшельника, исповѣдуетъ ему прегрѣшенія юности своей, и очищенный отъ оныхъ идетъ безпрепятно въ лѣса, исполненные очарованій волшебника Исмена. — Годофредъ, желая осадить городъ, приготовляетъ махины, спѣнобитныя орудія; но строгій Петръ является въ шатеръ къ военачальнику. »Ты приготовляешь земныя орудія« — говоритъ онъ набожному повелителю, — »а не начинаешь, отколѣ надлежитъ. Начало всего на небѣ. Умоляй Ангеловъ и полки Святыхъ; подай примѣръ набожности войску.« И на утро отшельникъ развѣваетъ страшное знамя, въ самомъ раю почитаемое; за нимъ слѣдуетъ ликъ медленнымъ шагомъ; Священнослужители и воины (соединившіе въ рукѣ своей кадильницу съ мечемъ), Гвильемъ и Адимаръ, заключаютъ шествіе лика; за ними Годофредъ, начальники и войско обезоруженное. Не слышно звуковъ трубы и гласовъ бранныхъ; но гласы молитвы и смиренія: . . .

Te Genitor, te Figlio eguale al Padre,
E te, che d'ambo uniti amando spiri,
E te d'Uomo, e di Dio Vergine Madre,
Invocano propizia ai lor desiri, и пр. и пр.

Такъ шествуетъ поющее воинство, и гласы его повторяютъ глубокія долины, высокіе холмы и эхо пустынь отдаленныхъ. Кажется, другой ликъ проходитъ въ лѣсахъ, доселѣ безмолвныхъ, и явственно великія имена Маріи и Христа воспѣваетъ. Между тѣмъ со стѣнъ города взираютъ въ безмолвіи удивленные поклонники Могаммеда на обряды чуждые, на велелѣпіе чудесное и пѣніе божественное. Вскорѣ гласы проклятій и хуленій невѣрныхъ наполняютъ воздухъ: горы, долины и потоки пустынные ихъ съ ужасомъ повторяютъ.

Такимъ образомъ великій Стихотворецъ умѣлъ противопоставить обряды, нравы и Религіи двухъ враждебныхъ народовъ, и изъ садовъ Армидиныхъ, отъ сельскаго убѣжища Эрминіи, перенесшись въ станъ Христіанскій, гдѣ все дышетъ благочестіемъ, набожностію и смиреніемъ. Самый языкъ его измѣняется. Въ чертогахъ Армиды онъ сладостенъ, нѣженъ, изобиленъ; здѣсь онъ мужественъ, величественъ и даже суровъ.

Тѣ, которые упрекаютъ Италіянцевъ въ излишней изнѣженности, конечно забываютъ трехъ Поэтовъ: Альфьери — душею Римлянина, Данта — зиждителя языка Италіянскаго, и Петрарка, который нѣжность, сладость и постоянное согласіе умѣлъ сочетать съ силою и краткостію.

К. Наб. 1816 №6 (январь) с. 107–121.

XIV.

ПЕТРАРКА.

S'amor non è, che dunque è quel ch'io sento?
Что же я чувствую, если и это не любовь?

Вотъ что говоритъ Петрарка, котораго одно имя напоминаетъ Лауру, любовь и славу. Онъ заслужилъ славу трудами постоянными и пользою, которую принесъ всему человѣчеству; какъ Ученый прилѣжный, неутомимый, онъ первый возстановилъ ученіе Латинскаго языка; онъ первый занимался критическимъ разборомъ древнихъ рукописей, какъ истинный знатокъ и любитель всего Изящнаго. — Не по однѣмъ заслугамъ въ учености имя Петрарки сіяетъ въ Исторіи Италіянской: онъ участвовалъ въ распряхъ народныхъ, былъ употребленъ въ важнѣйшихъ переговорахъ и посольствахъ, осыпанъ милостями Императора Римскаго, и наконецъ отъ Роберта, Короля Неаполитанскаго — названъ и другомъ и

величайшимъ Геніемъ. Замѣтьте, что Робертъ былъ ученѣйшій мужъ своего времени, и предпочиталъ (это собственныя его слова) Науки и дарованія самой діадимѣ. Наконецъ Петрарка сдѣлался безсмертенъ стихами, которыхъ онъ самъ не уважалъ (*), — стихами, писанными на языкѣ Итальянскомъ, или народномъ нарѣчіи. — И такъ, славы никто не оспариваетъ у Петрарки; но многіе сомнѣвались въ любви его къ Лаурѣ. Многіе Французскіе Писатели утверждали, что Лаура никогда *не существовала*, что Петрарка воспѣвалъ одинъ призракъ, красоту созданную его воображеніемъ, какъ создана была Дульцинея Сервантовымъ героемъ. —

Итальянскіе критики, ревнители славы *божественнаго* Петрарки, утвердили существованіе Лауры; они входили въ малѣйшія подробности ея жизни, и на каждый стихъ Петрарки написали цѣлыя страницы толкованій. — Сія дань

(*) Въ этомъ неуваженіи къ стихамъ своимъ Богдановичь много сходствовалъ съ Петраркою. Онъ часто говаривалъ М. . . . . у: „Стихи мои, которые вамъ такъ нравятся, умрутъ со мною; но моя Русская Исторія переживетъ меня. Стихи мнѣ не много стоили труда; надъ Исторіей я много пролилъ поту: на ней-то основана моя слава. . . .“ Петрарка и Богдановичь, обманулись!

ученостіи дарованію покажется инымъ излишнею, другимъ смѣшною; но мы должны признаться, что только въ тѣхъ земляхъ, гдѣ умѣютъ такимъ образомъ уважать отличныя дарованія, родятся великіе Авторы. Любители Поэзіи и чувствительные люди, которые по движеніямъ собственнаго сердца, пламеннаго и возвышеннаго, угадываютъ сердце Поэта и истину его выраженій, не будутъ сомнѣваться въ любви Петрарки къ Лаурѣ: каждый стихъ, каждое слово носитъ неизгладимую печать любви.

Любовь способна принимать всѣ виды. Она имѣетъ свой особенный характеръ въ Анакреонѣ, Феокритѣ, Катуллѣ, Проперціи, Овидіи, Тибуллѣ и въ другихъ древнихъ Поэтахъ. Одинъ сладострастенъ, другой нѣженъ, и такъ далѣе. Петрарка, подобно имъ, испыталъ всѣ мученія любви и самую ревность; но наслажденія его были духовныя. Для него Лаура была нѣчто невещественное, чистѣйшій духъ, излившійся изъ нѣдръ божества и облекшійся въ прелести земныя. — Древніе Стихотворцы были идолопоклонники; они не имѣли и не могли имѣть сихъ возвышенныхъ и отвлеченныхъ понятій о чистотѣ душевной, о непорочности, о надеждѣ увидѣться въ лучшемъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ничего земнаго, преходящаго, низкаго. Они наслаждались и воспѣвали свои наслаж-

денія; они страдали и описывали ревность, тоску въ разлукѣ, или надежду близкаго свиданія. — Слезы горести или восторга, нѣкоторые обряды идолопоклонства, очарованія какой-нибудь волшебницы (любовь всегда суевѣрна), воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ и вѣчныя сожалѣнія о юности, улетающей какъ призракъ, какъ сонъ, — вотъ изъ чего были составлены любовныя Поэмы Древнихъ, вотъ по чему въ ихъ твореніяхъ мы видимъ болѣе движенія и лучшее развитіе страстей, однимъ словомъ, болѣе драматической жизни, нежели въ одахъ Петрарки, — но не болѣе истины.

Тибуллъ, задумчивый и нѣжный Тибуллъ, любилъ напоминать о смерти своей Деліи и Немезидѣ. »Ты будешь плакать надъ умирающимъ Тибулломъ; я сожму руку твою хладѣющею рукою, о Делія!...«

Te spectem, suprema mihi cum venerit hora,
Te teneam moriens, deficiente manu....

И сіи слова драгоцѣнны для сердецъ чувствительныхъ! Но послѣ смерти всему конецъ для Поэта; самый Элизій не есть вѣрное жилище. Каждый Поэтъ передѣлывалъ его по своему и переносилъ туда грубыя, земныя наслажденія. Петрарка напротивъ того: онъ надѣется увидѣть Лауру въ

лонѣ Божества, посреди Ангеловъ и Святыхъ: ибо Лаура его есть ангелъ непорочности; самая смерть ея — торжество жизни надъ смертію. »Она погасла какъ лампада«—говоритъ Стихотворецъ — „смерть не обезобразила ея прелестей; нѣтъ! не смертная блѣдность покрыла ея лице: бѣлизна его подобилась снѣгу, медленно падающему на прекрасный холмъ въ безвѣтренную погоду. Она покоилась, какъ человѣкъ по совершеніи великихъ трудовъ: и это называютъ смертію слѣпые человѣки!«

Петрарка девять лѣтъ оплакивалъ кончину Лауры. Смерть красавицы не истребила его страсти; напротивъ того, она дала новую пищу его слезамъ, новые цвѣты его дарованію: гимны Поэта сдѣлались божественными. Никакая земная мысль не помрачала его печали. Горесть его была вѣчная, горесть Христіанина и любовника. Онъ жилъ въ небесахъ: тамъ былъ его умъ, его сердце, всѣ воспоминанія; тамъ была его Лаура! — Стихи Петрарки, сіи гимны на смерть его возлюбленной, не должно переводить ни на какой языкъ: ибо ни одинъ языкъ не можетъ выразить постоянной сладости Тосканскаго, и особенной сладости Музы Петрарковой. Но я желаю оправдать Поэта, котораго часто Критика (отдавая впрочемъ похвалу гармоніи стиховъ его) ставитъ

наравнѣ съ обыкновенными Писателями по части изобрѣтенія и мыслей. Въ прозѣ оспаются однѣ мысли.

» Исчезла твоя слава, міръ неблагодарный! и ты сего не видишь, не чувствуешь. Ты не достойна была знать ее, земля неблагодарная! ты не достойна быть попираема ея священными стопами! Прекрасная душа ея преселилась на небо. Но я, несчастный! я не могу любить безъ нее ни смертной жизни, ни самого себя! Лаура! тебя призываю со слезами! слезы послѣднее мое утѣшеніе; онѣ меня подкрѣпляютъ въ горести. Увы! въ землю превратились ея прелести; онѣ были здѣсь залогомъ красоты небесной и наслажденій райскихъ. Тамъ ея невидимый образъ: здѣсь покрывало затемнявшее его сіяніе. Она облечется снова и на вѣки въ красоту небесную, которая, безъ сравненія превосходитъ земную. Ея образъ является мнѣ одному (ибо кто могъ обожать ее, какъ я?), онъ является и прелестнѣе и свѣтлѣе. Божественный образъ ея, милое имя, которое произносится столь сладостно въ моемъ сердцѣ,— вы единственные опоры слабой жизни моей. . . . . Но когда минутное заблужденіе исчезаетъ, когда я вспомню, что лишился надежды моей въ самомъ цвѣтѣ и сіяніи: любовь! ты знаешь, что со мною тогда бываетъ, знаетъ и она, та которая при-

ближилась къ божественной истинѣ.... Я страдаю; а она изъ жилища вѣчной жизни съ гордою улыбкою презрѣнія взираетъ на земное одѣяніе свое, здѣсь оставленное. Она о тебѣ одномъ вздыхаетъ, и умоляетъ тебя не затмить сіянія славы ея, тобою на землѣ распространеннаго; да будетъ гласъ твоихъ пѣсней еще звучнѣе, еще сладостнѣе, если сладостны и драгоцѣнны были очи ея твоему сердцу!« —

Древность ничего не можетъ представить намъ подобнаго. Горесть Петрарки услаждается мыслію о безсмертіи души, строгою мыслію, которая одна въ силахъ искоренить страсти земныя; но Поэзія не теряетъ своихъ красокъ. Стихотворецъ умѣлъ сочетать землю и небо; онъ заставилъ Лауру заботиться о славѣ земной, единственномъ сокровищѣ, которое осталось въ рукахъ ея друга, осиротѣлаго на землѣ. Иначе плачетъ надъ урною любовницы древній Поэтъ; иначе Овидій сѣтуетъ о кончинѣ Тибулла: ибо всѣ понятія Древнихъ о душѣ, о безсмертіи были неопредѣленны. — Петрарка, пораженный ужасною вѣстію о кончинѣ Лауры, написалъ нѣсколько строкъ на заглавномъ листѣ Виргилія, который весь наполненъ былъ его замѣчаніями: ибо Петрарка читалъ Виргилія и училъ наизустъ безпрестанно. Сія рукопись, драгоцѣнный остатокъ

двухъ великихъ людей, хранилась въ Амброзіанской библіотекѣ, а нынѣ, если не ошибаюсь, находится въ Парижѣ. Простота не многихъ строкъ, начертанныхъ въ глубокой горести, прелестна и стоитъ лучшаго гимна. Изъ нихъ-то можно видѣть, что Петрарка не *сочинялъ* свою страсть, и что стихи его были только слабымъ воспоминаніемъ того, что онъ чувствовалъ.

Вотъ сіи строки. »Лаура, славная по качествамъ души своей и столь долго мною прославляемая, предстала въ первый разъ моимъ глазамъ въ началѣ моего юношескаго возраста, въ 1327 году 6 Апрѣля, въ церкви С. Клары, въ Авиньонѣ, въ первомъ часу по полудни. И въ томъ же самомъ городѣ, въ томъ же мѣсяцѣ, 6 числа, въ первомъ часу, 1348 года, сія небесная лампада потухла, когда я находился въ Веронѣ, не вѣдая ничего о моемъ несчастіи. — Въ Пармѣ узналъ я эту плачевную новость чрезъ письмо друга моего Лудовика, того же года, въ Маѣ, по утру. Ея чистѣйшее, ея прелестное тѣло было положено, въ самый день ея смерти, въ церкви Кармелитовъ. Я увѣренъ, что ея душа возвратилась на небо, откуда она пришла, такъ какъ Сципіонова, по словамъ Сенеки.« —

Петрарка любилъ; но онъ чувствовалъ всю суетность своей страсти, и съ нею боролся не

однажды. Любовь къ Лаурѣ и любовь къ славѣ подъ конецъ жизни его слились въ одно. Любовь къ славѣ, по словамъ одного Русскаго Писателя, есть послѣдняя страсть, занимающая великую душу. — Поэмы: Тріумфъ Любви, — Непорочности, — Смерти — Божества, въ которыхъ и самый снисходительный критикъ найдетъ множество несообразностей и оскорбленій вкуса, заключаютъ однакоже въ себѣ неувядаемыя красоты слога, выраженія и особенно мыслей. Въ нихъ-то Стихотворецъ описываетъ всѣ мученія любви, которой міръ, какъ тирану, приноситъ безпрестанныя жертвы. — »Я знаю« — говоритъ онъ — »какъ непостоянна и премѣнчива жизнь любовниковъ. Они то робки, то предпріимчивы. Немного радостей награждаютъ ихъ за безпрерывныя мученія. Знаю ихъ нравы, ихъ воздыханія, ихъ пѣсни, прерывные разговоры, внезапное молчаніе, крашкій смѣхъ и вѣчныя слезы. Любовь подобна сладкому меду, распущенному въ соку полынномъ (*).« Сію послѣднюю мысль Тассъ повторилъ въ своей Поэмѣ. Пѣвецъ Іерусалима испыталъ всѣ мученія любви.

(*) Гордый и пламенный Альфіери называетъ Петрарку учителемъ любви и Поэзіи. Maestro in amare ed in Poesia.

Во времена Петрарковы, столь смежныя съ временами Рыцарства, любовь не утратила еще своего владычества надъ людьми всѣхъ состояній. Во Франціи, отъ Короля до простаго воина, каждый имѣлъ *свою далу:* Madame et St. Dénis! восклицали Французскіе рыцари въ пылу сраженій, и совершали неимовѣрные подвиги. Рыцарь Сиръ де Флеранжъ, водружая знамя на стѣнѣ крѣпости, взятой приступомъ, кричалъ своимъ товарищамъ: Ахъ! если бы видѣла красавица своего рыцаря! — Трубадуры воспѣвали красоту; за ними и всѣ Поэты (не исключая важнаго и мрачнаго Данте, остроумнаго и веселаго Боккачіо), всѣ прославляли своихъ красавицъ, и имена ихъ остались въ памяти Музъ. Исторія Парнасса Итальянскаго есть исторія любви. Въ одномъ изъ своихъ *Тріумфовъ* Петрарка исчисляетъ великихъ мужей древнихъ и новѣйшихъ, которые всѣ учинились жертвами страсти. Конечно здравый вкусъ негодуетъ на сочетаніе именъ Давида и Соломона съ именами Тибулла и Проперція; но нѣкоторыя мѣста сей Поэмы имѣютъ особенную прелесть, а болѣе всего тѣ, въ которыхъ Стихотворецъ исчисляетъ своихъ друзей въ плѣну у суроваго бога.

»Я увидѣлъ Виргилія«—говоритъ онъ—»съ нимъ Овидія, Катулла и Проперція, которые всѣ столь пламенно воспѣвали любовь — и наконецъ нѣжнаго

Тибулла. Юная Гречанка (Сафо) шествовала рядомъ съ возвышенными пѣвцами, воспѣвая сладкіе гимны. Бросивъ взоры на окрестныя мѣста, я увидѣлъ на цвѣтущей зеленой долинѣ толпу, разсуждающую о любви. Вотъ Данте съ Беатриксою! вотъ Сельважіа съ Чино! и пр. и пр..... Но теперь я не могу сокрыть моей горести: я увидѣлъ друзей моихъ, и посреди ихъ Томасса, украшеніе Болоніи, Томасса, котораго прахъ испѣваетъ на землѣ Мессинской. О минутныя радости! горестная жизнь! кто отнялъ у меня такъ рано мое сокровище, моего друга, безъ котораго я не могъ дышать? Гдѣ онъ теперь находится? — Прежде онъ былъ со мною неразлученъ.... Жизнь смертныхъ, горестная жизнь! ты не что иное, какъ сонъ больнаго страдальца, пустая басня романа! — Уклонясь въ сторону отъ прямаго пути я встрѣтилъ моего Сократа и Лелія. Съ ними желалъ бы я долѣе шествовать. Какая чета друзей! Ни проза, ни стихи мои не могутъ ихъ достойно прославить; ихъ нагая добродѣтель и безъ пѣсней Музъ заслуживаетъ почтеніе міра. Съ ними я похитилъ слишкомъ рано славный лавръ, который доселѣ украшаетъ мою главу, въ воспоминаніе той, которую обожаю!«— Лавръ (Lauro) напоминаетъ имя Лауры, и потому былъ вдвое драгоцѣненъ сердцу Поэта. По

смерши славнаго Колонны и Лауры Стихотворецъ воскликнулъ:

Rotta è l'alta Colonna, è l verde Lauro!

Мы замѣтили уже, что неумѣренная любовь къ славѣ равнялась или спорила съ любовію къ Лаурѣ въ пламенной душѣ Петрарки. Одна чистѣйшая набожность и возвышенныя мысли о безсмертіи души могли уменьшать ихъ силу, и то временно; но искоренить совершенно не имѣли власти. Съ какимъ чистосердечнымъ сокрушеніемъ описываетъ онъ борьбу Религіи съ любовію къ славѣ! Въ каждомъ словѣ видѣнъ Христіанинъ, который знаетъ, что ничто земное ему принадлежать не можетъ; что всѣ труды и усилія человѣка напрасны, что слава земная исчезаетъ, какъ слѣдъ облака на небѣ: знаетъ твердо, убѣжденъ въ сей истинѣ, и все не престаетъ жертвовать своей страсти! »Мой умъ занятъ сладкою и горестною мыслію (говоритъ онъ), мыслію, которая меня упруждаетъ и исполняетъ надеждою мятежное сердце. Когда воображу себѣ сіяніе славы, то не чувствую ни хлада зимы, ни лучей солнечныхъ, забываю страшную блѣдность моего чела и самые недуги. Напрасно желаю умертвить сію мысль; она снова и сильнѣе рождается въ моемъ сердцѣ. Она вепрѣпила меня въ пеленахъ

младенчества, день отъ дня со мною возрастала, и страшусь, чтобы со мною не заключилась въ могилѣ. Но къ чему послужатъ мнѣ сіи льстивыя желанія, когда моя душа отдѣлится отъ бреннаго тѣла? Послѣ кончины моей если и вся вселенная будетъ обо мнѣ говорить.... суета! суета! Одинъ мигъ разрушаетъ всѣ труды наши. Такъ! я желалъ бы обнять истину и забыть на вѣки суетную тѣнь славы!« —

И самый слогъ Петрарки сообразно съ предметами измѣняется: важность мыслей въ Тріумфѣ Смерти и Божества даютъ слогу особенную силу, возвышенность и краткость. Часто два или три слова заключаютъ въ себѣ мысль или глубокое чувство. Ода, въ которой Поэтъ обращается къ Ріензи (такъ полагаетъ Вольперъ, а другіе критики утверждаютъ, что сія Ода писана не къ Ріензи, а къ Колоннѣ), сія Ода въ которой онъ умоляетъ народнаго Трибуна священными именами Сципіоновъ и Брутовъ, расторгнуть оковы Рима и поставить его на древнюю степень сіянія и славы, напоминаетъ намъ прекрасныя Оды Горація. Она исполнена древняго вкуса и того величія, которое Итальянцы, чувствительные ко всему изящному, называютъ Grandioso въ Поэзіи, въ Ваяніи, въ Живописи, во всѣхъ Искусствахъ. Римъ былъ страстію Пе-

трарки. Онъ не могъ проспишь Папѣ перенесенія трона въ Авиньонъ, и вопъ въ какихъ словахъ изливаешъ свое негодованіе передъ защитникомъ правъ народныхъ; вопъ какимъ образомъ взываешъ къ воскресишелю сполицы міра:

»Сіи древнія стѣны, предъ коими міръ благоговѣешъ и смертные страшатся, когда обращаютъ вспять взоры на давно минувшіе вѣки, сіи камни надгробные, подъ коими истлѣваешъ прахъ великихъ людей, славныхъ даже до разрушенія міра: всѣ сіи развалины древняго величія надѣются воскреснуть тобою. — О великіе Сципіоны! о вѣрный Брутъ! съ какою радостію познаете вы благодѣяніе новаго Героя! съ какимъ веселіемъ и ты, Фабрицій, узнаешь вѣсть сію! Ты скажешь: мой Римъ еще будетъ прекрасенъ!«

Надежды Петрарки не сбылись. Но любители изящной Поэзіи знаютъ наизустъ прекрасные стихи любовника Лауры, обожателя древняго Рима и древней свободы. Ни любовь, ни мелкія выгоды самолюбія, ни опасность — говорить истину въ смутныя времена междоусобія, ничто не могло ослабить въ немъ любви къ Риму, къ древнему отечеству добродѣтелей и Музъ, ему драгоцѣнныхъ: ибо ничто не могло потушить любви къ Изящному и къ истинѣ въ его сердцѣ. Узнавъ неистовые поступки Ріензи, съ чистосер-

дечною гордостію, достойною лучшихъ временъ Рима, Петрарка писалъ къ нему: »Я хотѣлъ прославить тебя; страшись теперь, чтобы я не превратилъ моей похвалы — въ жестокую Сатиру!« Но всѣ угрозы и совѣты Петрарки были напрасны. Свобода, дарованная Риму изступленнымъ Трибуномъ, походила на свободу Робеспіерову: началась убійствами, кончилась тиранствомъ. —

Всѣ знаютъ, что Петрарка воспользовался пѣснями Сицилiянскихъ Поэтовъ и Трубадуровъ щастливаго Прованса, которые много заняли у Мавровъ, народа образованнаго, гостепріимнаго, учтиваго, ученаго и одареннаго самымъ блестящимъ воображеніемъ. — Отъ нихъ онъ заимствовалъ игру словъ, изысканныя выраженія, отвлеченныя мысли и наконецъ излишнее употребленіе аллегоріи; но сіи самые недостатки даютъ какую-то особенную оригинальность его Сонетамъ и прелесть чудесную его неподражаемымъ Одамъ, которыя ни на какой языкъ перевести не возможно. Слога не льзя присвоить, говоритъ Бюффонъ, сей исполинъ въ искусствѣ писать: и особенно слога Петрарки. — Любовь къ цвѣтамъ господствовала на Востокѣ. До сихъ поръ Арабскіе и Персидскіе Стихотворцы безпрестанно сравниваютъ красоту съ цвѣтами и цвѣты съ

красотою. Цвѣты играютъ большую роло у любовниковъ на Востокѣ. Раждающаяся любовь, ревность, надежда, однимъ словомъ вся сущная и прелестная исторія любви изъясняется посредствомъ цвѣтовъ. Трубадуры также любили воспѣвать цвѣты, — а за ними и Петрарка. Желаете ли видѣть, какимъ образомъ онъ воспользовался цвѣтами? Еще разъ повторяю: я удерживаю одну тѣнь слога живаго, исполненнаго нѣги, гармоніи и этого сердечнаго изліянія, которое только можно чувствовать, а не описывать. Кстати о цвѣтахъ: слогъ Петрарки можно сравнить съ симъ чувствительнымъ цвѣткомъ, который вянетъ отъ прикосновенія.

»Если глаза мои остановятся на розахъ бѣлыхъ и пурпуровыхъ, собранныхъ въ золотомъ сосудѣ рукою прелестной дѣвицы: тогда мнѣ кажется, что вижу лице той, которая всѣ чудеса Природы собою затмѣваетъ. Я вижу бѣлокурые локоны ея, по лилейной шеѣ развѣянные, бѣлизною и самое молоко затмѣвающей; я вижу сіи ланиты, сладостнымъ и тихимъ румянцемъ горящія! Но когда легкое дыханіе зефира начинаетъ колебать на долинѣ цвѣточки желтые и бѣлые, тогда воспоминаю невольно и мѣсто и первый день, въ который увидѣлъ Лауру съ развѣянными

власами по воздуху, и воспоминаю съ горестію начало моей пламенной страсти.«

Такимъ образомъ цвѣтокъ въ полѣ, закатъ солнца, водопадъ шумящій въ уединенной рощѣ, малѣйшее обстоятельство въ Природѣ напоминали Петраркѣ красоту, вѣчно любезную его сердцу. Путешествіе Стихотворца чрезъ лѣса Арденскіе или чрезъ Альпы, прогулка Лауры въ лодкѣ по озеру, или обряды набожности, ею совершенные при наступленіи какого нибудь празднества, — все служило поводомъ къ Сонету или новой Одѣ; ни одно чувство, ни одно духовное наслажденіе, ни одно огорченіе не было утрачено для Музъ. Сіе смѣшеніе глубокой чувствительности и набожности чистосердечной съ тонкимъ познаніемъ свѣта и людей, съ обширными свѣдѣніями въ Исторіи народовъ, — сіи слѣды и воспоминанія классическихъ красотъ древнихъ Авторовъ, разсѣянные посреди блестящихъ и романическихъ вымысловъ Сицилійскихъ Поэтовъ, наконецъ сей очаровательный языкъ Тосканскій, исполненный величія, сладости и гармоніи неизъяснимой, сіе щастливое сочетаніе любви, Религіи, учености, Философіи, глубокомыслія и суетности любовника: все это вмѣстѣ въ стихахъ Петрарки представляетъ чтеніе усладительное и совершенно новое для любителя Словесности. Надобно

предаться своему сердцу, любить Изящное, любить тишину души, возвышенныя мысли и чувства, однимъ словомъ, любить сладостный языкъ Музъ, чтобы чувствовать вполнѣ красоту сихъ волшебныхъ пѣсней, которыя предали потомству имена Петрарки и Лауры. Мы знали людей, которые смотрѣли холодными глазами на Аполлона Бельведерскаго; мы знали людей, которые никогда не трепетали отъ восхищенія при чтеніи стиховъ Державина; и мы не удивляемся, что есть Писатели, для которыхъ слагатель мадригаловъ Доратъ и Петрарка — одно и то же. Часто умные люди отказывали ему въ уваженіи! Умъ не рѣдко бываетъ тупой судія произведеній сердца. Но для тѣхъ, которые любили хотя одинъ разъ въ жизни, стоитъ только назвать Петрарку: они знаютъ ему цѣну, и чувствуютъ вполнѣ прелесть Поэзіи, которая не разъ отзывалась въ ихъ сердцѣ. — Il cantar che nell'anima si sente!

Примѣчаніе. Я сдѣлалъ открытіе въ Итальянской Словесности, къ которому меня не руководствовали иностранные Писатели, покрайней мѣрѣ тѣ, кои мнѣ болѣе извѣстны. Я нашелъ многія мѣста и цѣлые стихи Петрарки въ Освобожденномъ Іерусалимѣ. Такого рода похищенія доказываютъ уваженіе и любовь Тасса къ Петраркѣ. Мудрено ли? Петрарка былъ его пред-

шественникомъ; онъ и Данте открыли новое поле Словесности своимъ соотечественникамъ; безпрестанное чтеніе сихъ образцевъ, особенно пѣвца Лауры, столь близкаго сердцу чувствительнаго пѣвца Танкреда и Эрминіи, — это чтеніе врѣзало въ памяти его многіе стихи и выраженія, которыя онъ невольнымъ образомъ повторялъ въ своей Поэмѣ. Кто не знаетъ прелестной Оды: Chiare, fresche e dolci acque, которой Вольтеръ подражалъ столь удачно, и неподражаемаго Эпизода Эрминіи въ 7 пѣсни Освобожденнаго Іерусалима? Нѣтъ сомнѣнія, что Тассъ имѣлъ въ памяти стихи Петрарки, которые можно назвать сокровищемъ Италіянской Поэзіи. Любовникъ Лауры обращается къ Тріадѣ, источнику окрестностей Авиньона (*), котораго воды прохлаждали красавицу. На благовонныхъ берегахъ его, освященныхъ нѣкогда присутствіемъ единственной для него женщины (che sola a me par donna), онъ желаетъ, чтобы покоились его останки. Можетъ быть, говоритъ онъ, можетъ быть тамъ, гдѣ увидѣла меня въ благословенный день перваго свиданія, тамъ любопытный взоръ ея будетъ меня искать снова, и увы! прахъ одинъ найдетъ, прахъ между камней разсѣянный. и проч. — Опъ сихъ унылыхъ мыслей Поэтъ переходитъ снова къ роскошному описанію Лауры, оставляющей студеныя воды источника; облако цвѣтовъ разсыпалось на красавицу — ed ella si sedea umile in tanta gloria. Древность не производила ничего подобнаго. Самое рожденіе Венеры изъ пѣны морской и пришествіе ея на землю, которая запрепетала отъ сладострастія, почувствовавъ при-

(*) А не къ Воклюзъ, какъ полагали нѣкоторые Писатели.

косновеніе богини, не столько плѣняетъ воображеніе. — Но перейдемъ къ Тассу. — У него Эрминія, нашедъ убѣжище у пастырей, оплакиваетъ вѣчную разлуку съ Танкредомъ. Дочь Царей, покрытая рубищемъ, но и въ рубищѣ прелестная и величественная, начертываетъ имя Танкреда на корѣ древнихъ дубовъ и вязовъ, и съ нимъ всю печальную повѣсть любви своей. Сто разъ перечитываетъ ее, и проливая слезы, обращается къ рощамъ, нѣмымъ свидѣтелямъ ея тоски: „Сокройте, сокройте въ себѣ мою тайну, дружественныя рощи! Можетъ быть вѣрный любовникъ, когда нибудь привлеченный прохладою тѣней вашихъ, съ сожалѣніемъ прочитаетъ мои печальныя приключенія, и пронупый до глубины сердца, скажетъ: щастіе и любовь неблагодарностію воздали за толикія страданія и за примѣрную вѣрность! Можетъ быть — если небо внимаетъ благосклонно усерднѣйшимъ моленіямъ смертныхъ — можетъ быть въ сіи пустыни зайдетъ случайно и тотъ, который ко мнѣ столько равнодушенъ, и обращая взоры на то мѣсто, гдѣ будутъ покоиться мои бренные остатки, позднія слезы прольетъ въ награду за мои страданія и вѣрность....

Теперь увидимъ похищенія. Въ Одѣ, которая начинается: Nella stagion ch'el Ciel rapido inchina etc., Петрарка описываетъ пастушку, которая при закатѣ солнца спѣшитъ въ сельское убѣжище и тамъ забываетъ усталость:

La noja, e'l mal della passata vita.

Тассъ въ III пѣсни Іерусалима, воспѣвая торжественное пришествіе Крестовыхъ воиновъ къ священному граду,

сравниваетъ ихъ съ мореплавателями, которые, открывъ желанный берегъ, послѣ бурь и трудовъ забываютъ опасности минувшія:

La noja, e'l mal della passata vita.

Въ Сонетѣ: Zefiro torna e'l bel tempo rimena etc., Петрарка говоритъ, что весна все оживляетъ, поля улыбаются, небо свѣтлѣетъ; Зевесъ съ радостію взираетъ на Киприду, милую дочь свою; воздухъ, вода и земля дышутъ любовью:

Ogni animal d'amar si riconsiglia.

И у Тасса мы видимъ эпопъ спихъ въ садахъ Армиды:—

Raddopian le colombe i baci loro,
Ogni animal d'amar si riconsiglia.

Есть и другія похищенія; но я не могу ихъ теперь привести на память.

XV.

ГРИЗЕЛЬДА.

Повѣсть изъ Боккачьо.

Въ давнія времена, спаршимъ въ родѣ Маркизовъ Салуцкихъ оспавался по смерши родспвенниковъ своихъ, молодый *Гвальтіери*. Цѣлые дни онъ проводилъ на псовой и соколиной охопѣ, былъ не женапъ, бездѣшенъ и вовсе не помышлялъ о супружеспвѣ. Впрочемъ, онъ былъ довольно благоразуменъ, и особенно слылъ шаковымъ у женщинъ. Но эшо благоразуміе не нравилось его подданнымъ: они часпо упрашивали его вспупишь въ союзъ брачный. — Вамъ нуженъ наслѣдникъ, а намъ господинъ, говорили добрые люди. Многіе изъ нихъ вызывались сыскапь невѣспу опъ чесшнаго опца и мапери, невѣспу, копорая подавала бы о себѣ лесшную надежду и со временемъ сдѣлала его щасшливѣйшимъ супругомъ. — Друзья мои, опвѣчалъ имъ Гвальшіери, вы принуждаепе

меня приступить къ тому, что мнѣ никогда не нравилось, на что я никогда не хотѣлъ рѣшиться. Я знаю, какъ трудно сыскать женщину намъ по сердцу и нравами и душою; знаю, что худой выборъ дѣлаетъ несчастіе цѣлой жизни. Вы говорите, что можно положиться на доброту родителей и по нраву ихъ судить о нравѣ дочери; — вы заблуждаетесь, друзья мои! Какъ узнать совершенно отца? какъ узнать тайные поступки матери? И, если бы отецъ и мать были люди совершенно честные, то кто, скажите мнѣ, поручится, что дѣти ихъ будутъ на нихъ похожи? Если же хотите, чтобы я непремѣнно носилъ узы брачные и былъ доволенъ моимъ состояніемъ (по крайней мѣрѣ на себя одного жаловался, въ случаѣ неудачи) то предоставьте мнѣ самому сдѣлать выборъ. Если супруга моя не будетъ достойна вашей любви и уваженія, я почту себя совершенно счастливымъ, что уступилъ просьбамъ вашимъ. — Подданные отвѣчали, что на все согласны; только бы онъ не замедлилъ вступить въ желанное ими супружество.

Съ давняго времени Маркизу нравилась дѣвушка, очень бѣдная. Она жила въ сосѣдствѣ его замка, въ совершенномъ уединеніи; была довольно миловидна, и странному Маркизу показалось, что онъ найдетъ съ нею счастіе. Отложа всѣ поиски

и распросы, онъ рѣшился безъ дальнихъ размышленій предложить ей свою руку. Призвалъ отца ея — бѣднѣйшаго изъ бѣдняковъ — и съ нимъ ударилъ по рукамъ. Все дѣло приведено къ концу, и Гвальтіери созвавъ пріятелей своихъ и подданныхъ, сказалъ имъ: Друзья! вы желали, чтобы я женился; исполняю желаніе ваше, болѣе въ угожденіе вамъ, нежели себѣ. Вы обѣщали почитать супругу мою, каковъ бы ни былъ мой выборъ: — я сдержалъ мое слово — сдержите ваше. Объявляю вамъ, что здѣсь, въ сосѣдствѣ, нашелъ я себѣ невѣсту, обручусь съ нею немедленно и введу ее въ мой замокъ. Вы съ своей стороны приготовьте богатый пиръ свадебный; придумайте, какъ лучше и достойнѣе принять супругу вашего владѣльца: однимъ словомъ, устройте все такъ, чтобы я былъ доволенъ вами, какъ вы моимъ выборомъ. — Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что выборъ его будетъ имъ по сердцу, что они будутъ любить и уважать его супругу, какого бы она ни была происхожденія. — И весь домъ засуетился: начали приготовлять великолѣпный пиръ свадебный. Гвальтіери пригласилъ множество пріятелей, сосѣдей и родственниковъ: у богатыхъ за друзьями дѣла не станетъ. Наконецъ призываетъ къ себѣ горничную дѣвушку, роста одинакаго съ будущею невѣстою, и велитъ кроить

по ней платье пышное и уборы великолѣпные. Кромѣ того приготовлено всякой всячины; множество поясовъ богатыхъ, колецъ изумрудныхъ, серегъ яхонтовыхъ и вѣнецъ брачный: однимъ словомъ, все, что нужно для молодой. Наступалъ условный день, и Маркизъ приведя всѣ дѣла въ порядокъ, сѣлъ на коня и сказалъ приближеннымъ: Государи мои, пора намъ отправиться за невѣстою. И всѣ поскакали веселою вереницею въ поселеніе, гдѣ жилъ отецъ нареченной. Она стояла у колодца и спѣшила вытаскивать ведра, надѣясь съ подругами идти на встрѣчу Маркизовой свадьбѣ, которая приближалась ближе и ближе къ селу. Гвальтіери называетъ ее по имени, *Гризельдою*, потомъ спрашиваетъ: гдѣ отецъ твой? — Дома — отвѣчала она и закраснѣлась, какъ алый макъ. Гвальтіери слѣзаетъ съ коня, приказываетъ толпѣ ожидать себя на улицѣ, а самъ идетъ прямо въ низкую хижину бѣднаго Жіанукола. — Я пріѣхалъ за Гризельдою, но прежде всего, хочу поговорить съ нею въ твоемъ присутствіи. Нравлюсь ли я? Если такъ, то будетъ ли она во всю жизнь угождать мужу своему, никогда не огорчаться поступками его и повиноваться малѣйшей волѣ его? — Гризельда, потупя глаза, отвѣчала: Буду безъ сомнѣнія! — Гвальтіери, довольный отвѣтомъ, беретъ ее за руку и при

всей толпѣ провожатыхъ и челяди своей, раздѣваетъ и наряжаетъ въ великолѣпныя брачныя одежды, а на волосы, которые одна природа до сихъ поръ убирала, торжественно надѣваетъ вѣнецъ брачный. Всѣ удивились. — Друзья, отвѣчалъ онъ, вотъ та дѣвица, которую желаю имѣть супругою, та, которая согласна жить и умереть со мною. Потомъ оборотясь къ Гризельдѣ, (а она отъ стыда и радости свѣта Божія не видѣла): правду ли я говорю, Гризельда? желаешь ли ты быть моею женою? — Желаю, Государь. — Дѣло сдѣлано и обрядъ къ концу. По выходѣ изъ церкви посадили ее на богатаго коня и съ великою честію проводили въ замокъ. Пиръ былъ истинно великолѣпный, какъ будто Маркизъ сочетался съ дочерью Короля Французскаго; а новобрачная, къ удивленію всѣхъ, съ нарядомъ перемѣнила нравъ, поступь и душу. Мы сказали уже, что она была знатнаго росту, пригожа и миловидна; а наряды еще болѣе придали блеску красотѣ ея. Она такъ умѣла плѣнить каждаго обхожденіемъ, учтивостію, сердечною добротою, что всѣ забыли въ ней дочь убогаго Жіанукола, пастушку овечекъ, и щипали за дочь какого нибудь знатнаго Принца. Всѣ, ее знавшіе въ первобытномъ состояніи, не могли надивиться, Кро-

тость ангельская, послушаніе чудесное, дѣлали мужа ея щастливѣйшимъ изъ всѣхъ мужей.

Однимъ словомъ, съ подчиненными и подданными она обходилась такъ ласково, тихо, милостиво и привѣтливо, что каждый полюбилъ ее, какъ душу. Всѣ говорили за одно, даже и тѣ, которые сей выборъ сперва охуждали, — что Гвальтіери поступилъ очень благоразумно, что онъ самый проницательный человѣкъ: ибо могъ открыть подъ сельскимъ, бѣднымъ рубищемъ столько доброты, столько прелестныхъ качествъ! И не только въ Маркизствѣ Салуцкомъ, но повсюду Гризельда умомъ и поведеніемъ оправдала странный поступокъ мужа своего. Въ теченіе перваго года она обрадовала его рожденіемъ прелестной дочери. Въ замкѣ по этому случаю былъ праздникъ великолѣпный.

Но Маркизу вздумалось испытать ангельскій нравъ и теpпѣніе супруги труднѣйшими, жесточайшими опытами. Сперва началъ онъ оскорблять ее рѣчами, потомъ принявъ на себя видъ печальный и смущенный, сказалъ ей однажды, будто подданные его начинаютъ роптать за то, что онъ избралъ въ супруги бѣдную дѣвушку, низкаго состоянія — а болѣе еще потому, что она родила дочь, а не сына. Не измѣнясь ни мало ни въ лицѣ, ни въ голосѣ: дѣлай что хочешь, Государь,

отвѣчала оскорбленная — дѣлай то, чего требуетъ честь, польза и слава имени твоего. Я всѣмъ буду довольна: ибо не забываю, что была послѣднею изъ слугъ твоихъ; не забываю того, что ты для меня сдѣлалъ — для меня, бѣдной дѣвушки! — Такой отвѣтъ очень понравился Маркизу. Но, нѣсколько дней спустя, онъ объявилъ ей снова, что подданные его не могутъ болѣе терпѣть его дочери ... и удалился. Вскорѣ является одинъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ его, и съ слезами на глазахъ начинаетъ говорить: Простите, Государыня ... но я подъ смертнымъ страхомъ долженъ исполнить то, что мнѣ приказалъ супругъ вашъ... Онъ велѣлъ мнѣ взять младенца вашего, и....

И не могъ сказать болѣе. — Нещастная мать, услыша сіи несвязныя рѣчи, соображая ихъ съ тѣмъ, что говорилъ Маркизъ, вмигъ на мрачномъ лицѣ служителя прочитала участь невиннаго младенца — бросилась къ колыбели, поцѣловала дочь свою, благословила съ сердцемъ, исполненнымъ жесточайшей горести, и не измѣняясь ни мало въ лицѣ, вручила ее служителю. — Исполняй то, что предписалъ тебѣ господинъ нашъ; но умоляю тебя, не отдавай ее на жертву дикимъ звѣрямъ... если тебѣ это не предписано! — Служитель взялъ младенца на руки и скрылся. Гваль-

піери, свѣдавъ опъ него, какимъ образомъ Гризельда исполнила строгое приказаніе, удивился ея пвердости, но намѣренія своего не отложилъ. Съ вѣрнымъ служителемъ онъ немедленно отправилъ дочь свою въ Болонію, къ ближайшей родственницѣ своей, которую умолялъ дать ей воспитаніе отличное, но никому ни подъ какимъ видомъ не объявлять о ея рожденіи.

Въ скоромъ времени Гризельда снова сдѣлалась матерью и даровала жизнь прекрасному мальчику. Отецъ принимая на руки новорожденнаго, былъ внѣ себя отъ радости; но, не довольствуясь первымъ опытомъ, снова жесточайшимъ терзаніемъ рѣшился испытать сердце нещастной супруги своей. — Подданные мои, сказалъ онъ однажды, еще болѣе оскорблены съ тѣхъ поръ, какъ ты утѣшила меня сыномъ: они съ ужасомъ помышляютъ о томъ, что внукъ бѣднаго пастуха — отца твоего — будетъ ихъ господиномъ. Если я не удалю тебя и не возьму другой жены, то они выгонятъ меня изъ областей моихъ. — Съ терпѣніемъ и покорностію Гризельда выслушала слова супруга своего. Устройте все ко благу вашему; обо мнѣ же не заботьтесь нимало, Государь! Въ вашемъ щастіи заключается мое благополучіе. — Черезъ нѣсколько дней Гвальтіери послалъ за новорожденнымъ и велѣлъ сказать ма-

шери, что ему готовится одинакая участь съ прежнимъ младенцемъ; а самъ, тайно отправилъ его въ Болонію къ прежней родственницѣ. Великодушная Гризельда перенесла эту потерю съ прежнею твердостію, безъ слезъ и роптанія, и въ глубинѣ сердца своего утаила несказанную горесть матери. Гвальтіери удивился. — Нѣтъ! повторялъ онъ самъ себѣ, ни одна женщина не можетъ сравниться съ нею!

Подданные думали, что Маркизъ велѣлъ умертвить дѣтей своихъ: всѣ охуждали его поступокъ, называли его жестокимъ отцомъ, и безъ жалости не могли смотрѣть на бѣдную мать. Женщины, ее окружавшія, часто плакали и сокрушались при ней объ участи невинныхъ малюшокъ, и она всегда говорила имъ: не плачьте, милыя подруги; вспомните, что такъ угодно было отцу ихъ.

Прошло нѣсколько годовъ со времени рожденія дочери. Маркизъ задумалъ сдѣлать послѣдній опытъ и объявилъ своимъ приближеннымъ, что не хочетъ имѣть супругою Гризельду; что онъ по молодости лѣтъ обручился съ нею; наконецъ, признался, что поступилъ очень безразсудно; а чтобы загладить проступокъ свой, рѣшается просить Папу о разводѣ и позволеніи обручиться

съ другою. Всѣ осуждали намѣреніе Маркиза, но онъ былъ непоколебимъ.

Гризельда вскорѣ объ этомъ услышала. Возвратившись въ бѣдный домъ отца своего, снова сдѣлавшись пастушкою овецъ, видѣвъ супруга своего, до сихъ поръ страстно обожаемаго, въ объятіяхъ другой жены... все это терзало, раздирало ея душу. Но она рѣшилась перенести послѣдніе удары судьбы съ прежнею твердостію, съ прежнимъ великодушіемъ. Вскорѣ прибыло изъ Рима разрѣшеніе Папы (оно было подложное) и Маркизъ его обнародовалъ. Призываютъ Гризельду и въ присутствіи многочисленной толпы жестокосердый Гвальтіери говоритъ ей: Вотъ разрѣшеніе Папы на другой бракъ. Я долженъ отвергнуть тебя. Ты знаешь, что многіе изъ подданныхъ моихъ дворянъ — знатные и сильные владѣльцы; они сами имѣютъ своихъ подданныхъ; а твои родители всегда были землепашцами.... Тебѣ нельзя быть супругою Маркиза Салуцкаго! Возвращаю тебѣ приданое *твое* и тебя — отцу твоему: я избралъ себѣ другую въ супруги.

Гризельда превозмогла всю горесть оскорбленной женщины, и силясь удержать слезы и рыданія, сказала голосомъ довольно твердымъ: »Я помню мое низкое происхожденіе, неприличное вашему знатному роду; помню, что по милости

Бога и вашей, Государь, я была возведена на столь высокую степень, и что все мое щастіе было временное! Мое дѣло повиноваться слѣпо волѣ господина моего. Вотъ обручальное кольцо: возьмите его; но позвольте мнѣ возвратиться къ отцу моему въ той одеждѣ, въ которой прибыла я въ замокъ. Вамъ нечего возвращать мнѣ: ни золота, ни серебра, никакихъ сокровищъ я не принесла въ приданое; вы взяли меня нагую, и, если мать дѣтей вашихъ должна нагая возвратиться къ престарѣлому отцу своему, — то она исполнитъ волю вашу. Но, именемъ любви и непорочности заклинаю васъ, Государь, дайте, ахъ! дайте мнѣ хотя одно покрывало .... послѣднюю защиту стыдливости.

Гвальтіери, почти пронятый до слезъ, старался сохранить суровый и строгій видъ. Согласенъ на покрывало — сказалъ онъ — но... болѣе ничего! — Всѣ приближенные умоляли его дать ей по крайней мѣрѣ одно платье. Какъ? говорили они, супруга Маркиза Салуцкаго, наша старая госпожа, явится полуобнаженною посреди улицы, какъ нищая, какъ преступница, какъ самая послѣдняя изъ женщинъ!... Напрасныя просбы! — Полуобнаженная, безъ обуви, безъ покрова на головѣ, съ распущенными волосами, заливаясь горькими слезами, она вышла изъ замка и сопровож-

даемая рыданіями слугъ и женщинъ, съ зардѣвшимися отъ слезъ глазами, явилась къ нещастному отцу. Жіануколо никогда не хотѣлъ вѣрить, что дочь его останется Маркизою; онъ съ трепетомъ ожидалъ судьбы, ее постигшей, и свято сохранилъ рубища, оставленныя ею въ бѣдномъ быту его. Съ слезами возвращаетъ ихъ дочери. Она, великодушная до конца, презирая судьбу несправедливую и жестокую, спокойно принимается за прежніе труды сельскіе, въ дому отеческомъ.

Между тѣмъ Маркизъ немедленно объявляетъ, что сватаетъ за себя дочь славнаго Графа Панагскаго, приготовляетъ великое торжество и— посылаетъ за Гризельдою. — Скоро будешъ въ замокъ моя невѣста, говоритъ ей Гвальтіери, я желаю принять ее съ великими почестями. Ты знаешь, что въ замкѣ ни одна женщина, кромѣ тебя, не умѣетъ убирать покоевъ и учреждать порядка, для великаго торжества приличнаго. На тебя возлагаю эту обязанность. Учреждай, повелѣвай всѣмъ: пригласи заблаговременно женщинъ, какихъ тебѣ угодно; угощай, принимай ихъ, какъ хозяйка и потомъ — можешь возвратиться въ свою хижину. Каждое слово, какъ острая игла, кололо чувствительное сердце Гризельды: ибо она не переставала обожать неблагодарнаго супруга.— Я на все готова, отвѣчала страдалица; и, въ

сельскомъ рубищѣ, прежняя повелительница замка, начала убирать покои, разставлять по заламъ кресла, разстилать ковры узорчатые, приготовлять столъ и все, что было потребно — какъ будто бы она была простая служанка или ключница. Однимъ словомъ, она рукъ не опускала, пока все не было кончено и распоряжено отъ важной вещи до послѣдней бездѣлки. Гости приглашены: все готово, въ ожиданіи веселаго пира. И вотъ наступаетъ день свадебный. Гризельда въ рубищѣ, но съ лицемъ веселымъ и привѣтливымъ, угощаетъ наѣхавшихъ женъ и дѣвицъ боярскихъ, какъ добрая, домовитая хозяйка. Гвальтіери тайно посылаетъ въ Болонію къ супругу родственницы своей Графини Панагской, у котораго въ домѣ воспитывались его дѣти; приглашаетъ его въ замокъ свой съ тѣмъ, чтобы онъ и Графиня привезли съ собою дѣтей его и множество гостей почетныхъ, но никому не объявляли о его намѣреніи. Дочери Маркизовой минуло двѣнадцать лѣтъ: она была красоты чудесной, а шестилѣтній братъ ея походилъ на нее совершенно.

Графъ Панагскій, окруженный безчисленною толпою гостей почетныхъ, съ сими прелестными дѣтьми пустился въ путь и черезъ нѣсколько дней прибылъ благополучно въ Салуццо, гдѣ собрались всѣ жители деревень, селъ и городовъ

сосѣднихъ: всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ нареченной невѣсты.

Пріемная зала открылась и невѣсту встрѣтили съ чрезвычайными почестями и церемоніями. Гризельда вышла на встрѣчу и поклонясь ей низко примолвила: Добро пожаловать, Государыня! Всѣ барыни и дѣвицы, идя къ столу, упрашивали Маркиза удалить прежнюю жену, или, по крайней мѣрѣ, дать ей приличное платье: Маркизъ не согласился.

Въ столовой взоры всѣхъ обратились на невѣсту: всѣ превозносили ее до небесъ, а иные шептали другъ другу: Маркизъ нашъ сдѣлалъ выгодный обмѣнъ! Сама Гризельда стояла, какъ очарованная, и невольно дивилась красотѣ дѣвушки и малолѣтнаго брата.

Наконецъ желанія Маркизовы были удовлетворены въ полной мѣрѣ. Онъ испыталъ всю силу терпѣнія Гризельды; онъ увѣрился, что ничто, никакое испытаніе не можетъ поколебать сей твердой души; что впередъ можетъ положить на нее всю надежду свою. Онъ рѣшился облегчить свинцовое бремя печали, которую она силилась таить во глубинѣ сердца своего. Но проницательный супругъ легко угадывалъ ея грусть на лицѣ, въ самомъ голосѣ. При всемъ собраніи гостей велитъ онъ ей приближиться и съ кол-

кою улыбкою повторяетъ: Понравилась ли тебѣ моя невѣста? —»Ахъ, какъ не понравиться, отвѣчала Гризельда; и если она столько же благоразумна, сколько пригожа, то вы будете щастливѣйшимъ супругомъ! Но... умоляю васъ, Государь, не терзайте ее, какъ прежнюю жену: она не перенесетъ такихъ мученій. Прежняя супруга ваша отъ самой юности была знакома съ горемъ и трудами, а эта, вы сами видите, какъ еще молода и какъ нѣжно воспитана.«

Гвальтіери съ радостію замѣтилъ, что Гризельда находилась въ обманѣ и ни мало не измѣнялась въ добротѣ сердечной, подвинулъ стулъ и посадилъ ее возлѣ себя. Она затрепетала.

»Гризельда«— сказалъ Маркизъ, по нѣкоторомъ молчаніи »пора тебѣ собрать плоды терпѣнія твоего; пора открыть глаза тѣмъ, которые полагали, что я жестокъ и неправосуденъ. Я достигъ моей цѣли; я научилъ тебя нести тяжелый крестъ супружества и быть во всемъ примѣрною женою: подданныхъ научилъ уважать твои рѣдкія качества и, впередъ не нарушать нашего покоя. Вотъ вся цѣль моихъ испытаній. Въ награду за любовь твою, которую ты мнѣ доказала и словомъ и дѣломъ, безцѣнная Гризельда! въ награду за щастье мое, котораго ты была и будешь единственною виновницею, я отдаю

все, что похитилъ у тебя, и всѣ раны сердца однимъ словомъ исцѣляю на вѣки. Вручаю ту, которую ты называла моею невѣстою, вручаю брата ея ... они твои — они дѣти наши, а я снова твой супругъ, счастливѣйшій изъ смертныхъ!«

Маркизъ, обнявъ ее съ восхищеніемъ, цѣловалъ съ необыкновенною нѣжностію, и, распроганную, упопающую въ слезахъ, повелъ къ удивленной дочери: всѣ были въ удивленіи неописанномъ. Женщины въ радости подхватили Гризельду подъ руки и повели въ особенную комнату, сняли рубище, надѣли великолѣпное платье и торжественно проводили въ залу.

Начался пиръ веселый. Всѣ были въ радости. Каждый выхвалялъ Маркиза, называлъ его мудрымъ, проницательнымъ, а Гризельду до небесъ превозносили. Наконецъ и гости разъѣхались. Послали за бѣднымъ Жіануколомъ. Онъ былъ принятъ въ замкѣ съ почестями и уваженіемъ, какъ тесть богатаго владѣльца, и въ объятіяхъ дочери своей кончилъ счастливую старость. Маркизъ не переставалъ обожать свою Гризельду и былъ конечно счастливѣйшій супругъ и отецъ во всей Италіи.

Теперь вы согласитесь со мною, друзья мои, что въ хижинѣ мы чаще встрѣчаемъ небесныя

дарованія, то есть: добродѣтель, честность и терпѣніе, нежели въ палатахъ и теремахъ великолѣпныхъ. Часто въ лачугѣ таится попъ, кто бы достоинъ былъ сіять въ коронѣ и повелѣвать людьми; а въ палатахъ ——— но оставимъ это! Спрашиваю только, кто сравняется въ терпѣніи съ Гризельдою? Кто, подобно ей, перенесетъ съ лицемъ спокойнымъ, даже веселымъ, жесточайшія, неслыханныя испытанія, какимъ подвергнулъ ее Гвальтіери?...

XVI.

ПРЕДСЛАВА и ДОБРЫНЯ.

Старинная повѣсть.(*)

Древній Кіевъ упопалъ въ веселіи, когда гонецъ принесъ вѣсть о побѣдѣ надъ Печенѣгами. Скачетъ всадникъ за всадникомъ, и послѣдній возвѣщаетъ приближеніе побѣдоноснаго войска. Шумными толпами испекаютъ Кіевцы чрезъ врата Сѣверныя; радостный гласъ цѣвницъ и восклицаній народныхъ раздается по холмамъ и долинамъ, покрытымъ снѣгомъ и веселою Апрѣльскою зеленью. Пыльное облако уже показалось въ отдаленіи; оно приблизилось, разсѣялось и обнажило стальные доспѣхи и распущенные стяги войска, пылающіе отъ лучей утренняго солнца. Владиміръ, счастливый Владиміръ ведетъ рать свою, и красныя дѣвы сыплютъ предъ конемъ его цвѣты и травы весенніе. Въ устройствѣ ратномъ приходитъ дружина, тихо и торжественно, рядъ за рядомъ; и шумныя толпы воспорженныхъ Кі-

(*) Повѣсть сія сочинена Батюшковымъ в. деревнѣ 1810 года) и подарена автору настоящаго Словесника, тогда еще Гимназіи Старшаго Благородныхъ за сообщеніе Благосклонной сей рукописи и за позволеніе напечатать оную М. П. находясь в Орлѣ 1811.

Г. Д. 632.

евцевъ безпрерывно восклицаютъ: »Да здравствуетъ побѣдитель Печенѣговъ, храбрый Владиміръ!« — Герой, по обычаю древнему, преклонилъ мечъ свой къ землѣ, благосклонно поклонился народу и сказалъ богатырскимъ голосомъ: »Честь и слава Добрынѣ; онъ избавитель мой.« Богатырь, сидящій на борзомъ конѣ своемъ, опрѣшилъ злапую запону забрала, снялъ шлемъ и открылъ голову предъ народомъ и Владиміромъ, въ знакъ почтенія и благодарности. Слезы блистали въ очахъ его; черныя кудри, колеблемыя дыханіемъ вѣтра развѣвались по плечамъ, и правая рука его лежала на сердцѣ. Восторженные Кіевляне снова воскликнули: »Честь и слава Добрынѣ и всей дружинѣ Русской!« — Цвѣты посыпались на юношу изъ рѣзныхъ кошницъ прекрасныхъ женъ и дѣвъ Кіевскихъ, и эхо разнесло по благоуханной долинѣ, гдѣ видны были развалины храма, посвященнаго вѣчноюной Зимцерлѣ: »Честь и слава дружинѣ!«

Супруга Владиміра, прекрасная Царевна Анна, и дочь ея Предслава, выходятъ на встрѣчу къ Великому Князю. Онъ простираетъ къ нимъ свои руки, попеременно прижимаетъ къ стальной бронѣ — подъ которой билось нѣжное сердце — то супругу, то дочь свою, и всѣ прежніе раздоры забыты въ сію сладкую минуту свиданія! — Вла-

диміръ указываетъ имъ на Добрыню: »Вотъ избавитель мой!« говоритъ онъ, обращаясь къ супругѣ, къ царедворцамъ и сѣдовласымъ мудрецамъ Греческимъ, пришекшимъ съ Царевною изъ Царяграда. »Вотъ избавитель мой!« продолжаетъ Великій Князь: »когда единоборство съ исполиномъ Печенѣгскимъ кончилось побѣдою, когда войска мои ринулись во слѣдъ бѣгущимъ врагамъ: тогда я, увлеченный побѣдою, скакалъ по грудамъ пѣлъ и впоргся въ толпу опчаянныхъ враговъ. Мечи ихъ засверкали надо мной, стрѣлы пробили шлемъ и щитъ; смерть была не избѣжна. Но Добрыня разсѣялъ толпы враговъ, впоргся въ средину ужасной сѣчи: онъ спасъ меня! Чѣмъ и какъ заплачу ему? — Слезы благодарности заблистали въ очахъ прекрасной Анны; она подала супругу своему и Добрынѣ правую и лѣвую руку, и повела ихъ по узорчатымъ коврамъ въ высокій теремъ Княжескій. Предслава взглянула на Добрыню, и ланиты ея запылали, подобно алой зарѣ предъ утреннимъ солнцемъ; и длинныя рѣсницы ея покрылись влагою, какъ у стыдливой дѣвы, взглянувшей на жениха своего при блескѣ брачныхъ свѣтильниковъ.

Прекрасна ты была, Княжна Кіевская! Осѣненная длинною фатою, ты была подобна стыдливому мѣсяцу, когда онъ сквозь тонкій туманъ

смотришь на безмолвныя долины и на синій Днѣпръ, сверкающій въ просѣкахъ дубовыхъ. Но отъ чего сильно бьется дѣвическое сердце твое, подъ парчами и златою дымкою? Отъ чего бѣлая грудь твоя волнуется, какъ лебедь на заливахъ Чернаго моря, когда полуденный вѣтеръ расколыхаетъ воды его? Отъ чего глаза твои блистаютъ огнемъ, когда они невольно обращаются на прекраснаго витязя? — Ахъ! и Добрыня давно любилъ тебя! давно носилъ образъ твой въ сердцѣ, въ пламенной груди своей, покрытой тщетно стальною кольчугою. Повсюду образъ твой, какъ тайный призракъ, за нимъ слѣдовалъ: и на потѣшныхъ играхъ, гдѣ легкія копья ломаются въ честь красныхъ женъ и дѣвъ Кіевскихъ; и на войнѣ противъ Ляховъ и Половцевъ, на страшныхъ битвахъ, гдѣ стрѣлы свистятъ какъ вихри, и острые мечи, ударяя по шлемамъ, наносятъ глубокія раны. Давно уже богатырь любилъ красавицу; но никогда не являлась она ему столь прелестною, какъ въ сіи минуты славы и радостей народныхъ. Тщетная любовь! источникъ слезъ и горести! Все разлучаетъ тебя съ возлюбленной: и высокій санъ ея, и слава Владиміра, и слава предковъ красавицы, повелителей Царяграда! Ты знаешь сіе, нещастный Добрыня, знаешь — и любишь. Но сердце твое чуждо ра-

доспѣй, чело твое мрачно посреди веселій и торжествъ народныхъ. Какъ дерево, котораго соки погибли отъ морозовъ и непогодъ зимнихъ, не воскресаетъ съ весною, не распускаетъ отъ вешняго дыханія молодыхъ листковъ и почекъ, но стоитъ уныло посреди холмовъ и долинъ бархатныхъ, гдѣ все нѣжится и пируетъ: такъ и ты, о витязь, часто мраченъ и безмолвенъ стоишь посреди шумной гридницы, опершись на булатное копье. Все постыло для тебя: и красная площадь, огражденная высокимъ тыномъ (поприще словутыхъ подвиговъ), и столы дубовые, на которыхъ блестятъ кубки и златыя чары съ медомъ искромешнымъ и заморскими винами; все постыло для тебя: турій рогъ недвижимъ въ рукѣ богатырской, и унылые взоры твои ничѣмъ не прельщаются! ниже плясками юныхъ Гречанокъ (*), подругъ Предславиныхъ, которыя, раскинувъ черныя кудри свои по плечамъ, подобнымъ

(*) Извѣстно по Исторіи, что въ Княженіе Владиміра I находилось множество Грековъ при его Дворѣ. Скажемъ мимоходомъ, что мы не позволяли себѣ большихъ отступленій отъ Исторіи; но просимъ Читателя не забыть, что Повѣсть не Лѣтопись. Здѣсь вымыслъ позволенъ. Относительно къ баснямъ:

Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable,

Принимается въ другомъ значеніи. — *Соч.*

въ бѣлизнѣ снѣгамъ Скандинавіи, и сплетясь рука съ рукою, увеселяютъ слухъ и взоры Владиміра разнообразными хороводами и нѣжнымъ, пропяжнымъ пѣніемъ. Онѣ прекрасны, подруги Предславины.... но что звѣзды вечернія предъ краснымъ мѣсяцемъ, когда онъ выходитъ изъ-за рощи и въ полной славѣ?

Долго ли таится любви, когда она взаимна, когда все питаетъ ее, даже самая робость любовниковъ? Тогда сердца подобны двумъ ручьямъ, которые невольно, какъ будто влекомые тайною силою, по покатамъ долинъ и отлогихъ холмовъ ищутъ другъ друга, сливаются воедино, и дружныя воды ихъ составляютъ единую рѣку, тихую и прозрачную, которая по долгомъ и счастливомъ теченіи исчезаетъ въ моряхъ неизмѣримыхъ. Счастливы они, если не найдутъ преградъ въ своемъ теченіи!

Такъ красавица и рыцарь невольно, неумышленно прочитали во взорахъ, въ молчаніи и въ словахъ отрывистыхъ, имъ однимъ понятныхъ,— взаимную страсть. Они не видѣли подъ цвѣтами ужасной пропасти, навѣки ихъ разлучающей, ибо она засыпана была руками двухъ сильныхъ волшебницъ: руками любви и надежды! Предслава не помышляла объ опасности. Добрыня тогда только ужасался своей страсти, тогда только

сердце его заливалось кровью, когда прекрасная Анна, мать его возлюбленной, обращала къ нему привѣтливую рѣчь, или когда Владиміръ выхвалялъ посламъ чуждыхъ народовъ силу и храбрость своего избавителя. Юноша спрашился неблагодарности.

Теремъ младой Княжны былъ отдѣленъ отъ высокихъ теремовъ Владиміра. Длинные деревянные переходы, украшенные рѣзьбою, соединяли сіи зданія. Вѣковые дубы, насажденные руками отважнаго Кія — какъ говоритъ преданіе — осѣняли уединенную обитель красавицы. Часто весенніе вечера она просиживала на высокомъ крыльцѣ, оперпись рукою на дубовыя перилы; часто взоры ея стремились въ синюю даль, гдѣ высокіе холмы, величественно возвышаясь одинъ надъ другимъ, непримѣтно сливались съ небесной лазурью; часто, отдаливъ усердныхъ прислужницъ, одна среди безмолвія ночнаго, она предавалась сладкимъ мечтаніямъ дѣвическаго сердца, мечтаніямъ, которыя невольно украшались образомъ Добрыни. Когда мѣсяцъ осеребрялъ высокіе верхи дубовъ и кленовъ и тихое дыханіе полночи колебало листы, перебирая ихъ одинъ послѣ другаго, тогда Предславу обнималъ ужасъ. Ей мечталось видѣть Добрыню. Она вперяла прилежно слухъ и взоры — но все было тихо, безмолвно, — мечта исчезала

а съ ней и тайный, но сладостный спрахъ. Такъ младая Княжна питала тоску и любовь свою, когда Добрыня воевалъ Печенѣговъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ. Она переносилась мысленно на поля, обагренныя кровью: опасности, окружающія отца ея, ужасали сердце красавицы; но при мысли, что Добрыня падетъ подъ мечемъ или булавою варвара, сердце ея обливалось кровью, тяжко поднималась высокая грудь и слезы падали обильно росою на злашошвейныя шкани.

Теперь сіи деревянные переходы, осѣненные тѣнію столѣтнихъ дубовъ, сія тайная обитель невинности, учинилась свидѣтельницею ея радости. Страстный витязь позабылъ и спрахъ и благодарность — все забыто, когда сердце любитъ. Витязь, въ часы туманной полуночи, приходилъ къ Княжнѣ, и тамъ, у ногъ ея, повѣрялъ ей сердечную тоску и мученія, клялся въ вѣрности и упопалъ въ счастіи. Но любовники были скромны. Тихъ и ясенъ ручей при истокѣ; но скоро, возрастая собственными водами, становится быстръ, порывистъ, мутенъ. Такова любовь при рожденіи; таковы и наши любовники.

Между тѣмъ всѣ народы покорялись Великому Князю. И воинственные жители Дуная, и дикіе Хорваты, сыны густыхъ лѣсовъ и пустынь, и Печенѣги, піющіе вино изъ череповъ убіенныхъ

враговъ на сраженіи: всѣ платили дань Христіанскому владыкѣ. Народы странъ сѣверныхъ, жители шуманныхъ береговъ Варяжскаго моря, обитатели неизмѣримой и безплодной Біарміи, страшились и почитали Владиміра. Многіе владѣльцы желали вступить въ бракъ съ Предславою, желали, но тщетно: ибо они были всѣ служители идоловъ или поклонники Магомета. Часто на холмахъ, окружающихъ Кіевъ, неизвѣстный витязь становилъ златоглавый шатеръ и вызывалъ на единоборство богатырей Кіевскихъ. Ристалище открывалось, и пришлецъ, почти всегда побѣжденный, со стыдомъ удалялся въ свое отечество. Витязи иноплеменные ежедневно увеличивали дворъ Владиміровъ. Межь ними блистали красотой и храбростью: Гориславъ Ляхскій, юноша прекрасный, какъ солнце весенняго утра, храбрый Стефанъ Угорскій и сильный Андроникъ Чехскій, покрытый косматой кожей медвѣдя, котораго онъ задавилъ собственными руками въ безплодныхъ пустыняхъ, орошенныхъ Вислою. Всѣ они требовали руки Предславиной, всѣ состязался съ богатырями Кіевскими и угощаемы были подъ богатыми наметами гостепріимнымъ Владиміромъ. »Не наживу друзей сребромъ и золотомъ,« говорилъ онъ: »нѣтъ; а друзьями наживу, по примѣру дѣда и отца моего, сокровища и славу!«

Но ужасная туча сбиралась надъ главами нашихъ любовниковъ. Радміръ, сынъ Князей Болгарскихъ, владыка Христіанскаго поколѣнія, спѣшитъ заключить союзъ съ народомъ Русскимъ и тайно требуетъ руки Предславиной. Владиміръ принимаетъ богатые дары его и даетъ ласковый отвѣтъ посланнику Болгарскому: Радміръ вскорѣ является на берегахъ Днѣпровскихъ. Десять ставокъ, одна другой богатѣе, блистаютъ при восходѣ солнечномъ, и сіи ставки принадлежатъ Радміру, который, окруженный блистательной толпою вишязей Дунайскихъ, вступаетъ въ терема Княжескіе. Видъ его былъ величественъ, но суровъ; взоры проницательны, но мрачны; стройный станъ его былъ препоясанъ искривленнымъ мечемъ, руки обнажены; грудь покрыта легкою кольчугой, а внизъ раменъ висѣла кожа ужаснаго леопарда. Предслава увидѣла незнакомца, и сердце ея запрепетало отъ тайнаго предчувствія. Невольный румянецъ, замѣняемый смертною блѣдностію, обнажали страсти, волнующія грудь красавицы. Взоры ея искали Добрыни, который безгласенъ, блѣденъ, стоялъ въ толпѣ царедворцевъ; но надменный Радміръ толковалъ въ свою пользу явное смущеніе красавицы и ободренный своимъ заблужденіемъ: »Повелитель земли Русской!« сказалъ онъ, »тебѣ извѣстны храбрыя поколѣнія

Болгаровъ, населяющихъ обильные берега Дуная. Мечъ храбрыхъ Славянъ не одинъ разъ прикасался о сіе желѣзо (указывая на свой мечъ); не одинъ разъ лилась кровь обоихъ народовъ, народовъ равно славныхъ и воинственныхъ, отъ которыхъ трепеталъ и Западъ и поколѣнія сѣверныя: ибо гдѣ не извѣстна храбрость Болгаръ и Славянъ? Храбрые Россы унизили надменныя стѣны Царя-града; ты разсѣялъ въ прахъ стѣны Корсунскія: мечемъ предковъ моихъ избиты безчисленныя полчища Грековъ, ими выжженъ градъ, носившій имя древняго Ореста. Мудрые предки мои приняли Вѣру истиннаго Бога (*); и ты, Владиміръ, ошвергъ служеніе идоловъ, и ты капища претворилъ во храмы. Я желаю твоего союза, о повелитель земли Русской! Соединенные народы наши воедино удивятъ подвигами вселенную, распиряшъ за Уралъ предѣлы твоего владычества.... У твоего знамени будутъ сражаться мои воины. Мечъ мой будетъ твоимъ мечемъ.... Но да введу

(*) Болгары были Магометанскаго Исповѣданія, но не всѣ: ибо Императоръ Михаилъ, побѣдивъ ихъ, принудилъ принять Христіанскую Вѣру (Смотри Нестора). Они же разорили Адріанополь, носившій въ древности имя основателя своего, Ореста (и объ этомъ упоминаетъ Несторъ). Соч.

въ домъ преспарѣлаго отца моего твою дочерь, да назову Предславу супругою!... Владиміръ! я ожидаю благосклоннаго отвѣта.«

Царедворцы и младые витязи Русскіе съ негодованіемъ взирали на гордаго Радмира; они съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшительнаго отказа. Но тѣ изъ нихъ, которые посѣдѣли не на полѣ ратномъ, а въ служеніи *гридницы*, лучше знали сердце своего владыки: они прочитали во взорахъ его совершенное согласіе, и хитрая ихъ улыбка одобрила рѣчь надменнаго Радміра. Рѣшительность въ битвахъ, пылкая храбрость и духъ величія Болгарскаго владыки, духъ, алкающій славы и подвиговъ, давно были извѣстны Владиміру; гордыя слова, гордый и величавый видъ его, напоминали ему о годахъ его юности; и наконецъ союзъ двухъ народовъ, доселѣ непріязненныхъ, но равно храбрыхъ и сильныхъ, союзъ двухъ народовъ, скрѣпленный бракомъ Предславы, долженствовалъ возвеличить Княжество Русское — и мудрый Владиміръ подалъ руку свою, въ знакъ согласія. Красавица безмолвна, блѣдна, — какъ жертва, обреченная року, — склонясь на руку прекрасной Анны, робкими, медленными шагами приблизилась къ своему отцу, который подалъ ей *чашу пиршества*, исполненную сладкаго меда. Совершается древній обрядъ праотцевъ: женихъ принимаетъ чашу изъ

рукъ спыдливой невѣсты и выпиваетъ до дна сладостный напиток.

Десять дней сряду солнце Кіевское освѣщаетъ радушные пиры въ теремахъ Княжескихъ. Десять дней сряду все торжествуетъ и радуется. Но красавица проливаетъ слезы на лоно матери. Единственное утѣшеніе въ горести! — Часто ужасная тайна гонова вылетѣть изъ груди ея и всегда замираетъ на робкихъ устахъ. Анна приписываетъ къ нѣжности сердечной тоску дочери своей, и слезы ея текутъ съ слезами красавицы. Но гордый Радміръ, познавшій въ первый разъ любовь, близокъ проникнуть ужасную тайну. Съ негодованіемъ взираетъ на слезы, и силится подавить въ глубинѣ сердца своего ужасную страсть — ревность, спутницу пламенной любви.

Между тѣмъ настаетъ великій день, посвященный играмъ богатырскимъ. При восходѣ лучезарнаго солнца, голосъ бранной трубы раздается въ заповѣдныхъ лугахъ, и на возвышенномъ мѣстѣ, устланномъ коврами Вавилонскими (похищенными при взятіи Корсуня), возвышается высокій наметъ Княжескій. Тамъ возсѣдаетъ Владиміръ съ супругою и прекрасною Предславой. Тамъ, подъ другими шатрами, засѣдаютъ старцы и жены Кіевскія. Изъ нихъ старѣйшины называются *судьями тризны*, ибо награда храбраго искони

принадлежала мудрости и красотѣ. Народъ спекается за ставками, и безчисленныя толпы его покрываютъ ближнія возвышенія. Посреди равнаго мѣста, пѣшіе и конные витязи ожидали знака для начатія игръ. Грозный Роальдъ, витязь Новогородскій, возвышался межь ними, какъ древній дубъ посреди низкаго кустарника. Юный Переяславъ, богатырь низкаго рода, но низвергнувшій разъяреннаго вола, Переяславъ, побѣдившій исполина Печенѣговъ, гордился чудесной силою. Онъ былъ пѣшъ; кожа безобразнаго звѣря, имъ расперзаннаго, развѣвалась на широкихъ его раменахъ. Тяжелая сѣкира, которую и три воина нашего вѣка едва ли поднять могутъ, лежала на правомъ плечѣ богатыря. Онъ ожидалъ борца, и громкимъ голосомъ вызывалъ на поединокъ всѣхъ витязей; вызывалъ — тщетно! всякой спрашился неестественной его силы. Гордый Свенальдъ, древле пришедшій съ отлогихъ береговъ озера Нево, Свенальдъ, воевода Владиміровъ, являлся въ толпѣ витязей въ бронѣ вороненой, въ желѣзномъ шеломѣ, на которомъ вѣперъ развѣвалъ широкія крылья орлиныя. Израненная грудь его, на которой спруилась сѣдая брада; черный шлемъ, исполинское копье и щитъ величины необычайной, напоминали Кіевцамъ о товарищѣ отважнаго Святослава. Но межь вами, о витязи, находилась слав-

ная воительница, пришекшая съ береговъ баснословнаго Термодона (*). Высокая грудь ея, гдѣ розы сочетались съ свѣжими лиліями, грудь ея, подобная двумъ холмамъ чистѣйшаго снѣга, покрыша была легкою тканью. Черные власы красавицы, едва удержанные златою повязкой, развѣвались волною по плечамъ, за которыми звѣнѣлъ рѣзной тулъ, исполненный стрѣлъ. Нетерпѣливый конь ея, легкій какъ вѣтеръ, былъ покрытъ кожею ужаснаго леопарда; ноги его воздымали облако праха; златыя бразды его, омоченныя пѣною, громко звѣнѣли, и онъ, казалось, гордился своею всадницею. Мечъ, кованный въ Дамаскѣ, блисталъ въ правой рукѣ ея, а лѣвая покрыша была щитомъ серебра литаго. Все въ ней обличало дѣву: и гибкій станъ, подобный пальмѣ или стеблю лилейному, и маленькая нога, обутая въ багряный полусапогъ; но рука ея страхъ врагамъ и дерзкимъ витязямъ! — Кіевцы, пораженные новымъ для нихъ зрѣлищемъ, громко выхваляли красавицу, и сердце, гордое сердце дѣвицы сильно билось отъ радости.

Но Добрыня явился, и всѣ взоры на него обратились, и ланиты Предславы запылали розами. Витязь вошелъ въ толпу, одѣтый тонкимъ

(*) Конечно Царь-дѣвица. — Соч.

панцыремъ, на коиоромъ блистала голубая повязка — тайный подарокъ его любезной. Бѣлыя перья развѣвались на его шлемѣ. Мечъ-кладенецъ висѣлъ на широкомъ поясѣ у лѣвой бедры. По поданному знаку изъ шапра Княжескаго, юные гридни подвели ему коня, на коиоромъ Владиміръ воевалъ въ молодости. Давно уже никто не сѣдлалъ его, давно уже на свободѣ топталъ онъ траву въ заповѣдныхъ лугахъ Кіевскихъ. Преданіе говоритъ, что конь сей былъ нѣкогда посвященъ Свѣтовиду, и имѣлъ даръ пророчества (*). Въ знакъ дружбы своей, Владиміръ его отдаетъ витязю. Добрыня смѣло вложилъ ногу въ златое стремя; конь почувствовалъ сѣдока, преклонилъ смиренно дикую свою голову и радостнымъ ржаніемъ огласилъ луга и долины.

Знакъ былъ данъ стрѣлищами, и взоры устремились на высокую мѣту, поставленную на концѣ поприща. Къ ней былъ привязанъ быстрокрылый соколъ. Стрѣлки отдѣлились, и въ числѣ ихъ прекрасная воительница. Златый лукъ зазвѣнѣлъ въ ея рукахъ и стрѣла помчалась по воздуху; но пернатое остріе ударилось въ дерево, запалось, и устрашенная птица запрепетала

(*) Конь бога Свѣтовида имѣлъ даръ пророчества. Смотри *Миѳологію Славянъ*, Г. Кайсарова. — Соч.

крыльями. Юный Гориславъ вынулъ каленую стрѣлу, и пернатая, пущенная изъ сильныхъ рукъ его, разсѣкла воздухъ пламенною стезею. Такъ пролетаетъ молнія или звѣзда воздушная по синему небу! Стрѣла перерѣзала нити, которыми былъ привязанъ соколъ — и птица, свободная отъ узъ быстро полетѣла надъ главами зрителей. Добрыня напрягаетъ лукъ свой, пускаетъ мѣткую стрѣлу... и соколъ лежитъ у ногъ Предславы, и народъ восклицаетъ: »Честь и слава Добрынѣ!« а сердце красавицы упокоило въ веселіи.

Изводятъ на поприще дикаго вола, воспитаннаго на пажитяхъ Черкасскихъ: ужасная глава его, вооруженная крутыми рогами, поникла къ землѣ; взоры дикіе и мутные обращены были на толпу, которая раздалась въ ту и другую сторону. Андроникъ, дерзкій витязь, желая разъярить чудовище, вонзилъ въ ребра его легкое копье: остріе впилось, древко запрепалось и черная кровь хлынула рѣкою. Разъяренный волъ бросается на толпу, тяжелыя ноги его вздымаютъ къ небесамъ облако праха и пыли: пышетъ черный дымъ, искры сыплются изъ глубокихъ его ноздрей, — и страшный ревъ подобный грому, оглушаетъ устрашенныхъ зрителей. Между тѣмъ опрокъ Переяславъ исторгается изъ толпы, и сильными мышцами ухватываетъ за рога дикаго звѣря. Начи-

нается ужасная борьба. Трижды разъяренный волъ опрокидывалъ богатыря и давилъ его своею громадою; трижды богатырь опрокидывалъ звѣря, и ноги его, подобныя столбамъ тяжелаго зданія, глубоко входили въ песокъ. Наконецъ храбрый юноша, уже близкій къ погибели, вскакиваетъ на хребетъ его, обхватываетъ жилистыми руками.... и чудовище, изрыгая ручьи кровавой пѣны, падаетъ бездыханно. Богатырь, покрытый пылью и по́потомъ, однимъ махомъ сѣкиры своей отрубаетъ ужасную голову чудовища, приподымаетъ ее за крутые рога и бросаетъ къ ставкѣ Княжеской. Прекрасныя Княжны ужаснулись, а Кіевцы удивленные симъ новымъ и чудеснымъ зрѣлищемъ, провозглашаютъ богатыря побѣдителемъ.

Радміръ, сохраняя глубокое молчаніе, стоялъ близъ ставки Княжеской. Онъ желаетъ сорвать пальму побѣды, требуетъ позволенія войти въ толпу храбрыхъ, и въ тайнѣ сердца своего полагаетъ совершить побѣду надъ Добрынею.

Начинаются игры не менѣе опасныя, но въ которыхъ сила и храбрость должны уступить искусству; всадники раздѣляются на двѣ стороны; каждый изъ нихъ выбираетъ соперника; Радміръ назначилъ Добрыню — и вишязь благословляетъ сей выборъ! Въ рукахъ его и жизнь и слава соперника, въ рукахъ Предславы награда побѣ-

дшпелю: златый кубокъ, чудо искусства Греческихъ художниковъ.

Разъѣзжаются по широкой равнинѣ: легкіе кони летятъ какъ вихри, одинъ на встрѣчу другому, копья ударились въ щиты. Добрыня удволяетъ удары — и Радміръ, простертый на землѣ, глотаетъ пыль и прахъ! — Русскій витязь покидаетъ коня своего, мечь сверкаетъ въ рукѣ Болгара, удары сыплются на доспѣхи любовника Предславы, звонкіе иверни летятъ съ кольчуги, — мщеніе и гнѣвъ владѣетъ рукою витязей, равно храбрыхъ и искусныхъ.... Но Владиміръ подаетъ знакъ, и витязи остановились.

Ибо внезапно воздухъ помрачился тучами. Зашумѣли вихри, и громъ прижды ударилъ надъ главами зрителей. Сердца малодушныхъ женъ и старцевъ, которые втайнѣ поклонялись мстительному Чернобогу, исполнились ужасомъ. Празднество кончилось, мечи и копья витязей опустились долу; но дождь и снѣгъ безпрестанно шумѣли и наполняли внезапными ручьями путь и окрестную равнину. Порывистый вихрь сорвалъ вопкнутыя древки и разместалъ далеко наметы Княжескіе. Народъ укрывался подъ развалинами древнихъ капищъ и толпами бѣжалъ къ городу. Анна прижала къ груди своей Предславу, и робкою, но поспѣшною стопою, ведомая Владиміромъ

и окруженная вѣрными гриднями, удалялась въ теремъ свой. Гласы бѣгущаго народа, топотъ скачущихъ по полямъ всадниковъ, свистъ разъяренныхъ вихрей, дождь, падающій рѣками: все сіе устрашало прекрасную Княжну. Омоченные власы разсыпались по высокому челу ея, вихрь сорвалъ легкіе покровы съ главы, дыханіе ея перерывалось отъ скораго бѣга, и она, изнемогая, почти бездыханна упала на пути, въ дальнемъ разстояніи отъ Кіева. Анна и Владиміръ спѣшили къ ней на помощь и Радміръ предложилъ ей коня своего. Сердце Добрыни въ свою очередь запылало ревностію: онъ желалъ бы самъ проводить Княжну, желалъ бы ... пщетное желаніе! Ненавистный Болгаръ женихъ ея, онъ одинъ имѣетъ сіе право. Между тѣмъ служитель Радміровъ подводилъ коня за звучащія бразды — Предслава приблизилась къ нему... она увидѣла безпокойство Добрыни, прочитала въ глазахъ витязя глубокую печаль его, и горестный вздохъ вылетѣлъ изъ груди прекрасной дѣвицы. Женихъ ей подалъ свою руку.... о счастіе! нетерпѣливый конь, устрашенный шумною толпою, вырвался изъ рукъ клеврета и стрѣлою исчезъ во мракѣ. Болгарскій Князь, снѣдаемый гнѣвомъ, бросился вслѣдъ за нимъ: тщетны были его старанія, и ревность на крылахъ вѣтра заставила его возвратиться къ Предславѣ. Но

Добрыня, по приказанію Владиміра, сидѣлъ уже на конѣ съ Княжною; уже борзый конь вихремъ уносилъ счастливую чету, и великое пространство поля отдѣляло любовниковъ отъ ревнивца. Сладкія минуты для Добрыни! красавица обнимала его лилейными руками, сердце ея билось — билось такъ близко его сердца, нѣжная грудь ея прикасалась къ стальной кольчугѣ, дыханіе ея смѣшивалось съ его дыханіемъ (ибо витязь безпрестанно обращалъ къ ней голову свою) — и лице ея, омоченное хладными ручьями дождя и снѣга, разгорѣлось, какъ сильное пламя ... конь мчался вихремъ.... и витязь, въ первый разъ въ жизни, сорвалъ продолжительный, сладостный поцѣлуй съ полуотверстыхъ устъ милой всадницы. Гибельный поцѣлуй! онъ разлился какъ огнь, глубоко проникъ въ сердце, и затмилъ свѣтлыя очи красавицы облакомъ любви и сладострастія. Она невольно преклонила голову свою на плечо витязя, подобно нѣжному маку, отягченному излишними каплями Майской росы. Благовонные власы ея, развѣваемые дыханіемъ вѣтровъ, касались ланитъ счастливаго любовника; онъ осыпалъ ихъ сладкими поцѣлуями, осушалъ ихъ своимъ дыханіемъ, и упоеніе обоихъ едва ли кончилось, когда быстрый конь примчался къ терему Владиміра, когда онъ прижды ударилъ нетерпѣливымъ копытомъ о зе-

млю и прислужницы Княжескія вышли имъ на встрѣчу съ пылающими свѣтильниками.

Владиміръ возвратился въ высокіе терема и тамъ нашелъ печальную и блѣдную Предславу. Ахъ, если бы матерь ея, которой ласковыя руки осушали омоченные волосы дочери, если бъ матерь знала, какая буря свирѣпствовала въ ея сердцѣ, отъ чего лиліи покрыли блѣдностію чело и ланиты, отъ чего высокая грудь красавицы сполъ томно волнуется подъ покровами!...

Но вскорѣ Княжна, окруженная подругами, скрылась въ теремъ свой, ибо глубокая ночь уже давно покрывала землю. Добрыня, увлеченный любовію, забывъ и долгъ и собственную безопасность, Добрыня, пользуясь ночнымъ мракомъ, поспѣшилъ къ терему красавицы. Все начинало вкушать сонъ въ чертогахъ Княжескихъ, но буря не умолкала. Ужасно скрыпѣли древніе дубы, осѣняющіе мирную обитель красоты, и градъ шумѣлъ безпрестанно, падая на деревянный кровъ терема. Тусклый свѣтъ ночной лампады едва мерцалъ сквозь густыя вѣтви, и богатырь, стоящій на сырой землѣ, сохранялъ глубокое молчаніе. Онъ желалъ опознать образъ Предславы, мелькающій въ окнахъ терема, приблизился, и увидѣлъ ее. Тамъ, въ тайномъ уединеніи, освѣщенная лучемъ лампады, являлась она посреди своихъ прислуж-

ницъ, подобно дѣвѣ, посвященной служенію *Знича*, подобно жрицѣ, когда она въ глубокую ночь, уклонившись въ Муромскія убѣжища, медленно приближается къ жертвеннику, на которомъ пылаетъ неугасаемое пламя, — медленно снимаетъ предъ тайнымъ божествомъ дѣвственные покровы и совершаетъ неисповѣдимые обряды.

Какъ билось сердце твое, храбрый юноша, когда красавица, отдаливъ подругъ, отрѣшила узлы таинственныхъ покрововъ! Какъ билось сердце твое, несчастный и вмѣстѣ счастливѣйшій изъ смертныхъ, когда рука ея обнажила грудь, подобную двумъ глыбамъ чистѣйшаго снѣга; когда волосы ея небрежно разсыпались по высокому челу и по алебастровымъ плечамъ! — Нѣтъ, не въ силахъ языкъ человѣческій изобразить страстей, пылающихъ въ груди нашего рыцаря! Но вы, пламенные любовники, перенеситесь мыслями въ тѣ времена страстей и блаженства, когда случай или любовь, властительница міра (ибо и случай ей покорствуетъ), когда любовь открывала предъ вами свои таинства; вы, счастливцы, можете чувствовать блаженство Добрыни!

Робкій голосъ его называлъ имя Предславы и вѣтеръ прежды заглушалъ его. Наконецъ красавица услышала; встревоженная, приблизилась къ окну, и при блѣдномъ лучѣ свѣтильника узнала

его. Долго смотрѣла она, какъ вѣтеръ развѣвалъ черныя его кудри, какъ снѣгъ сыпался медленно на открытую голову возлюбленнаго; долго въ недоумѣніи глядѣла она . . . и наконецъ сожалѣніе (преданіе говоритъ: любовь), владѣя робкою рукою, тихонько отодвинуло желѣзные притворы терема — и витязь упалъ къ ея ногамъ! — »Что ты дѣлаешь?« сказала прекрасная: »что ты дѣлаешь, несчастный? Бѣги отъ меня, сокройся, пока мстительный богъ.... Ахъ! я навѣки твоей не буду! Небо разлучаетъ насъ.« — »Люди разлучаютъ насъ;« прервалъ ее Добрыня: »Люди разлучаютъ два сердца, созданныя одно для другаго, въ одинъ часъ, подъ одною звѣздою, созданныя, чтобы утонуть въ блаженствѣ, или глубоко, глубоко лежать въ сырой землѣ, но лежать вмѣстѣ, неразлучно!« — Удались, заклинаю тебя....« — »Ахъ, Предслава! ты моя навсегда . . . женихъ твой, сей Болгаръ, долженъ упасть отъ меча храбраго!« — »Ахъ, что ты хочешь предпринять? А судьба матери моей? а гнѣвъ, неукротимый гнѣвъ Великаго Князя?...« — »Такъ, Предслава: я вижу, ты меня не любишь. Бракъ съ повелителемъ обильныхъ странъ Дунайскихъ льститъ твоему честолюбію. Вѣроломная женщина! ты не любишь Добрыню, ты забыла священнѣйшій долгъ, клятвы любви!... Но смерть

мнѣ оспается въ награду за вѣрность!« — Сіяющій мечь висѣлъ при бедрѣ героя, правая рука его лежала на златой рукояти; но Предслава слабая и вмѣстѣ великодушная, Предслава бросилась въ его объятія, горячія слезы текли изъ глазъ ея, слезы любви, растворенныя сердечною тоскою. Любовники долго безмолвствовали. Сама любовь запечатлѣвала стыдливыя уста красавицы; вскорѣ слезы сладострастія заблистали, какъ перлы на длинныхъ ея рѣсницахъ, розы запылали на щекахъ, грудь, изнемогая подъ бременемъ любви, едва, едва волновалась, и прерывистый, томный вздохъ, подобный шептанію Майскаго вѣтерка, засыпающаго на цвѣтахъ, вылетѣлъ изъ груди ея, вылетѣлъ, ... и замеръ на пламенныхъ устахъ любовника.

Быстро мчится время на крылахъ счастія, любовь осыпаетъ розами своихъ любимцевъ; но время, прикосновеніемъ хладныхъ крылъ своихъ, вскорѣ и самыя розы сладострастія превращаетъ въ терны колючіе! — Все безмолвствовало въ обители красавицы. Свѣтильникъ, догарая, изрѣдка бросалъ пламень свой ... и она проснулась отъ очарованія, среди мрака бурной ночи. Напрасно витязь прижималъ печальную къ груди своей, напрасно пламенныя уста его запечатлѣвали тихое, невольное роптаніе: рука ея трепетала въ рукѣ

любовника, слезы лились обильными ручьями, и хладный ужасъ заступилъ послѣдній пламень въ крови печальной любовницы.

Наконецъ горестный поцѣлуй прощанія соединилъ на минуту души супруговъ. Красавица вырвалась изъ объятій витязя. Добрыня надвинулъ сіяющій шлемъ свой, открылъ двери терема, ведущія на длинные переходы.... О ужасъ! онъ увидѣлъ, при сомнительномъ блескѣ мѣсяца, который едва мелькалъ сквозь облако, увидѣлъ ужасный призракъ.... вооруженнаго рыцаря! и сердце его, незнакомое со страхомъ, затрепетало не за себя, за красавицу. Предслава упала бездыханна на прагъ свѣтлицы. Но мечъ уже сверкалъ въ рукѣ незнакомца, страшный голосъ его раздался во мракѣ, »Вѣроломные! мщеніе и смерть!« — Добрыня, лишенный щита и брони, вооруженный однимъ шлемомъ и острымъ мечемъ своимъ, тщетно отбивалъ удары: тайный врагъ нанесъ ему тяжелую рану и кровь ударилась ручьями. Богатырь, пылая мщеніемъ, поднялъ мечь свой обѣими руками — незнакомецъ уклонился — ударъ палъ на перилы, щепы и искры посыпались, столбы зданія зашатались въ основаніяхъ и сердце незнакомца исполнилось ужасомъ. Красавица, пробужденная отъ омрака, бросилась въ объятія Добрыни; тщетно дрожащая рука ея удерживала его руку,

тщетно слезы и рыданія умоляли соперника: ревность и мщеніе кипѣли въ люпомъ его сердцѣ. Онъ бросился на Добрыню, и випязь, прижавъ къ окровавленной груди своей плачущую супругу, долго защищалъ ее мечемъ своимъ. Опъ частыхъ ударовъ его разбился шлемъ соперника, иверни падали съ кольчуги, гибель его была неизбѣжна.... Но правая нога измѣняетъ несчастному Добрынѣ; онъ скользитъ по помосту, омоченному ручьями дождя и крови — несчастный падаетъ, защищая красавицу, и хладный мечъ соперника прижды по самую рукоять впивается въ его сердце.

Свѣтильники, принесенные устрашенными дѣвами, спекающимися изъ терема, освѣтили плачевное зрѣлище.... Радміръ (ибо это онъ былъ, сей незнакомецъ, завлеченный ревностію къ терему Предславы), Радміръ довершалъ свое мщеніе. Добрыня, плавая въ крови своей, устремилъ послѣдній, умирающій взоръ свой на красавицу; улыбка, — печальная улыбка попухла въ очахъ его, — и имя Предславы вмѣстѣ съ жизнію замерло на устахъ несчастнаго.

Нѣтъ ни жалобъ, ни упрека въ устахъ красавицы. Нѣтъ слезъ въ очахъ ея. Хладна какъ камень, безотвѣтна какъ могила; она бросила печальный, умоляющій взоръ на припекшаго Владиміра, на отчаянную матерь, и прижавъ къ нагой

груди своей сердце супруга, пала бездыханна на оледенѣлый его прупъ.... какъ лилія, сорванная дыханіемъ непогодъ, какъ жертва, обреченная любви и неизбѣжному року.

Насилу досказалъ! —

С.Пб. на №321. стр. 1—26.

I.

ПИСЬМА И ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ.

Къ Д. В. Д.

Парижъ, 25 Апрѣля 1814.

» Письмо ваше, отъ 25 Января, я получилъ на маршѣ отъ Випри къ Феръ-Шампенуазу, и не могу вамъ описать удовольствія, съ какимъ я прочиталъ его! Сто разъ благодарю васъ за пріятное ваше посланіе къ полуварвару, Батюшкову, покрытому военнымъ прахомъ; забывшему и Музу и ея служителей, но не забывшему друзей, изъ числа которыхъ вы всегда жили въ моемъ сердцѣ. Сколько и сколько пріятныхъ минутъ, проведенныхъ съ вами, даютъ мнѣ право на ваше воспоминаніе! Въ жизни моей я былъ обманутъ во многомъ, кромѣ дружбы: ею могу еще гордиться; она меня примиряетъ съ жизнію, часто печальною, и съ міромъ, который покрытъ развалинами, гробами и страшными воспоминаніями. Теперь нѣсколько словъ о себѣ. Вы не будете требовать

отъ меня цѣлой книги, то есть, описанія моихъ походовъ и странствій: для этого не достанешъ у меня бумаги, а у васъ терпѣнія! Скажу вамъ просто: я въ Парижѣ. La Messagère indifférente, молва, извѣстила васъ давно о нашихъ побѣдахъ, чудесныхъ по истинѣ; это все давнымъ давно извѣстно, и расположено въ Англійскомъ клубѣ, и въ газетахъ, и въ Журналахъ, и въ офиціяльныхъ одахъ; однимъ словомъ: это старина для васъ, жителей мирнаго Петрограда. Но повѣрите ли, мы, которые участвовали во всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, мы едва ли до сихъ поръ вѣримъ, что Наполеонъ исчезъ; что Парижъ нашъ; что Лудовикъ на тронѣ и соотечественники Монтескье, Расина, Фенелона, Робеспьера, Купона, Дантона и Наполеона поютъ по улицамъ: Vive Henry quatre! vive le Roy vaillant! Такія чудеса превосходятъ всякое понятіе. И въ какое коротkое время! И съ какими странными подробностями! Нѣтъ, любезный другъ, надобно имѣть весьма здоровую голову, чтобъ понять всѣ дѣла сіи, и чтобы слѣдовать за всѣми обстоятельствами.... Я отъ этой работы отказываюсь, я, который часто не понималъ стиховъ N. N. Скажу просто: я въ Парижѣ. Первые дни нашего здѣсь пребыванія были дни энтузіазма; теперь мы покойнѣе. Бродимъ по бульвару, обѣдаемъ у Bauvilier, посѣ-

щаемъ шеатры; удивляемся искусству, необыкновенному искусству Тальмы; смѣемся во все горло проказамъ Брюнета, споимъ въ изумленіи передъ Аполлономъ Бельведерскимъ, передъ картинами Рафаэля — въ великолѣпной галлереѣ Музеума; зѣваемъ на площади Лудовика XIV, или на Новомъ мосту, на поприщѣ народныхъ дурачествъ; гуляемъ въ великолѣпномъ Тюльери, въ Ботаническомъ саду, или въ окрестностяхъ Парижа, среди необозримой толпы Парижскихъ гражданъ, Парижскихъ грацій, старыхъ Роялистовъ, Якобинцевъ, Бонапартистовъ и пр. и пр. Теперь мы все это дѣлаемъ и дѣлать можемъ, ибо мы отдохнули и тѣломъ и душею. Замѣтьте, что мы имѣемъ важное преимущество надъ прежними путешественниками: мы путешественники вооруженные! Я часто съ удовольствіемъ смотрю, какъ наши Казаки безпечно проѣзжаютъ черезъ Аустерлицкой мостъ, любуясь его удивительнымъ построеніемъ; съ удовольствіемъ неизъяснимымъ вижу Русскихъ гренадеръ передъ Трояновой колонной, или у рѣшетки Тюльери, передъ arc de triomphes, гдѣ изображенъ и Ульмъ, и Аустерлицъ, и Фридландъ и Іена; еще съ большимъ удовольствіемъ смотрю на нашихъ воиновъ, гуляющихъ съ инвалидами на широкой площади, принадлежащей ихъ дому. Французы дорого заплатили за свою славу, любезный

другъ; они должны быть благодарны нашему Царю за спасеніе не только Парижа, но цѣлой Франціи; они и благодарны: это меня примиряетъ нѣсколько съ ними. Но что вамъ до народа Французскаго! За чѣмъ Батюшковъ не говоритъ о Литературѣ, о Лицеѣ, о славныхъ ученыхъ мужахъ, объ остроумныхъ головахъ, о Поэтахъ, однимъ словомъ: о людяхъ, которымъ я, живучи на берегу Ладожскаго озера и Невы, обязанъ сладостными минутами; которыхъ одно имя пробуждаетъ въ моей головѣ тысячу воспоминаній пріятныхъ, тысячу понятій.... Извольте! я скажу вамъ, во-первыхъ, что въ шумѣ военномъ я забылъ, что существовала Академія изъ сорока Членовъ; но разъ, перейдя за Королевскій мостъ, забрелъ я случайно къ Дидоту, любовался у него изданіемъ Лафонтена и Расина, и — разговаривая съ его повѣреннымъ, — узналъ ненарокомъ, что завтра въ 3 часа по полудни второй классъ Института будетъ имѣть торжественное засѣданіе. Вооружась билетомъ для прохода чрезъ врата учености въ сіе важное святилище Музъ, я, вашъ маленькій Тибуллъ, или проще — Капитанъ Русской службы, что въ нынѣшнее время важнѣе, нежели бывшій Кавалеръ или всадникъ Римскій; я, вашъ пріятель, наступилъ на горло какому-то Члену Общества и во-

шелъ въ залу, пробираясь сквозь толпу любопытныхъ. »Вотъ садитесь здѣсь, или станьте за моимъ табуретомъ,« сказала мнѣ прекрасная женщина: »здѣсь вы все увидите, все услышите. Я сталъ за табуретомъ, и съ удовольствіемъ взглянулъ на залу и на блестящее собраніе отборной публики.... Парижской! — Зала прекрасная: она построена крестообразно; въ четырехъ нишахъ, составляющихъ углы ротонды, поставлены четыре статуи, прекрасныя произведенія искусства Французскихъ художниковъ, статуи великихъ людей, Сюлли, Монтескье, Боссюэта и Фенелона. Отъ ротонды возвышается амфитеатръ, посвященный для зрителей ротонды, для Членовъ и важныхъ посѣтителей. Члены сбирались мало по малу, и Французъ, мой сосѣдъ, называлъ ихъ: вотъ Буфлеръ! — вотъ Сикаръ! — а это, съ красной лентой, старикъ Сегюръ! Вотъ Эпьень, сочинитель хорошей комедіи; возлѣ него Пикаръ, любимый Авторъ Парижскій. Съ ними были и другіе Члены прочихъ классовъ Института, которые имѣютъ право засѣдать въ торжественныхъ собраніяхъ. Ни Парни, ни Фонтаня я не видалъ. Шатобріана, кажется, не было. Наполеонъ не согласенъ былъ на принятіе его въ Члены за нѣсколько строкъ ... противъ правленія, или противъ его особы: за то и Шатобріанъ не по-

щадилъ его въ послѣднемъ сочиненіи, которое вамъ безъ сомнѣнія извѣстно. Наконецъ при блескѣ публики, при безпрестанныхъ восклицаніяхъ: vive Alexandre! vive le général Sacken! вошли наши Герои. — Лакрепель, Секретарь Академіи, читалъ имъ привѣтствіе. Я съ удовольствіемъ слушалъ его. Лакрепель, какъ Писатель, имѣетъ достоинство. — За нимъ снова рукоплесканія, снова восклицанія: »Да здравствуетъ Императоръ!« и пр. Они замолкли, и Г. Вильменъ, молодой человѣкъ 22 лѣтъ, началъ читать снова привѣтствія Государю, и просилъ публику выслушать разсужденіе о пользѣ и невыгодахъ критики, увѣнчанное Институтомъ. Молчаніе глубокое! Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ длинную рѣчь молодаго Профессора, весьма хорошо написанную, какъ мнѣ показалось; часто аплодировали блестящимъ фразамъ, и болѣе всего тому, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. »*Браво, Г. Вильменъ! продолжайте!*« говорили женщины. *Онъ мыслитъ*, il pense, говорили мужчины, поправляя галстухъ съ обыкновенною важностью... и всѣ были довольны. »*Какъ онъ молодъ!*« шептали женщины; »*какъ онъ молодъ*, и два раза увѣнчанъ Академіей: въ первый разъ за похвальное слово Монтаню,« ... — »въ которомъ много глубокихъ мыслей,« прибавилъ мущина, мой сосѣдъ. »Не му-

дрено!« продолжалъ другой: »онъ говорилъ о Монтанѣ.« По окончаніи рѣчи, Президентъ обнялъ два раза молодаго Профессора и провозгласилъ его побѣдителемъ, при шумныхъ рукоплесканіяхъ публики. Государь нашъ и Король Прусскій сказали ему нѣсколько учтивыхъ словъ; молодой Авторъ былъ на розахъ!!! —

Нынѣшній годъ была предложена къ увѣнчанію *Смерть Баярда;* но, по слабости поэзіи, не получила обыкновенной награды. Теперь угадайте, какой предметъ назначенъ для будущаго года? — *Польза прививанія коровьей оспы!!* По этому, любезный другъ, можете судить о состояніи Французской Словесности. Ее не любилъ Наполеонъ; математикъ во всякомъ случаѣ бралъ преимущество надъ Членомъ Института: что не мало послужило къ упадку Академіи Французской. Правленіе должно лелѣять и баловать Музъ: иначе, онѣ будутъ безплодны. Слѣдуя обыкновенному теченію вещей, я думаю, что вѣкъ славы для Французской Словесности прошелъ, и врядъ можетъ ли когда-нибудь возродиться. Впрочемъ, мирное отечественное правленіе Лудовика будетъ для Музъ во сто разъ благосклоннѣе судорожнаго правленія Корсиканца, который и въ великолѣпныхъ памятникахъ Парижскихъ доказалъ, что онъ не имѣетъ вкуса, и что *Музы отъ него чело свое сокрыли.*

Теперь вы спросите у меня: что мнѣ болѣе всего понравилось въ Парижѣ? — Трудно рѣшить. — Начну съ Аполлона Бельведерскаго. Онъ выше описанія Винкельманова; это не мраморъ, — богъ! Всѣ копіи этой безцѣнной статуи слабы, и тотъ, кто не видалъ сего чуда искусства, тотъ не можетъ имѣть о немъ понятія; чтобъ восхищаться имъ, не надобно имѣть глубокія свѣдѣнія въ искусствахъ: надобно чувствовать! Странное дѣло. Я видѣлъ простыхъ солдатъ, которые съ изумленіемъ смотрѣли на Аполлона; такова сила генія! Я часто захожу въ Музеумъ, единственно затѣмъ, чтобы взглянуть на Аполлона, и, какъ отъ бесѣды мудраго мужа, или милой, умной женщины, по словамъ нашего Поэта, *лучшимъ возвращаюсь.* Ни слова о другихъ рѣдкостяхъ, ни слова о великолѣпной картинной галлереѣ, единственной въ своемъ родѣ! Ни слова о рѣдкостяхъ Парижскихъ, ни слова о театрахъ, о Дюшенуа, о Тальма, и пр. и пр. Я боюсь вамъ наскучить моими замѣчаніями; но позвольте, мимоходомъ, разумѣется, похвалить женщинъ. — Нѣтъ! онѣ выше похвалъ:

Предъ ними испоцаетъ
Любовь златой колчанъ;
Все въ нихъ обворожаетъ:
Походка, легкій станъ,

Полупагія руки,
И полный нѣги взоръ,
И устъ волшебны звуки
И спрастный разговоръ;
Все въ нихъ очарованье!
А ножка, милый другъ:
Она Харитъ созданье,
Кипридиныхъ подругъ!
Для ножки сей, — о вѣчны боги!
Усѣйте розами дороги,
Иль пухомъ лебедей!
Самъ Фидій передъ ней
Въ восторгѣ утопаетъ; —
Поэтъ на небесахъ!

»И такъ мнѣ болѣе всего понравились ноги, прелестныя ноги прелестнѣйшихъ женщинъ въ мірѣ! De gustibus non disputandum. — У Англійскаго Генерала не давно спрашивали Французскіе Маршалы: что ему болѣе всего понравилось въ Парижѣ? — *Русские гренадеры*, отвѣчалъ онъ. Пусть С. скажетъ вамъ теперь, что ему понравилось въ столицѣ міра: здѣсь, мы съ нимъ видимся каждой день; бродимъ по улицамъ, и часто, очень часто вспоминаемъ о Д. — Ему уступаю перо до перваго случая.«

II.

КЪ Сверину.

Готенбургъ, 19 Іюня, 1814 года.

Исполняю мое обѣщаніе, любезный другъ, и пишу къ тебѣ изъ Готенбурга. Послѣ благополучнаго плаванія прибылъ я вчерашній день на пакет-ботѣ Альбіонѣ, здоровъ и веселъ, но въ большой усталости отъ морскаго утомительнаго переѣзда. Усталость не помѣшаетъ разсказывать мои похожденія. Садись и слушай. Оставя тебя посреди вихря Лондонскаго, я сѣлъ съ великимъ Рафаэломъ въ фіакръ и въ безпокойствѣ доѣхалъ до почтоваго двора, боясь, чтобы карета подъ надписью въ Гаричь не ускакала безъ меня въ урочное время. Къ счастію, она была еще на дворѣ и около нея рой почтовыхъ служителей, ожидающихъ почтенныхъ путешественниковъ. Дверцы отворены: я пожалъ руку у твоего Итальянца, громкаго именемъ, но смиреннаго званіемъ, и, со всей возможной важностію, занялъ первое мѣсто: ибо я первый вошелъ въ карету. Другіе спутники мои (заплатившіе за проѣздъ дешевле) усѣлись на крышкѣ, на козлахъ, распустили огром-

ные зонтики и начали, по обыкновенію всѣхъ земель, бранить кучера, который медлилъ ударить бичемъ и спокойно допивалъ кружку пива, разговаривая со служанкою трактира. Между тѣмъ, какъ съ кровли каретной сыпались гондемы на кучера, дверцы отворились: двое мущинъ сѣли возлѣ меня, и колымага тронулась. Къ счастію то были Нѣмцы изъ Гамбурга, люди привѣтливые и добрые. Мы не успѣли выѣхать изъ предмѣстій Лондона и карета остановилась: въ нее вошелъ новый спутникъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что товарищъ нашъ былъ родомъ Шведъ, а промысломъ — глупецъ; но оригиналъ удивительной, о которомъ я, въ качествѣ историка, буду говорить въ надлежащее время. Теперь я на большой дорогѣ, прощаюсь съ Лондономъ, котораго, можетъ быть, не увижу въ другой разъ.... Летимъ по гладкой дорогѣ, между великолѣпныхъ липъ и дубовъ — Лондонъ исчезаетъ въ туманахъ. Въ Колчестеръ, знаменитый устрицами, прибыли мы въ глухую полночь, а въ Гаричь на разсвѣтѣ. Въ гостинницѣ толстаго Буля ожидалъ насъ завтракъ. Товарищи мои: Шведъ, два Гамбургца, нѣсколько Англичанъ и Шотландцевъ, всѣ въ глубокомъ молчаніи и съ важностію чудесною пили чай и поглядывали на море, въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Таможенные приставы ожидали насъ.

Окончa всѣ дѣла съ ними, честная компанія возвратилась къ Булю. Въ большой залѣ ожидали насъ новые товарищи, которые, узнавъ, что я Русской, дружелюбно жали мою руку и предложили пить за здравіе Императора. Портвейнъ и Хересъ переходили изъ рукъ въ руки, и подъ вечеръ я былъ красенъ, какъ Майской день, но все въ глубокомъ молчаніи. Товарищи мои пили съ такою важностію, о которой мы, жители материка земли, не имѣемъ понятія. Насъ было болѣе двѣнадцати, со всѣхъ четырехъ концевъ свѣта, и всѣ, казалось мнѣ, люди хорошо воспитанные, всѣ, кромѣ Шведа. Онъ часъ отъ часу болѣе оживлялся, желая играть роль Женпельмана и коверкая Англійскій языкъ немилосердымъ образомъ.... Англичане улыбались, пожимали плечами и пили за его здоровье. Вѣперъ былъ пропивный и мы остались ночевать въ Гаричѣ. На другой день по утру, Шотландецъ, товарищъ мой изъ Лондона, высокой и стройный молодой человѣкъ, вошелъ въ мою спальню и ласковымъ образомъ на какомъ-то языкѣ (который Англичане называютъ Французскимъ) предложилъ мнѣ итти въ церковь. День былъ воскресной и народъ толпился на паперти. Двери храма отворились; мы вошли съ толпою.

Простота служенія, умиленіе, съ которымъ

всѣ молились въ молчаніи, изрѣдка прерываемомъ или протяжнымъ пѣніемъ или важными звуками органа, сдѣлали въ душѣ моей впечатлѣніе глубокое и сладостное. Спокойныя ангельскія лица женщинъ, бѣлыя одежды ихъ, локоны, распущенные въ милой небрежности; рой прелестныхъ дѣтей, соединяющихъ юные голоса свои съ дрожащимъ голосомъ спарцевъ, древнихъ мореходцевъ, посѣдѣвшихъ на бурной стихіи, окружающей Гаричь: все вмѣстѣ образовало картину великолѣпную, и никогда Религія и священные обряды ея не казались мнѣ столь плѣнительными! Самая церковь на берегу моря, въ приспани, ошкуда столько путешественниковъ пускается въ края отдаленные міра и имѣетъ нужду въ промыслѣ Небесномъ, сей храмъ съ готическою кровлею, съ гербами, съ простою каѳедрою, на которой почтенный спарецъ изъясняетъ простыми словами глубокой смыслъ Евангелія; сей самый храмъ имѣетъ нѣчто особенное, нѣчто плѣнительное. Около двухъ часовъ я просидѣлъ съ моимъ Шопландцемъ; онъ молился съ большимъ усердіемъ, скажу болѣе, съ набожностію. Примѣру его слѣдовали всѣ молодые люди и граждане мирные и воины. Такъ, милый другъ, земля, въ которой все процвѣтаетъ, земля, такъ сказать, заваленная богатствами всего міра, иначе не можетъ поддержать себя, какъ

совершеннымъ почитаніемъ нравовъ, законовъ гражданскихъ и Божественныхъ. На нихъ-то основана свобода и благоденствіе новаго Карѳагена, сего чудеснаго острова, гдѣ роскошь и простота въ вѣчной борьбѣ. Это смѣшеніе простоты и роскоши меня поразило всего болѣе въ отечествѣ Елисаветы и Адиссона. — Въ сей день незабвенный для моего сердца, одинъ изъ путешественниковъ, узнавъ, что я Русской, пригласилъ меня прогуливаться. Мы бродили по берегу морскому посреди благовонныхъ пажитей и лѣсовъ, осѣняющихъ окрестности Гарича. Толпы счастливыхъ поселянъ въ праздничныхъ платьяхъ прогуливались вдоль по дорогѣ, или отдыхали на травѣ. Сквозь густую зелень орѣшника и древнихъ вязовъ выглядывали миловидныя хижины приморскихъ жителей и солнце вечернее освѣщало картину великолѣпную. Меня все занимало, все плѣняло. Я пожиралъ глазами Англію и желалъ запечатлѣть въ памяти всѣ предметы, меня окружающіе. Сидя на камнѣ съ добрымъ Англичаниномъ — такія откровенныя и добрыя физіогноміи рѣдко встрѣчаются — сидя съ нимъ въ дружественной бесѣдѣ, мы забыли, что время летѣло и солнце садилось. Онъ прощался надолго съ милымъ отечествомъ и говорилъ о немъ съ восхищеніемъ, съ радостными слезами. Какъ не любить

шакой земли, повторялъ онъ, указывая на плѣнительныя окрестности. Здѣсь я покидаю жену, дѣтей, родственниковъ и друзей. Британецъ пожалъ крѣпко мою руку, и мы возвратились въ гостинницу.

Слуга извѣщаетъ насъ, что попутный вѣтеръ позволяетъ судамъ выходить изъ гавани. Я затрепеталъ отъ радости. Прощаясь съ товарищами, расплачиваясь съ услужливымъ хозяиномъ, сажусь въ лодку и съ нее на желанный пакетъ-ботъ Альбіонъ, къ Капитану Маію. Со мною два пассажира: проказникъ Шведъ и какой-то богатый Еврей изъ Лондона, великій щеголь и краснобай. Море заструилось; выходимъ изъ порта. Но вѣтеръ долго принуждаетъ насъ плавать около береговъ Графства Суффолкъ, котораго маяковъ мы не теряемъ изъ виду во всю ночь. Признаюсь тебѣ, положеніе мое было не завидно: жить нѣсколько дней съ незнаемыми лицами, имѣть въ виду морскую болѣзнь! Что дѣлать? надобно покориться судьбѣ. Я сѣлъ на палубу и любовался среброчешуйчатымъ моремъ, которое едва колебалось и отражало то маяки, то лучи мѣсяца, восходящаго изъ-за береговъ Британіи. Между тѣмъ Еврей разсказывалъ повѣсти, Шведъ болталъ о Ковенгарскихъ прелестницахъ, о порт-ныхъ, о лошадяхъ и о Норвегіи, которую Пар-

ламенныъ отдаенъ Принцу. Поздно возвратился я въ каюшу и спалъ мертвымъ сномъ, поруча себя Нептуну, Наядамъ, Борею и Зефиру, Кастору и Поллуксу, покровителямъ странниковъ, и Венерѣ, которая родилась изъ пѣны морской, какъ извѣстно всякому. По утру проснулся съ головною болью; къ вечеру стало хуже: я страдалъ. Вѣтеръ былъ противный и ночь ужасная. Парусы хлопали, снасти трещали, волны плескали на палубу и заботливый Капитанъ безпрестанно повторялъ любимую поговорку: бѣдный Іорикъ! бѣдный Іорикъ! На четвертый день свѣжій попутный вѣтеръ надувалъ паруса, и моя болѣзнь миновалась. Все ожило. Матросы пѣли, Капитанъ шутилъ съ Евреемъ, но Шведъ часъ отъ часу становился несноснѣе и скучнѣе. Гдѣ укрыться отъ него? Я узналъ въ послѣдствіи, что онъ сынъ богатаго купца, родомъ изъ Штокгольма, былъ посланъ въ Лондонъ учиться коммерціи, надѣлалъ шамъ долговъ и возвращается pian pianino въ свое отечество. Его дурной Нѣмецкой и Французской выговоръ приводили меня въ отчаяніе. При каждомъ движеніи судна онъ блѣднѣлъ. То ему казалось, что Капитанъ выпилъ лишнюю рюмку, что компасъ не вѣренъ, что паруса не на мѣстѣ, и что не такъ, и это худо. Потомъ разсказы о Гайдъпаркѣ, о биржѣ, о Платовѣ, о Веллингтонѣ;

намъ описаніе сокровищъ отца его, и все, и все, чего мнѣ слушать не хотѣлось! То онъ давалъ совѣты Капитану, который отвѣчалъ ему гондемомъ, то онъ удилъ рыбу, которая не шла на уду, то онъ видѣлъ кита въ морѣ, мышь на палубѣ или синичку на воздухѣ. Онъ всѣмъ наскучилъ, и человѣколюбивый Еврей предложилъ намъ бросить его въ море, какъ безбожника Діагора, на съѣденіе морскимъ чудовищамъ.

Но какіе часы я проводилъ на палубѣ въ сладостномъ очарованіи, читая Гомера и Тасса, вѣрныхъ спутниковъ воина! Часто, покидая книгу, я любовался открытымъ моремъ. Какъ прелестны сіи необозримыя, безконечныя волны! Какое неизъяснимое чувство родилось въ глубинѣ души моей! Какъ я дышалъ свободно! Какъ взоры и воображеніе мое летали съ одного конца горизонта на другой! На землѣ повсюду преграды: здѣсь ничто не останавливаетъ мечтателя, и всѣ тайныя надежды души расширяются посреди безбрежной влаги.

Fuggite son le terre e i lidi tutti!
De l'onda il Ciel, del Ciel l'onda e confine!

Въ седьмой день благополучнаго плаванія восходящее солнце застало меня у мачты. Восточ-

ный вѣшеръ освѣжалъ лице мое и развѣвалъ волосы. Никогда море не являлось мнѣ въ великолѣпнѣйшемъ видѣ. Болѣе придцати судовъ колебалось на лазоревой влагѣ: иные шли въ Роспокъ, другія въ Англію; иные, подобно пирамидамъ, казались неподвижными, другіе, распустя паруса, какъ лебеди шянулись длинною спаею и исчезали въ опдаленіи. Наконецъ мы замѣпили въ морѣ одну неподвижную шочку: высопы Маспранда; и я привѣпспвовалъ родину Гуспава и Карла. Волны спановились часъ опъ часу шише и шише, изгладились, и я увидѣлъ новую шоржесшвенную карпину: совершенное спокойспвіе, глубокой сонъ бурной спихіи. Солнце казалось въ зенипѣ своемъ, осыпало сіяніемъ гладкую синеву. Къ несчаспію долго ничѣмъ наслаждапься не можно. Тишина въ морѣ упомипительнѣе бури для мореплавашеля. Я пожелалъ вѣпра и сказалъ Капипану:

— — — Tu che condutti
M'hai in questo mar, che non ha fine,
Di, s'altri mai qui giunse, e se più avance
Nel mondo, ove corriamo, have abitante?...

Онъ опвѣчалъ мнѣ на грубомъ Англійскомъ языкѣ, коиорый въ успахъ мореходцевъ еще грубѣе спановипся, и божесшвенные спихи любовника Элеоноры безъ опвѣша исчезли въ воздухѣ:

Быть можетъ, ихъ Ѳетида
Услышала на днѣ,
И, лотосомъ вѣнчаны,
Станицы Нереидъ
Въ серебряныхъ пещерахъ
Склонили жадный слухъ
И сладостно вздохнули,
На урны преклонясь
Лилейною рукою;
Ихъ перси взволновались
Подъ тонкой пеленой...
И море заструнлось,
И волны поднялись!

Свѣжій вѣтръ началъ надувать паруса. Мы приближались къ утесамъ готическимъ. Ты помнишь гавань Гетенбургскую и, можетъ быть, подобно мнѣ, съ нетерпѣніемъ проходилъ мимо Архипелага, скалъ и утесовъ, живописныхъ издали, но утомительныхъ для мореплавателя. Наконецъ мы въ Гетенбургѣ, въ новой Англіи, по словамъ Арндта. Съ разсвѣтомъ являются къ намъ таможенные приставы, которые позволяютъ намъ вступить на берегъ Шведской. Капитанъ Маій со мною прощается и желаетъ счастливаго пути въ Россію. Шведъ спѣшитъ въ городъ и забываетъ впоропяхъ свои чемоданы. Честный Еврей подаетъ мнѣ руку, и мы шествуемъ съ нашими пожитками въ гостинницу Зегерлинга,

откуда я пишу къ тебѣ сіи строки дрожащею рукою. Письменный столикъ шатается, полъ подо мною колеблется: столь сильно впечатлѣніе морской качки, что и здѣсь на сухомъ пути оно не исчезаетъ.

Отдохнувъ не много, иду справляться, нѣтъ ли корабля въ Петербургъ; въ противномъ случаѣ принужденъ буду ѣхать въ Штокгольмъ. Къ несчастію, вчера былъ день воскресной и всѣ банкиры и маклеры за городомъ въ увеселительныхъ домахъ своихъ. Что дѣлать? Бродишь по городу, который показался мнѣ и малъ и бѣденъ, вопреки Арндту. Не мудрено: я изъ Англіи! За воротами Готенбургскими есть липовая аллея: единственное гулянье. Я прошелъ по ней нѣсколько разъ съ печальнымъ чувствомъ. Липы Шведскія такъ тощи и худы въ сравненіи съ липами Британіи! Холодными глазами смотрѣлъ я на окрестности Готенбурга, довольно живописныя, на купцевъ и коммерціковъ, которые со всею возможною важностію прогуливаютъ себя, свои Англійскіе фраки, женъ, дочерей и скуку. Женщины не блистаютъ красотою и странный нарядъ ихъ не привлекателенъ.

На городовой площади собираются Офицеры къ параду. Народъ съ большимъ удовольствіемъ

смотрѣлъ на разводъ солдатъ въ круглыхъ шляпахъ.... Ввечеру парадъ церковный, обрядъ искони установленный.—Войско становится въ строй и поетъ псалмы и священные гимны: Офицеры читаютъ молитвы. Такъ ведется въ Шведской арміи со временъ Густава Адольфа, набожнаго рыцаря и Короля властолюбиваго.

И такъ, милый другъ, я снова на берегахъ Швеціи,

Въ землѣ тумановъ и дождей,
Гдѣ древле Скандинавы
Любили честь, простые нравы,
Вино, войну и звукъ мечей.
Отъ сихъ пещеръ и скалъ высокихъ,
Смѣясь волнамъ морей глубокихъ,
Они на бренныхъ челнокахъ
Несли врагамъ и казнь и страхъ.
Здѣсь жертвы страшныя свершалися Одену,
Здѣсь кровью плѣнниковъ багрились олтари;
Но въ нравахъ я нашелъ большую перемѣну....

Эта земля не плѣнительна. Сладости Капуи или Парижа здѣсь неизвѣстны. Въ ней ничего нѣтъ пріятнаго, кромѣ живописныхъ горъ и воспоминаній.

Прости, милый товарищъ! Тебѣ не должно роптать на судьбу: ты въ землѣ красоты и

здраваго смысла; ты счастливъ. Но я не завидую тебѣ, возвращаясь на дикой сѣверъ: я увижу родину и нѣсколько друзей, о коихъ могу сказать съ Вольтеромъ:

Je les regretterais á la table des Dieux.

К. Батюшков
С. Пб. ч. 1827 г. стр. 30–38

III.

КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

(Въ 1817 году.)

Не виноватъ, не виноватъ нисколько передъ милымъ и почтеннымъ старостою, хотя и кажусь нѣсколько виновнымъ. Странствовалъ, пріѣхалъ домой и опять немедленно пустился странствовать; вотъ почему и не писалъ къ тебѣ, милый старостa: *кибитка не Парнассъ;* она тебѣ скажетъ, если спросишь ее: могъ ли я писать окоснѣлый отъ холода? Теперь дома и пишу. Письмо начинается благодарностію за дружество твое; оно у меня все въ сердцѣ.

И какъ, скажите, не любить
Того, кто насъ любить умѣетъ,
Для дружества лишь хочетъ жить
И языкомъ боговъ до старости владѣетъ!

До старости? Не сердись: это для стиха вставка! Мнѣ Музы и опытность шепчутъ на ухо:

Тотъ вѣчно молодъ, кто поетъ
Любовь, вино, Эрота,

И розы сладосграстья жнешь
Въ веселыхъ цвѣтникахъ Буфлера и Марона.
Пускай грозитъ ему подагра, кашель злой
И свора злыхъ заимодавцовъ:
Онъ все трудится день денской
Для области книгопродавцовъ.
„Умретъ: забытъ!“ Повѣрьте, нѣтъ!
Потомство все узнаетъ:
Чѣмъ жилъ и какъ и гдѣ Поэтъ,
Какъ умеръ, прахъ его гдѣ мирно истлѣваетъ.
И слава, вѣрьте мнѣ, спасетъ
Изъ алчныхъ челюстей забвенья,
И въ храмъ безсмертія внесетъ
Его и жизнь и сочиненья.

Ваши сочиненія принадлежатъ славѣ: въ этомъ никто не сомнѣвается.

Ты злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ
И пѣлъ на лирѣ гимнъ, Эротомъ вдохновенный.

Но жизнь? Повѣрьте и жизнь ваша, милый В. Л., жизнь проведенная въ стихахъ и въ праздности, въ путешествіяхъ и въ домосидѣніи, въ мирѣ душевномъ и въ войнѣ съ С...., не уйдетъ отъ потомства, и если у насъ будутъ лексиконы великихъ людей, стихотворцовъ и прозаиковъ, то я завѣщаю внукамъ искать ее подъ литтерою П.

»Пушкинъ В. Л., Коллежскій Ассесоръ, родился, и проч.«

Чтпьемъ Поэзію любя,
Стихами лепеталъ ты, знаю, въ колыбели;
Ты былъ младенцемъ, и тебя
Лелѣялъ весь Парнассъ, и Музы гимны пѣли,
Качая колыбель усердною рукой:
„Расти, малютка золотой!
„Расти, сокровище безцѣнно!
„Ты нашъ, въ тебѣ запечатлѣнно
„Таланта вѣчное клеймо.
„Ничтожныхъ должностей свинцовое ярмо
„Твоей не пронетъ шеи:
„Эротовъ розы и лилеи,
„Счастливы Пафоса запѣи,
„Гулянья, завтраки и праздность безъ трудовъ,
„Жизнь безъ раскаянья, безъ мудрости плодовъ,
„Твои да будутъ вѣчно!
„Расти, расти, сердечной!
„Не будешь въ золотѣ ходить,
„Но будешь безъ труда на риомахъ говорить,
„Друзей любить
„И кофе жирный пить!“

Чего лучше? Предвѣщаніе Музъ сбылось, какъ видите. Со мною будетъ иначе. Ваши внуки не отыщутъ моего имени въ лексиконѣ славы. Много писалъ, и теперь, разсматривая старыя бумаги, вижу, что написалъ мало путнаго. Что въ

риѳмахъ, если въ нихъ мало счастливыхъ, и что въ счастливыхъ стихахъ безъ счастія! Посудите сами! Живу одинъ въ снѣгахъ, и долго-ль проживу, не знаю.

Меня преслѣдуетъ судьба,
Какъ будто я шалашъ имѣю!
Она, извѣстно вамъ, слѣпа;
Но я въ глаза ей молвить смѣю:
„Оставь меня: я не Поэтъ,
„Я не ученый, не Профессоръ;
„Меня въ календарѣ въ числѣ счастливцевъ нѣтъ,
„Я . . . отставной Ассесоръ!“

Но бросимъ въ сторону эту проклятую Поэзію, для насъ самозванцовъ, и поговоримъ о дѣлѣ.

Душевно радуюсь счастію Ж***; онъ стоитъ его. Фортуна упала не на пень и кочку, какъ говорилъ Державинъ. Что дѣлаетъ ***? Знаю вашъ отвѣтъ:

На свѣтъ и на стихи
Онъ злобой адской дышетъ;
Но въ свѣтѣ копитъ онъ грѣхи,
И вѣчно риѳмы пишетъ . . .
Простите, иногда счастливыя!
Числа по совѣсти не знаю,
Здѣсь время сковано стоитъ,
И скука только говоритъ:

„Пора напиться чаю,
„Пора вамъ кушать, спать пора,
„Пора въ саняхъ кататься.“
— Пора вамъ съ ріомами разстаться!
Разсудокъ мнѣ твердитъ сего дня и вчера.

Это всего умнѣе.
И такъ прощайте!

IV.

Къ А. И. Т.

1818 года.

Очень, очень благодарю васъ за участіе, которое вы принимаете въ судьбѣ моей. Сижу больной, въ колпакѣ и въ шлафоркѣ, и часто думаю о васъ, часто грущу какъ звѣрокъ Лафонтена, cet animal est triste et le chagrin le ronge. Но чаще смѣюсь отъ добраго сердца. Вы столько разъ были мнѣ полезны и дѣломъ и совѣтомъ, что я имѣю право на ваше дружество. Этотъ силлогизмъ не такъ дуренъ, какъ вамъ съ перваго взгляду покажется. Обнимаю васъ отъ всей души, и прошу любить вашего Ахилла, который ворчитъ про себя: ахъ! хилъ! и впрямъ боленъ простудой, насморкомъ, головою; но не умомъ, ибо знаетъ цѣну Жуковскому и Карамзину; не сердцемъ, ибо любитъ васъ по старому. —

---

*

V.

Къ А. И. Т.

Одесса, 30 Іюня 1818.

Вчера получилъ я ваше письмо, почтеннѣйшій А. И., письмо печальное и пріятное. Наканунѣ услышалъ я о потерѣ нашего С. и, признаюсь вамъ, содрогнулся. Потомъ не хотѣлъ вѣрить; письмо ваше подтвердило печальное извѣстіе. С. очень несчастливъ. Жалѣю о почтенномъ Сп. — и особливо о матери! Все это семейство ходитъ по тернамъ, и я не могу безъ горестнаго чувства вспомнить о С. и объ его худомъ здоровьѣ. Желаю ему твердости душевной. — О себѣ скажу вамъ, что я уже занесъ было одну ногу въ Крымъ; послѣ завтра хотѣлъ отправиться въ Козловъ: письмо ваше остановило меня. И такъ судьба моя рѣшена, благодаря вамъ! Я увѣренъ, что вы счастливѣе меня, сдѣлавъ доброе дѣло. Для васъ это праздникъ, подарокъ Провидѣнія. Я благодарю его не за Ипалію, но за дружбу вашу: быть вамъ обязаннымъ пріятно и сладостно! И это подарокъ Провидѣнія, которое начинаетъ быть ко мнѣ благосклоннѣе. На счетъ вашъ и больше и лучше говорилъ я сію минуту,

съ человѣкомъ, который понималъ меня, Г. С—пи. На бумагѣ всего не напишешь; а если напишешь все, то будетъ дурно. Но при первомъ свиданіи обниму васъ крѣпко на-крѣпко. Оно будетъ скоро; сердце влечетъ меня въ Петербургъ. Долженъ увидѣть васъ, виновника моего путешествія (увидѣть К. О., которую почитаю моимъ провидѣніемъ на землѣ). Напрасно усомнилась она въ моемъ пріѣздѣ. Какъ могу рѣшиться на дальной путь и долгую разлуку съ отечествомъ! Странно сказать! а до сихъ поръ не чувствую большаго облегченія отъ купанья. Кстати о купаньѣ: между тѣмъ какъ дружество пеклось о судьбѣ моей, я чуть не избавилъ его отъ хлопотъ. Купавшись, чуть не потонулъ въ морѣ: такъ зашелъ далеко и неосторожно, во время сильной бури! Великое количество соленой воды, которую проглотилъ при потопленіи моемъ, разстроило мою грудь. Три дни страдалъ. Теперь легче: голосъ дружбы вылечилъ меня совершенно. Поклонъ Жуковскому! Знаетъ ли онъ стихи Мейстера, Оду его на побѣду Россіи? Послѣднія строки прелестны! и благодарность къ Россіи въ устахъ иностранца— дѣло конечно необыкновенное, тѣмъ болѣе, что стихи хороши! Вотъ они, если не знаете; вотъ они, если и знаете ихъ. Хорошее можно всегда повторять.

Et toi puissant pays, terre heureuse et chérie,
Asyle favorable, et nouvelle patrie
Que m'accordent les Dieux!
Profite des bienfaits que leur main te dispense,
Et jouis du bonheur sous la douce influence
D'un regne glorieux.
J'aime tes habitans, tes fleurs et tes rivages,
Et l'air que j'y respire, et de tes bois sauvages
L'immense profondeur.
Je vais, je vais rentrer dans ces retraits sombres
Et, plein d'un doux transport, méditer sous leur ombre
Ta gloire et mon bonheur.

И я утѣшаюсь мыслію, что изъ сихъ голыхъ степей, опаленныхъ солнцемъ, увижу сосны Петербурга, прелестную Неву и васъ съ Жуковскимъ; съ послѣднимъ бесѣдую, то есть: перечитываю! Карамзина не выпускалъ изъ рукъ! Здѣсь было очень жарко и Итальянская Опера прекрасная, слѣдственно мнѣ было не худо...

VI.

Къ А. И. Т.

Неаполь, 24 Марта, 1819.

Точно такъ, какъ Тиверій, которато островъ передъ моимъ окномъ, не зналъ съ чего начать посланіе свое къ Сенату, — такъ я, въ волненіи различныхъ чувствъ, посреди заботъ и разсѣянія, посреди визитовъ и счетовъ, при безпрерывномъ крикѣ народа, покрывающаго набережную, при звукѣ цѣпей преступниковъ, при пѣніи полишинелей, лазароновъ и прачекъ, не знаю, не умѣю, съ чего начать вамъ мое письмо. Примѣръ Тиверія соблазнителенъ! Начну строгимъ выговоромъ. Какъ можно забывать насъ, бѣдныхъ странниковъ? Обѣщали писать и вы и всѣ друзья, и никто не сдержалъ даннаго слова. Долженъ полагать, что вы меня забыли. За то и вы не вправѣ требовать отъ меня длиннаго посланія: некогда. Завтра ѣду въ Террачину, а сегодня надобно объѣхать весь городъ, который длиненъ и неопрятенъ.

Каждый день народъ волнами приливаетъ въ обширный театръ — восхищаться музыкой

Россини и усладительнымъ пѣніемъ своихъ Сиренъ, между тѣмъ, какъ Везувій, нашъ сосѣдъ, готовится къ изверженію: говорятъ, въ Портичи и въ окрестныхъ мѣстахъ колодцы начинаютъ высыхать: знакъ, по словамъ наблюдателей, что Вулканъ станетъ работать. Прелестная земля! Здѣсь бываютъ землетрясенія, наводненія, изверженіе Везувія, съ горящей лавой и съ пепломъ; здѣсь бываютъ, при томъ, пожары, повальныя болѣзни, горячка. Цѣлыя горы скрываются, и горы выходятъ изъ моря; другія вдругъ превращаются въ огнедышащія. Здѣсь отъ болотъ или испареній земли волканической воздухъ заражается и рождаетъ заразу: люди умираютъ — какъ мухи. Но за то, здѣсь солнце вѣчное, пламенное; луна тихая и кроткая, и самый воздухъ, въ которомъ таится смерть, благовоненъ и сладокъ! Все имѣетъ свою выгодную сторону; Плиній погибаетъ подъ пепломъ; племянникъ описываетъ смерть дядюшки. На пеплѣ вырастаетъ славный виноградъ и сочные овощи.... Не дали мнѣ кончить начатаго письма. Сію минуту воротился изъ Гаэты, гдѣ разстался съ Великимъ Княземъ: съ нимъ было разставаться грустно — какъ съ Россіею. Мы Его здѣсь видѣли ежедневно, окруженнаго своими; мы къ Нему привыкли, и сохранимъ навсегда въ памяти нашей Его ласки и добро-

желательство. Мы, то есть, двое или трое Русскихъ во всемъ Неаполѣ! Мои товарищи знаютъ весь городъ. Я никого не знаю, и брожу по улицамъ какъ въ лѣсу. Къ досадѣ моей, всѣ покидаютъ теперь Неаполь, и спѣшатъ въ Римъ. Г. де Бре, Серра-Капріоли и всѣ Англичане — мои знакомые. Въ бытность В. К., я познакомился съ Лагарпомъ, который бодръ тѣломъ и духомъ. Онъ всходилъ на Везувій безъ помощи проводника, и къ стыду нашему, опередилъ молодежь. Обращеніе его столько же просто, сколько умъ тонокъ; онъ много знаетъ, ибо все помнитъ. Здѣсь я познакомился съ К., Архіепископомъ Тарентскимъ, ученымъ мужемъ и почтеннымъ, который нѣкогда игралъ важную роль въ Королевствѣ, который, и безъ чиновъ и безъ мѣста, внушаетъ уваженіе и любовь: у него собраніе книгъ, медалей и картинъ. Скажите У....., чтобы онъ мнѣ доставилъ экземпляръ своихъ опытовъ о наитствахъ Элевзинскихъ — для сего почтеннаго старца. Они будутъ въ хорошихъ рукахъ. А мнѣ, милостивый государь, пришлите чего нибудь Русскаго: новостей книжныхъ, стиховъ и прозы. Стыдно ....., если онъ меня забудетъ. Здѣсь я часто говорилъ о немъ съ Гр. де Бре, который Неаполь покидаетъ со слезами на глазахъ: такія прелести имѣетъ сей городъ! О Неаполѣ говоритъ Тассъ,

въ письмѣ къ какому-то Кардиналу, что Неаполь ничего, кромѣ любезнаго и веселаго, не производитъ. Не всегда весело! Не могу привыкнуть къ шуму на улицѣ, къ уединенію въ комнатѣ. Днемъ весело бродишь по набережной, осѣненной померанцами въ цвѣту; но ввечеру не худо посидѣть съ друзьями у добраго огня, и говоришь все, что на сердцѣ. Въ нѣкоторыя лѣта это можетъ быть нуждою, для образованнаго, мыслящаго существа. Какъ бы то ни было, надобно ко всему привыкать. Напомните обо мнѣ Карамзинымъ. Скажите имъ, что въ Баіи мы вспоминали ихъ съ Г. де Бре, посреди розъ и развалинъ. На прелестнѣйшемъ берегу, окруженный тысячами воспоминаній, я буду писать къ нимъ при первомъ удобномъ случаѣ. Просите Пушкина, именемъ Аріоста, выслать мнѣ свою Поэму, исполненную красотъ и *надежды*, если онъ возлюбитъ славу, паче разсѣянія. Карамзинъ говорилъ рѣчь въ Академіи; не пропляшетъ ли чего нибудь и Свѣтлана? Что она поетъ теперь и на какой ладъ? Я получилъ отъ Д. письмо, въ которомъ онъ вздыхаетъ объ отечествѣ. Будьте же счастливы тамъ, друзья мои, и вѣрьте, что васъ люблю, люблю и буду любить. — Для свадьбы Принцессы и для пріѣзда Императора, готовятся здѣсь балы, праздники, гулянья. Здѣсь весна въ полномъ цвѣ-

пѣ; миндальное дерево покрыпо цвѣпами; розы опцвѣпаюпъ, и апельсины зрѣлые падаюпъ съ вѣпвей на землю, усѣянную цвѣпами; но я принимаю слабое учаспіе въ пирахъ людей и Природы; живу съ книгами и думаю о васъ.« —

VII.

Къ С. С. У.

Неаполь, Маія 1819.

Спѣшу загладить мою вину, если можно молчаніе назвать виною. Часто принимался я за перо, и самъ не знаю, почему оплагалъ. Но вчерашній день пробудилъ во мнѣ голосъ совѣсти и обезоружилъ лѣнь мою, которая гопова была защищаться предъ вами ложью и дурными силлогизмами (*).

Когда лучше и подробнѣе узнаю Неаполь, погда увѣдомлю васъ, какъ идетъ здѣсь Университетъ, нѣкогда знаменитый, и ученіе вообще. Но могу смѣло сказать, что Искусства пошли назадъ, и даже самая музыка. Огромный, величественный С. Карло, говорятъ знатоки, гробъ хорошей музыки. Здѣсь и дурную и хорошую начинаютъ слушать съ нѣкоторымъ хладнокровіемъ.

Какая земля! Вѣрьте, она выше всѣхъ описаній для того, кто любитъ Исторію, Природу и Поэзію; для того даже, кто жаденъ къ гру-

(*) Здѣсь выпущены нѣкоторыя частныя подробности. *Прим. Изд.*

бымъ, чувственнымъ наслажденіямъ, земля сія — рай земной. Но умъ, требующій пищи въ настоящемъ, умъ дѣятельный, здѣсь скоро завянетъ и погибнетъ. Сердце, живущее дружбой, замретъ. Общество безплодно, пусто. Найдете домы такіе, какъ въ Парижѣ, у иностранцевъ; но живости, любезности Французской не требуйте. Едва, едва найдемъ человѣка, съ которымъ обмѣняешься мыслями. Отъ Европы мы отдѣлены морями и спѣною Кипайскою. M-me Stael сказала справедливо, что въ Террачинѣ кончится Европа. Въ среднемъ классѣ есть много умныхъ людей, особенно между адвокатами, ученыхъ; но они безъ каѳедры нѣмы, иностранцевъ не любятъ, и, можетъ быть, справедливо. Въ общества я заглядываю, какъ въ маскарадъ; живу дома, съ книгами; посѣщаю Помпею и берега залива, наспавительные, какъ книги; спрашусь только забыть Русскую грамоту. Поздравляю любителей Поэзіи, слѣдственно и васъ, съ прекрасными стихами Жуковскаго — на смерть Королевы. Они сильны, исполнены чувствительности, однимъ словомъ, достойны сей славной Женщины, столь рано у насъ похищенной; достойны Жуковскаго, и могутъ стать на ряду съ его лучшими произведеніями. Желаю вамъ счастія и семейству вашему; да Музы спасутъ васъ и его отъ бѣдъ и горе-

спей жизнейскихъ; Музы, онѣ богини, которыя пережили весь Олимпъ, и которыя никогда не соспарѣются, пока живъ умъ человѣческій. Онѣ присупспвуютъ въ домѣ вашемъ, съ вами, въ васъ. Ихъ молю, да сохранятъ васъ для друзей, для Россіи! —

VIII.

Къ В. А. Ж.

Искія, 1 Августа 1819.

Думаешь ли, милый другъ, легко быть забытымъ тобою? С—ъ пишетъ такъ мало и не связно, что изъ гіероглифовъ его я вижу одно желаніе сказать: я живъ; то есть: будь здоровъ, какъ я, и помомъ Богъ съ тобою! Иногда онъ забываетъ примолвить что-нибудь — о тебѣ, а пишетъ ко мнѣ въ Неаполь о дѣлахъ, для меня совершенно не любопытныхъ. Но сердце мое невольно радуется, когда имѣю отъ него извѣстіе, и день, въ которой получу письмо изъ Россіи, есть лучшій изъ моихъ дней. Суди послѣ этаго, хорошо ли тебѣ забывать меня? Увѣдомь меня о твоихъ занятіяхъ: что началъ новаго? что кончилъ? И отсюда я слѣдую за тобой; желаю счастливаго пути твоему таланту; одна мольба: *не упреди!* Но ты иногда шагаешь исполиномъ, между тѣмъ какъ я здѣсь, милый другъ, въ спрахѣ — забыть языкъ отечественный! — совершенно безъ книгъ Русскихъ, и по нынѣшнему образу занятій моихъ, не часто заглядываю въ двѣ или

при книги Русскія, которыя ненарокомъ взялъ съ собою, не въ Неаполѣ, а на островѣ Искіи, въ виду Неаполя; купаюсь въ минеральныхъ водахъ, которыя сильнѣе Липецкихъ; пью минеральную воду, дышу волканическимъ воздухомъ, питаюсь смоквами, пекусь на солнцѣ, прогуливаюсь подъ виноградными аллеями — при вѣяніи Африканскаго вѣтра, и, что всего лучше, наслаждаюсь великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ въ мірѣ: предо мною въ отдаленіи Сорренто, колыбель того человѣка, которому я обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни; потомъ Везувій, который ночью извергаетъ тихое пламя, подобное факелу; высоты Неаполя, увѣнчанныя замками; потомъ Кумы, гдѣ странствовалъ Эней, или Виргилій; Баія, теперь печальная, нѣкогда роскошная; Мизена, Пуццоли, и — въ концѣ горизонта — гряды горъ, отдѣляющихъ Кампанію отъ Абруццо и Апуліи. Этимъ не ограничивается видъ съ моей террасы: если обращу взоры къ сторонѣ сѣверной, то увижу часть вершины Террачины, и весь берегъ, протягивающійся къ Риму и исчезающій въ синевѣ Тирренскаго моря. Съ горъ сего острова, предо мною, какъ на ладони, островъ Прочида; къ Югу Капрея, гдѣ жилъ злой Тиверій; острова Венгонскіе къ Сѣверу и островъ Понза, гдѣ, по словамъ Анникварія, обитала Цирцея. Ночью не-

бо покрываетсѣ удивительнымъ сіяніемъ; млечной пупь здѣсь въ иномъ видѣ, несравненно яснѣе! Въ сторонѣ Рима — изъ моря выходитъ спрашная комета, о которой мы мало забопимся. Такія картины пристыдили бы твое воображеніе. Природа — великій Поэтъ, и я радуюсь, что нахожу въ сердцѣ моемъ чувство для сихъ великихъ зрѣлищъ; къ несчастію, никогда не найду силы выразить то, что чувствую: для этого нуженъ твой талантъ! Но воспоминаніе всякихъ родовъ даетъ несказанную прелесть сему краю и приноситъ даже болѣе удовольствія сердцу, нежели красоты видовъ. Посреди сихъ чудесъ, удивись перемѣнѣ, которая во мнѣ сдѣлалась: я вовсе не могу писать стиховъ! Графъ Д. И. Хвостовъ сказывалъ мнѣ однажды, что онъ три года былъ въ такомъ положеніи; но за то могу сказать съ покойнымъ К., что пишу *на прозахъ* довольно часто. Я никогда не былъ такъ прилѣженъ! Къ несчастью, и я не могу говорить объ этомъ безъ внутренняго негодованія, здоровье мое вертитъ безпрестанно: ни солнце, ни воды минеральныя, ни самая строгая діэта, ничто его не можетъ исправить: оно, кажется, для меня погибло не возвратно, и грудь моя, которая меня до сихъ поръ очень рѣдко мучила, совершенно отказывается. Италія мнѣ не помогаетъ: здѣсь умираю

отъ холода; что же со мною будетъ на Сѣверѣ? Не смѣю и думать о возвращеніи. По пріѣздѣ моемъ, жарко принялся за языкъ Итальянскій, на которомъ очень трудно говорить съ нѣкоторою пріятностію и правильностію намъ, иностранцамъ. Но это для меня было бы не безполезно, почти необходимо во всѣхъ отношеніяхъ; я хочу короче познакомиться съ этой землею, которая для меня становится часъ отъ часу любопытнѣе. Для самой пользы службы, надобно узнать языкъ земли, въ которой живемъ. Вотъ почему все вниманіе устремилъ я на языкъ Итальянской. Между тѣмъ, чтобы не вовсе забыть свой (ибо по Русски сочинять возможно чисто, плавно, какъ говоритъ Г. Д. И. Х.), я пишу мои записки о древностяхъ окрестностей Неаполя, которыя прочитаемъ когда нибудь вмѣстѣ. Я ограничилъ себя, сколько могъ, одними древностями и первыми впечатлѣніями предметовъ; все, что критика, изысканія, оставляю, но не безъ чтенія. Иногда для одной строчки надобно пробѣжать книгу, часто скучную и пустую. Впрочемъ, мнѣ когда-нибудь послужитъ этотъ трудъ, ибо трудъ, я увѣренъ въ этомъ, никогда не пошерянъ. И такъ всѣ дни мои заняты совершенно; вотъ моя исторія, милый другъ. Если прибавить, то я совершенно доволенъ моею участью, безъ роскоши,

но выше нужды, ничего не желаю въ мірѣ; имѣю или питаю по крайней мѣрѣ надежду возвратиться въ отечество, обнять васъ и быть еще полезнымъ гражданиномъ, и это меня поддерживаетъ въ часы унынія. Здѣсь, на чужбинѣ, надобно имѣть нѣкоторую силу душевную, чтобъ не унывать въ совершенномъ одиночествѣ. Друзей даетъ случай; ихъ даетъ время. Такихъ, какіе у меня на Сѣверѣ, не найду, не наживу здѣсь. Впрочемъ, это и лучше! Какое удовольствіе, вставая по утру, сказать въ сердцѣ своемъ: я здѣсь всѣхъ люблю равно, т. е., ни къ кому не привязанъ и ни за кого не страдаю! — Я за то ближе къ моимъ книгамъ, которыхъ число увеличивается по неволѣ. Скажи К — мъ (и себѣ), что я часто объ нихъ думаю, и отдалъ бы все прекрасное, за одинъ вечеръ, проведенный съ ними. — P. S. Я купался въ Тибрѣ и ходилъ по форуму Рима, ни мало не краснѣя. Здѣсь я читаю Тацита и Жіакони. В. скажи, что я не забуду его! какъ счастіе моей скуки: онъ будетъ вѣчно въ моемъ сердцѣ, вмѣстѣ съ тобою. Прошу тебя, писать ко мнѣ. Чего тебѣ стоитъ, когда ты имѣешь время — переводить какого-то Базельскаго Пиндара, на какіе-то пяти-стопные стихи, и со всѣмъ этимъ писать — какъ Жуковскій, — Будь здоровъ, мое сокровище, не забывай меня

въ землѣ льдовъ и снѣговъ и добрыхъ людей; я помню тебя въ землѣ землетрясеній, и въ свидѣтельство беру М. Е. Х., которому завидую: онъ увидитъ отечество — и тебя!

Прости!

Конецъ первой части.

Библиотека
Пушкинский Дом
Академия Наук СССР
159002
-15-